

Душа
полна
тобой

Стихи
русских
и
советских
поэтов
о любви

Душа полна тобой

Стуки
русских
и советских
поэтов
о любви

Хабаровское книжное издательство • 1975

скан ewgeniq-new

Р2
Д86

Печатается по изданию:
«Душа полна тобой».
Хабаровск, Кн. изд., 1974.

Д 70400-39
М160(03)-75

© Хабаровское книжное издательство, 1975

*Только влюбленный
имеет право на звание
человека.*

А. Б л о к

ОЛЬГА
КОЖУХОВА

Стихи о любви

Стихи о любви...

Сколько их написано, сложено, спето за многие тысячелетия существования человека на земле!

Мировая литература подарила нам бесчисленное множество сказаний, песен, баллад, мадригалов, сонетов, од, элегий, посланий — любимой, поэм, драм, трагедий, посвященных великому чувству любви. О любви первой и любви предзакатной, последней. О любви неразделенной и любви счастливой. О любви возвышенной, романтической — и любви чувственной, земной. Любовь — это не только самое древнее чувство человека, но и самое благородное, созидательное и самое «человечное». Страдание, унижение, зависть, эгоизм, честолюбие, жадность — все меркнет перед очищающей и осветляющей силой любви.

Любовь возвышает и милует, но она же и карает с объективной беспристрастностью, но строгого судьи, отвергая ничтожное, подлое, мелкое. Сила влечения к любимому существу способна преодолевать все преграды и трудности. Иногда она столь огромна и так переполняет человеческую душу, что найти себе выход, разрешиться может только трагически:

Я из рода бедных Азров,
Полюбив, мы умираем, —

...свидетельствует один из героев стихотворения Генриха Гейне.

Стихи о любви сохраняют для нас образы некогда живших женщин и мужчин, исторические подробности отдаленных событий, черты быта, глубину и многообразие человеческих чувств. О Елене Прекрасной, о Беатриче, о Лауре, о Татьяне Лариной, о дочери Гудала Тамаре, об Анне Снегиной и Шаганэ мы не знали бы, если бы в их честь не было написано замечательных стихов.

Величайшие писатели и поэты, философы и мудрецы слагали стихи о любви. Славу им принесла глубина их переживаний, их восторг перед красотой человеческих чувств.

Наша русская литература — в лоне поэзии мировой — создала поистине шедевры на темы любви. От плача Ярославны из «Слова о полку Игореве», от красных девиц и добрых молодцев из былин и русских сказок, от протяжных, полных музыки русских песен безвестных авторов, повествующих нам о коротких встречах и долгих разлуках, о страданиях любящих или житье с нелюбимым мы приходим к блистательным строкам Державина и Жуковского, к ослепительно чистой, возвышенно мудрой поэзии Пушкина, к горячечно страстным стихам Лермонтова, к скорбной музе Некрасова, к проникновенным стихам о любви Тютчева, Фета, Кольцова, Майкова, А. К. Толстого, Никитина, Блока, Бунина, Есенина, Ахматовой, Маяковского...

Баратынский и Веневитинов, Языков, Дельвиг, Вяземский, Федор Глинка, Давыдов, Ростопчина, Жемчужников, Козлов, Тургенев, Мей, Апухтин, Надсон, Анненский, Брюсов — невозможно назвать всех, пишущих о любви, обидно кого-нибудь не назвать. Но это они создали «науку страсти нежной», которую человек изучает веками, но так никогда и не может постигнуть ее до конца, ибо в этой науке всё загадка, всё тайна.

Исходя из самых глубин жизни, принимая живое существо как таковое со всеми его недостатками и несовершенствами, русская лирическая поэзия поднимает человека и ведет к белоснежным вершинам духа, очищая от мелкого, наносного, облагораживая божественной скорбью познания счастья. Да, воистину скорбью. Ибо счастье не есть категория плоская, одномерная. В нем, может быть, как ни в чем другом с наибольшей, щемящей душу выразительностью проявляется двойственность человеческого бытия — смертность сущего Я и бессмертие жизни вообще, безмерные трудности на пути к счастливой, взаимной любви — и краткость мига этой любви, которая, как оказывается, не только итог, завершение мук и страданий, но еще и начало чего-то иного, не зависящего от тебя: новых чувств, новых жизней...

Счастье мига любви действительно неуловимо.

Зафиксировать, возвратить его людям опять и опять может только поэзия.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Поэт в данном случае возвратил нам не только момент самой встречи с любимой, не только воссоздал ее живой образ, но еще и научил нас ценить этот момент, как священный, применительно к нашей собственной жизни, к нашим собственным чувствам. И у нас теперь при воспоминании о подобной же встрече с Ним ли, с Ней пробуждаются новые силы, пробуждается душа, готовая снова воспринимать прекрасное, — ощущая это прекрасное как возможность продлить наслаждение жизнью, как возможность опять бороться, трудиться, творить:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Характерно: для поэта-лирика, воспевающего красоту человеческих отношений, жизнь прекрасна не только минутами счастья, но и всем тем, что она несет в себе, что сопутствует любящим: боль разлуки, обида, упреки, недоверие, ревность, унижение, разочарование, и даже измена, и даже болезни и смерть. Все в свете любви таинственным образом преобразуется и становится началом гармонии бытия. Ибо и горести, и болезни, и смерть возмещаются небывалым духовным богатством, драгоценнейшей из валют — жарким золотом чувств. Какие бы обиды и горе ни случились в жизни человека, какие бы ни понес он утраты, по силе воздействия на человеческую душу это горе и эти утраты никогда не сравнятся с наслаждением и счастьем взаимной любви. Они никогда не сравнятся даже с чувством любви безответной, неразделенной. Ибо человек, полюбивший другого, живет в небывалом накале эмоций: он в себе открывает иные миры, незнакомые прежде. Он умеет постигнуть все то, чего прежде не постигал до конца: равноценность и равнозначность чужой, незнакомой ему человеческой жизни, смысл ее, ее краткость, неуловимость. Он становится добрым, отзывчивым, чутким.

Однако мы не хотели бы, чтобы читатель воспринял лирическую поэзию, стихи о любви вообще как некий телячий восторг

и всеобщее примирение и благоденствие. Глубокое чувство разлада в душе, горечь обид, понимание несправедливостей жизни и тех противоречий, перед которыми гибнет и сама любовь, если человек во имя ее поступает нравственными идеалами, были свойственны русским лирикам во все времена. Любовь может существовать лишь тогда, когда ее не продают и за нее не продаются:

Я горд!.. прости! Люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного,
Я не соделаюсь рабом, —

говорит лирический герой стихотворения Михаила Лермонтова «К***» («Я не унижусь пред тобою...»). В минуты отчаяния поэт подвергает сомнению и длительность чувства и его целительность, он не видит смысла не только своей собственной жизни, но и жизни окружающих людей. Стихи «И скучно и грустно», «Отчего», «Благодарность», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Не плачь, не плачь, мое дитя» и другие свидетельствуют о трагическом несовпадении идеального и действительного в жизни поэта, о фактической невозможности для него найти понимание в светском обществе, обрести живой искренний отклик своим радостям и печалям.

Как никто другой — разве что Блок повторит эту трагическую, отрицающую ноту, — Лермонтов умеет предвидеть, во что превратится, казалось бы, чистое, казалось бы, вечное чувство. Но общение с искренним, молодым существом вызывает и в нем, в этом ироничном поэте с его юношеским максимализмом, восторг перед жизнью и трепет влюбленной души:

Слышу ли голос твой,
Звонкий и ласковый —
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает...

Наши гении, воспевавшие глубину и многообразие любви, ее нежность, ее страсть, преклонение перед любимым существом, в то же время в поэзии не чуждались ни низкого, ни жестокого, ни мятежного, ни греховного. Все — даже самое горестное, болезненное становится для поэта живой, горячей болью души. И как ярко, как нежно она выражена, эта человеческая боль, какими волшебными стихами! Слова льются, как музыка, и так много таят в себе, несмотря на свою простоту, что вся трагедийность происходящего на наших глазах превращается в нечто солнечно-золотое и стано-

вится побеждающей, нравственной силой, осознанием скрытой мудрости жизни.

Мы присутствуем при рождении лучших чувств, на какие человек способен. И главное из этих чувств — сострадание, соучастие. Ибо вместе с поэтом мы готовы страдать над могилой любимой и брести «вдоль большой дороги в тихом свете гаснущего дня», вместе с ним мы становимся скупее в желаньях, и уже не жалеем, не зовем, не плачем. Вместе с поэтом готовы ударить винтовкою оземь, взять табак и сказать: «Не виню...» Все это, таинственно и многократно усиленное нашим собственным воображением, с небывалой поэтической мощью отзывается в недрах нашей души соответственно: радость — радостью, горе — горем. И в том-то и заключается жизнелюбие и оптимизм русской лирики, в том-то и проявляется чудодейственное мастерство наших гениев, что не только сюжетом стиха, не только его мыслью, не только чувством, взбудоражившим читателя, но еще и самим строем дивных образов и метафор, движением звуков, совершенством мелодии они подготавливают нас к приятию сложностей жизни, примиряют с утратами, разрешают слезами и светлой улыбкой дисгармонию происшедшего.

Не случайно, что множество произведений на темы любви русских поэтов, в силу своей музыкальности, впоследствии стали романсами, народными песнями, что они вдохновляли и вдохновляют уже целые поколения композиторов и певцов. Их заучивают наизусть, их цитируют, их читают со сцены, они утешают нас в часы грусти и скорби, укрепляют в нас веру в счастье.

Предлагаемый нами сборник не ставит своей целью знакомить читателя со всеми поэтами, так или иначе откликнувшимися на темы любви. Ибо нет на земле поэта, который бы не посвящал любимому существу вдохновенных стихотворений. Без чувства любви, возможно, не было бы на земле и поэзии вообще. Мы хотим представить сейчас только тех, кто разрабатывал эту тему преимущественно, кто отдал ей лучшие свои силы, чьи стихи с полным правом вошли в память народа как история чувств, ныне ставшая достоянием всего общества в целом.

Одни поэты-лирики, из представленных в этом сборнике, такие, как, например, Тютчев, с помощью любовной темы осмысливали проблемы бытия, великие законы мироздания. Другие исследовали любовь как сложное, многозначное чувство слияния с природой (Майков, Фет, А. К. Толстой). Такие поэты, как Некрасов, Кольцов, Никитин, приносили в свой тончайший лиризм глубокие социальные ноты. С полным знанием народной жизни они воспевали

любовь как выход человека из круга повседневных забот, как возможность забыться, как праздник. Но часто любовь у этих поэтов в силу сложившихся обстоятельств становится горем, еще более тяжким, мучительным, чем все прежние страдания, ибо чувство порою зависит не от тебя самого, а еще и от злобы и корысти окружающих людей, от воли господ и прихотей толстосумов.

Спит могильным сном
Красна девица!
Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Стихи о русской женщине Николая Некрасова, его лирическая поэма «Зеленый Шум», «Коробейники», «Мороз, Красный нос», кольцовские песни, никитинские «думы» самобытны и лексикой, и ритмическим строем, в них много реального, подлинно народного: подробностей быта, деталей, психологических поворотов.

Целые плеяды русских поэтов XVIII и XIX вв. посвятили свое творчество великому чувству любви, его противоречиям, его таинственным законам, по которым любовь живет и умирает, иногда не выразив этого умирания никаким внешним знаком. Один из величайших лириков на переломе двух веков — девятнадцатого и двадцатого — Александр Блок с большой силой показал нам тщету и величие усилий человека разгадать скрытый смысл этих знаков, когда они, наконец, проявляются на поверхности жизни. Разночтение этих знаков, по мысли поэта, есть одна из сложнейших форм человеческого одиночества:

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь? —

вопрошает блоковский Демон в момент наслаждения своим могуществом и своим разочарованием.

Однако и Блок постигнет вершины: бессмертного чувства, и он от неверия и презрения придет к счастью приятия, понимания лучших чистых сторон человеческой души. Он придет даже больше — к прощению причинившего боль, хотя знаменитая поговорка «Понять — значит простить» для поэта не кажется универсальной, способной утешить во всех случаях жизни, отнюдь нет. Но, понимая, Блок пытался прощать — и прощал. И сам в свою очередь жаждал прощения:

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала.
Все-таки когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

Блок многокрасочен и многообразен в описаниях чувств. От молитвенного преклонения перед «Прекрасной Дамой», от «Незнакомки», сохраняющей в своем существе и «берег очарованный и очарованную даль», он идет, как по гребням великих гор, от отчаяния к полноценному, полнокровному счастью «жестоккого» мая с белыми почками, к белым выюгам греха, от солнечной тихой радости и духовного просветления в стихах об Италии к красной розе Кармен, к трагической «Донне Анне», «Перед судом», «На железной дороге» и т. д.

В нашем сборнике мы публикуем лирику Ивана Бунина, поэта и прозаика, в силу разного рода обстоятельств еще мало известного широкому читателю, особенно молодежи.

Стихи Бунина — это подлинные шедевры по ритмике, по языку, они пронзают остротой ощущения бытия, слиянием человека с природой, глубоким лиризмом. Такие стихи, как «Нынче ночью кто-то долго пел», «Одиночество», «В поздний час мы были с нею в поле», «Звезды ночью весенней нежнее», «Как светла, как нарядна весна», «Зацвела на воле в поле бирюза», «Рыбачка», интонационно разнообразны, они благородны по чувству, глубоки по мысли.

Из великих поэтов XX века вряд ли нужно представлять читателю Сергея Есенина. Это писатель поистине необыкновенной литературной судьбы, его лирику знают и любят самые широкие народные массы. Есенин писал почти исключительно о любви и писал с такой силой и страстью, с такой грустью и нежностью, что поэзия его, как бы без видимого усилия со стороны поэта, сама магнетически западает вам в душу и вращается в нее органически, продолжая звучать с нестихающей первозданной силой. Независимо от того, о чем поэт нам рассказывает, будь то глубокое разочарование или восторг перед всем существующим на земле, стихи Есенина всегда несут в себе высокое нравственное

начало, стремление к свету и красоте. Вслушайтесь в музыку есенинского стиха:

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне...

И ритмика, и оркестровка строки здесь настолько прекрасны, что читатель безусловно запомнит описанную поэтом сцену как свою собственную встречу с навсегда утраченным счастьем. Но боль этих строк в силу истинного мастерства поэта не убивает нас, а лечит и возвышает нашу душу, как лечит ее синь небес, зелень луга, алый летний закат, как лечит ее созерцание тихо бегущей воды или пламени лесного костра. Стихи Есенина сообщают нам нечто более важное, значительное, чем составляющие их слова: в них вся сложность действительной подлинной жизни и вся бесконечность ее, все тревоги, но и надежды и вера в будущее, в неизбежность какой-то далекой победы над горем, над разрушенной жизнью первой чистой любовью.

В своих произведениях Сергей Есенин не отделяет чувства личного, интимного от чувства любви к Родине, к земле, к природе, они связаны у него стихийно, естественно, взаимно обогащая и питая друг друга.

Во все века и у всех народов о любви писали не только мужчины-поэты, но и женщины-поэтессы. Имена Каролины Павловой, Евдокии Ростопчиной, Юлии Жадовской и многих других женщин, слагавших стихи, известны читателю не понаслышке. Однако не все из них прославились столь широко, как Анна Ахматова, писавшая почти исключительно лирические стихи, или как Марина Цветаева, в творчестве которой мы находим немало очень сильных и страстных поэтических строк о разлуке, о ревности, о нежности любящей.

Стихи Анны Ахматовой очень коротки, выразительны, — ей свойственны исключительная образность и лаконичность фразы, классически четкая ритмика, простота, даже строгость эпитетов. Однако за строгостью и простотой всегда видишь яркое, даже мятежное чувство.

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,

Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

И даже когда поэтесса сознательно смягчает горечь утраты, скорбь все же звучит очень сильной, внушительной нотой:

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно,
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.

Некоторая беспечность интонации в этом стихе никого не обманет, ибо в конце стихотворения запрятанное, подлинное чувство все же вырвется на свободу, оголенное, словно провод:

О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.

XX век, канун революции и сама революция принесли русской женщине подлинное раскрепощение во всех сферах общественной жизни. С каждым годом — и поныне — все больше и больше женщин-писательниц входит в литературу. Избегая уравнивающего принципа всеобщности, мы представляем некоторых из них в предлагаемом читателю нашем сборнике.

Революция наложила свой отпечаток и на темы любви.

Обычно антологии поэзии дают два раздела в томах — век XIX и век XX. Но подобные деления, наверное, слишком условны. Может быть, было бы вернее делить их на две эпохи: дореволюционную и послереволюционную, советскую. Хотя и это, возможно, неточно. Ибо такие звезды поэзии, как Блок, Бунин, Ахматова, Цветаева, Есенин, творили на рубеже этих двух эпох, и творчество их неразделимо. Из одной эпохи в другую переходил Владимир Маяковский, неся в себе все свойственные этим обоим эпохам черты, предвосхищая новую, не изживая минувшей.

Маяковский по праву занимает в советской лирике одно из ведущих мест: «громада — любовь, громада — ненависть». Наступавший «на горло собственной песне», это он, Маяковский, сложил все же самые сильные и самые страстные строки о неразделенной любви, о любви-ревности, о любви-нежности. Его поэмы «Облако в штанах», «Люблю», «Про это» — в сущности гимны любви. Поэт, «подъемля стих строкоперстый», клянется в неизменном и верном чувстве, с полным сознанием видя, однако, и всю его неразрешимость, весь трагизм неразделенности. Полемически заостряя свое

понимание этого чувства в «Письме товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», Маяковский остается глубинным лириком в том самом единственном древнем смысле этого слова, в каком мы и ныне понимаем его. Свидетельство тому — вырвавшееся предсмертное: «Любит? Не любит? Я руки ломаю...»

Такие поэты, как Игорь Северянин, Бальмонт, писали и до революции и после, но их судьбы, их творческие биографии как бы отделены от нас идеей «несовместимости» с новой жизнью. А чувство любви, воспеваемое этими поэтами, все же волнует нас и сейчас, и приносит — в сравнении с поэзией классической — как-то новые, необычные представления о человеке и его отношениях с окружающим миром.

Русская лирическая поэзия в советские годы получила свое дальнейшее развитие, она стала шире по проблемам, ярче, красочней в житейских подробностях и деталях. В ее прежде несколько камерный строй ворвалась сама жизнь со своей языковой стихией, с социальной борьбой, с глубокими водоразделами, проведенными революцией и гражданской войной между старым и новым.

Стихи о любви зазвучали в мажорных, волнующих, бодрых ритмах. Песнь песней по-прежнему возвышает и облагораживает человека, но этот человек теперь совершенно иной, — это люди простых, «грубых» судеб — рабочий, крестьянин, солдат, матрос. Такие поэты, как Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Владимир Луговской, Илья Сельвинский, Борис Пастернак, Николай Асеев, Ярослав Смеляков и многие другие известные лирики, вслушиваясь в народные говоры, в непривычные прежде сочетания «высокого стиля» с жаргоном, с поэтикой городских окраин, создают произведения, запоминающиеся своей необычностью, новизной. Любовь, ревность, измена — все предстает перед нами в глубинной, народной, социальной окраске: «Товарищ, издевкой меня не позорь за ветер-шалонник, за паузки зорь», — пишет Александр Прокофьев в стихах о том, как закончилась дружба двух парней «в злосчастном краю за Женьку, за милку фартовую мою». Неожидан и экзотичен в стихах Николая Тихонова якут с лиловыми от стужи руками, рассказывающий нам историю побега женщины, не прельстившейся дорогими подарками. Василий Казин пишет о любви, стучащей в груди, как рудокop в шахте. Илья Сельвинский создает лирическую песню о кавалеристах. У Павла Васильева в стихах пламенеют розы на полушалках красивых казачек, «пшеничных» от солнечного света.

Стихи о разлуке в это время отмечены в своем большинстве точным адресом — разлучаются, уезжая на стройки первых пяти-

леток, в армию, на границу, на освоение Севера и Дальнего Востока. Часто милый, возлюбленный — это летчик, моряк, пограничник, а возлюбленная — простая работница, студентка:

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели, —

пишет в стихах о рабфаковке Михаил Светлов. Это стихотворение поэта можно назвать соединяющим — оно действительно соединяет своей лирической формулировкой героическое прошлое советского народа с его героическим будущим. Начнется Великая Отечественная война, и наши девушки, героини лирических стихотворений, снова, как и в годы революции и гражданской войны, подпояшут ремешком шинели, снова взойдут на костры, разложенные гитлеровцами, снова пойдут в бой, как ходили когда-то в «сабельный поход» и на окрашенный кровью лед Кронштадта.

Лирика времен Великой Отечественной войны достойна отдельного целого тома. Это поэзия, отразившая в себе мысли и чаяния миллионов людей, защитников Родины, переживающих вместе с трагедией страны и свои собственные личные трагедии, смерть близких, разлуку людей, верящих в любовь, в победу, в счастливое грядущее. Стихи Алексея Суркова «В землянке», Константина Симонова «Жди меня», песни Исаковского «Катюша», «Дан приказ ему на Запад», «Огонек» и многие другие произведения советских авторов воплотили в себе все самое лучшее, что думал и чувствовал находящийся на передовой, в окопе, солдат.

В эти годы активно работали поэты старшего поколения, в эти годы возмужала и утвердила себя, как лириков, целая плеяда молодых поэтов и поэтесс. Одни во время войны начинали, другие уже расцвели, но все к мирным дням после Победы уже представляли собой приметные творческие индивидуальности: Василий Федоров и Семен Гудзенко, Вероника Тушнова и Павел Шубин, Александр Яшин и Александр Межиров, Сергей Смирнов и Владимир Солоухин, Сергей Орлов и Владимир Туркин, Николай Старшинов и Юлия Друнина. Одни постарше, другие помоложе, пройдя суровую закалку огненных лет, они, каждый по-своему, не утрачивая многовековых достижений русской классики, дополняли и обогащали тему любви своим собственным пониманием жизни и смерти, своим личным опытом бойца, защитника Родины. Женщина-любимая стала в этих испытаниях женщиной-другом, женщиной-товарищем, разделяющим и горе и радость победы.

Наша мирная жизнь отмечена новыми подвигами народа — на этот раз подвигами труда. Освоение целины, завоевание космоса, строительство новых больших городов, ввод в строй промышленных гигантов, наступление на необжитые районы, романтика Севера — все это органически переплетается в лирике поэтов нового поколения — Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Вл. Соколова, Ларисы Васильевой, Ольги Фокиной — с размышлениями о судьбах окружающего нас мира, с темами интернационализма, дружбы с братскими народами. Русская поэзия, стихи о любви обогащаются стилистически, в строй стиха входят новые, незнакомые прежде мотивы: мир раздвинулся, читателю стали доступны достижения поэтов всех стран и народов. Инна Кашежева пишет об этом:

Когда враги шли черною лавиной,
Все потускнело, кроме одного,
И четкий образ женщины любимой
Стал символом Отечества его.

Все это нитью связано одною:
И поцелуй и клятва — мука рта...
Вот потому-то никакой ордою
Моя Россия не была взята!

Вот потому-то на моей планете
Узнали люди дальние миры...

Любовь, как творчество, как призвание совершать добрые дела, — по свидетельству поэта Василия Федорова, который, обобщая это великое человеческое чувство, признает за ним его жизнедеятельную, животворящую светлую сущность, — утверждается и поныне в советской поэзии как единственный, главный закон человеческих отношений. Не «во зло», а «на благо» концентрируются в золотых и серебряных строчках стихов волшебные силы любви, преображающей и возвышающей человека, поднимающей его от земли к пылающим звездам.

Мир любви! Пусть читатель войдет в него, чтобы собственным сердцем прикоснуться к этой тайне, к загадке: за что именно и почему один человек из миллионов людей выбирает — и любит — другого? Почему так случается, что он любит, как будто и без внешних, без видимых постороннему глазу причин? Что же это за сила — любовь?

Прочитай эту книгу. Преклонись перед этой таинственной силой.

Гавриил Державин

(1743—1816)

Пламиде

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

Хоть был бы я царем вселенной,
Иль самым строгим мудрецом, —
Приятностью, красой сраженный,
Твоим был узником, рабом.

Все: мудрость, скипетр и державу
Я отдал бы любви в залог,
Принес тебе на жертву славу
И у твоих бы умер ног.

Но, слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей:
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей.

Нине

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне вслух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно, —
Погаснет скоро и пройдет.
И, ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

Желаю ль целовать: стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,
Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

Амур и Псишея

Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,

А он как будто бы робеет
От случая сего.

Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он — своих крылатых служек,
Чтоб помочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопаны стоят.

Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Псишея не бежит, не стонет, —
Свились, как лист с травой.

Так будь чета век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовью душа.

Цепи

Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей;
Оковы тягостны, хотя они златые.

Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке;

По рощам пролетай, кропись вод струей,
И, чем в Петрополе, будь счастливей на Званке,

А если и тебе под бремя чьих оков
Подвергнуться велит когда-либо природа,
Смотри, чтоб их плела любовь лишь из цветов:
Приятней этот плен, чем самая свобода.

Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Били гнезда и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

Василий Жуковский

(1783—1852)

Песня

Когда я был любим, в восторгах,

в наслаждение,

Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.

Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?

Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,

Я пел, моя душа хвалой твоей жила.

Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:

Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим, дары благодаянья

В обитель нищеты рука моя несла.

Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!

Ах! благостью моей любовь твоя была!

К ней

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

Песня

Птичкой певичкою
Быть бы хотел;
С юной денницею
Я б прилетел
Первый к твоим дверям;
В них бы порхнул
И к молодым грудям
Милой прильнул.

Будь я сиянием
Дневных лучей,
Слитый с пыланием
Ярких очей,
Щеки б румяные
Жарко лобзал,
В перси бы рдяные
Вкравшись, пылал.

Если б я сладостным
Был ветерком,
Веяньем радостным
Тайно кругом
Милой летал бы я;
С долов, с лугов
К ней привевал бы я
Запах цветов.

Стал бы я, стал бы я
Эхом лесов;
Все повторял бы я
Милой: *любовь...*
Ах! но напрасное
Я загадал;
Тайное, страстное
Кто выражал?

Птичка, небесный цвет,
Бег ветерка,
Эха лесной привет
Издадека —
Быстры, но ясное
Нам без речей,
Тайное, страстное
Все их быстрее.

Новая любовь — новая жизнь

Что с тобой вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? где покой?..
Ах! что сделалось с тобой?

Расцветающая ль младость,
Речи ль, полные душой,
Взора ль пламенная сладость
Овладели так тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться —
Бросить томный, томный взгляд!
Ах! я к ней лечу назад!

Я неволен, очарован!
Я к неволе золотой,
Обессиленный, прикован
Шелковинкою одной!
И бежать очарованья
Нет ни силы, ни желанья!
Рад тоске! хочу любить!..
Видно, сердце, так и быть!

Песня

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;

С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
Стал в море полоскать;
Кольцо юркнуло в воду;
Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне подсела с лаской.
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моею.

Песня

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

Александр Пушкин

(1799—1837)

---

*

ростишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой

Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор, —
Спокойна ты: веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим!.. Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

Признание

Я вас люблю, хоть и бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам

Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиление, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечером?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Ты и вы

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она, обмолвясь, заменила
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом,

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Сожженное письмо

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори, письмо любви,
Готов я: ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуто!.. вспыхнули! пылают... легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;

На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

Элегия

Счастлив, кто в страсти сам себе
Без ужаса признаться смеет;
Кого в неведомой судьбе
Надежда робкая лелеет;
Кого луны туманный луч
Ведет в полночи сладострастной;
Кому тихонько верный ключ
Отворит дверь его прекрасной!

Но мне в унылой жизни нет
Отрады тайных наслаждений;
Увял надежды ранний цвет:
Цвет жизни сохнет от мучений!
Печально младость улетит,
Услышу старости угрозы,
Но я, любовью позабыт,
Моей любви забуду ль слезы!

* * *

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.

Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный.
Пока дохнет веселый день
И двинется ночная тень.

* * *

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

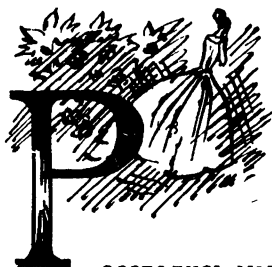
Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

Евгений Баратынский

(1800—1844)

Разлука

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!
Я все имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

Разуверение

Не искушай меня без нуды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,

Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпление;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Поцелуй

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует мое воображение:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдет ли сон и взор сомкнет ли мой —
Мне снишься ты, мне снится наслаждение!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Алексей Мерзляков

(1778—1830)

реди долины ровные,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один, бедняжка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко:
Кого под тень принять?
Ударит ли погодушка:
Кто будет защищать?

Ни сосенки кудрявые,
Ни ивки близ него;
Ни кустики зеленые
Не выются вокруг него.

Ах, скучно одинокому
И дереву расти!

Ах, горько, горько-молодцу

Без милой жизнь вести.

Есть много серебра, золота.

Кого им подарить?

Есть много славы, почестей.

Но с кем их разделить?

Встречаюсь ли с знакомыми:

Поклон, да был таков;

Встречаюсь ли с пригожими:

Поклон — да пара слов.

Одних я сам пугаюся,

Другой бежит меня.

Все друзья, все приятели

До черного лишь дня!

Где ж сердцем отдохнуть могу,

Когда гроза взойдет?

Друг нежный спит в сырой земле,

На помощь не придет!

Ни роду нет, ни племени

В чужой мне стороне;

Не ластится любезная

Подруженька ко мне!

Не плачется от радости

Старик, глядя на нас;

Не вьются вокруг малюточки,

Тихонечко резвясь!

Возьмите же все золото,

Все почести назад;

Мне родину, мне милую,

Мне милой дайте взгляд!

Константин Батюшков

(1787—1855)

Элизий

пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной
Долу, к тихим берегам
Сам он, бог любви прелестной,

Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресаёт
С новым пламенем в крови,
Где, любясь пляской граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поёт, —
Там, под тенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетёт венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

Мой гений

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно выющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

Денис Давыдов

(1784—1839)

Романс

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволие,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? — Мой ангел ли хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всей радостей моих? — Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венки мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил войну, —
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и гробы и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без усталости, как на звезду спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,
И возвращается душа, и сердце бьется!..

На голос русской песни

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливое.

Если жребий мой умереть тоской, —
Я умру, любовь проклинаячи,
Но и в смертный час воздыхаячи
О тебе, мой друг, моя душечка!

Иван Козлов

(1779—1840)

Романс

Нсть тихая роща у тихих ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и млела душой.

Той рощи зеленой мне век не забыть!
Места наслажденья, как вас не любить!
Но с летом уж скоро и радость пройдет,
И душу невольно раздумье берет:
«Ах! в роще зеленой, у быстрых ключей,
Все так ли, как прежде, поет соловей?
И алые розы осенней порой
Цветут ли все так же над светлой струей?»

Нет, розы увяли, мутнее струя,
И в роще не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, там розы цвели,
Их часто срывали, венками плели;
Блеск нежных листочков хотя помрачен,
В росе ароматной их дух сохранен.
И воздух свежится душистой росой;
Весна миновала — а веет весной.

Так памятью можно в минувшем нам жить
И чувств упоенье в душе сохранить;
Так веет отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьмет:
Пусть младость увянет, но сердце цветет.
И сладко мне помнить, как пел соловей,
И розы, и рощу у быстрых ключей!

К неверной

Когда прощался я с тобою
И твой корабль стремился в путь, —
Какой ужасною тоскою
Моя тогда стеснялась грудь!
Унылой мрачностью оделось
Души цветущей бытие,
И мне, безумному, хотелось
Все сердце выплакать мое.

Кто б мне сказал, что роковая
Пора минует и что мне
Тужить, об ней вспоминая
Как о прекрасном милом сне?

И то сбылось — и ты явилась,
Опять пленительна красой;
Но уж любовь не возвратилась,
Ни радость жизни молодой.

Когда опять взыграли волны
С назад плывущим кораблем
И прибежал я, неги полный,
В восторге сладостном моем,
Когда душа моя кипела,
Бледнел, дрожал, смущался я, —
Ты не краснела, не бледнела,
Взглянула просто на меня.

С тех пор простился я с мечтами,
Смотрю в слезах на божий свет;
За ночью ночь и день за днями
Текут, текут, — а жизни нет.
Одно лишь в памяти унылой —
Как наша молодость цвела,
Когда прелестною, счастливой
Ты для меня и мной жила.

Бывало, пылкою душою
Я всё, что свято, обнимал,
И, быв твоим, любим тобою,
Я сам себе цены не знал;
Но разлил взгляд твой безнадежный
Могильный холод вокруг меня, —
Он отравил в груди мятежной
Весь жар небесного огня.

И мрачной томностью крушимый,
Не знаю я, как с сердцем быть,
И образ, столь давно любимый,

Боюсь и помнить и забыть.
В тревоге дум теряя силы,
Почти без чувств скитаюсь я,
Как будто вышел из могилы,
Как будто мир не для меня.

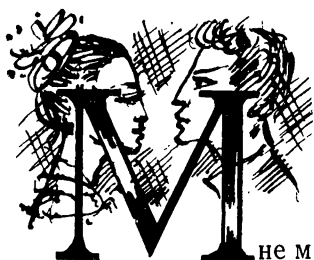
Хочу, лишен всего, что мило, —
Страшась сердечной пустоты, —
Чтоб мне хоть горе заменило
Все то, чем мне бывала ты,
Чтоб об утраченной надежде
Душой взбунтованной тужил;
Хоть нет того, что было прежде,
Но я б по-прежнему любил.

АНТОН
Дельви́г

(1798—1831)

Первая встреча

не минуло шестнадцать лет,
Но сердце было в воле;
Я думала: весь белый свет —
Наш бор, поток и поле.

К нам юноша пришел в село:
Кто он? отколь? не знаю —
Но все меня к нему влекло,
Все мне твердило: знаю!

Его кудрявые власы
Вкруг шеи обвивались,
Как мак сияет от росы,
Сияли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мне что-то изъясняли;

Мы не сказали ничего,
Но уж друг друга знали.

Куда пойду — и он за мной.
На долгую ль разлуку?
Не знаю! только он с тоской
Безмолвно жал мне руку.

«Что хочешь ты? — спросила я, —
Скажи, пастух унылый».
И с жаром обнял он меня
И тихо назвал милой.

И мне б тогда его обнять!
Но рук не поднимала,
На перси потупила взгляд.
Краснела, трепетала.

Ни слова не сказала я;
За что ж ему сердиться?
Зачем покинул он меня?
И скоро ль возвратится?

Иван Мятлев

(1796—1844)

Розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей,

Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вились и радость и любовь.

В ее очах веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувших венков.

Петр Вяземский

(1792—1878)

Простоволосая головка

ростоволосая головка,
Улыбчивость лазурных глаз,
И своенравная уловка,
И блажь затейливых проказ —

Все в ней так молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.

Пусть спесь губернской прозы трезвой,
Чинясь, косится на нее:
Поэзией живой и резвой
Она всегда возьмет свое.

Она пылит, она чудесит,
Играет жизнью, и, шутя,

Она влечет к себе и бесит,
Как своевольное дитя.

Она дитя, резвушка, мальчик,
Но мальчик, всем знакомый нам,
Которого лукавый пальчик
Грозит и смертным и богам.

У них ко всем одни приемы,
В сердца играют заодно:
Кому глаза ее знакомы,
Того уж сглазил он давно.

Ее игрушка — *сердцеловка*:
Поймает сердце и швырнет;
Простоволосая головка
Всех поголовно заберет!

Михаил Лермонтов

(1814—1841)

✱

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка (в клетке)
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

* * *

Как небеса твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.

* * *

Она поет — и звуки тают
Как поцелуй на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.

За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезам и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

Благодарность

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

А. О. Смирновой

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:

На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой;
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали,
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

1

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

2

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

3

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Нищий

У врат обители святой
Стоял просящий подаюня
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,

И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

* * *

Она была прекрасна, как мечта
Ребенка под светилом южных стран;
Кто объяснит, что значит красота:
Грудь полная, иль стройный гибкий стан,
Или большие очи? — Но порой
Всё это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не мог;
Взор без огня — без запаха цветов! —
О небо, я клянусь, она была
Прекрасна!.. Я горел, я трепетал, .
Когда кудрей, сбегających с чела,
Шелк золотой рукой своей встречал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство — яд!

* * *

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,

Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал, —
А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

К*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, название,
Вот всё, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило,
И слезы крылись в месте том:

Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

* * *

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает;
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Федор
Тютчев

(1803—1873)

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепетнется в нас, —

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне, —

И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, —
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любви!..

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?

Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отречения, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

* * *

Я очи знал, — о, эти очи!
Как я любил их — знает бог!

От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслаждение, утомленный
И, как страданье, роковой.

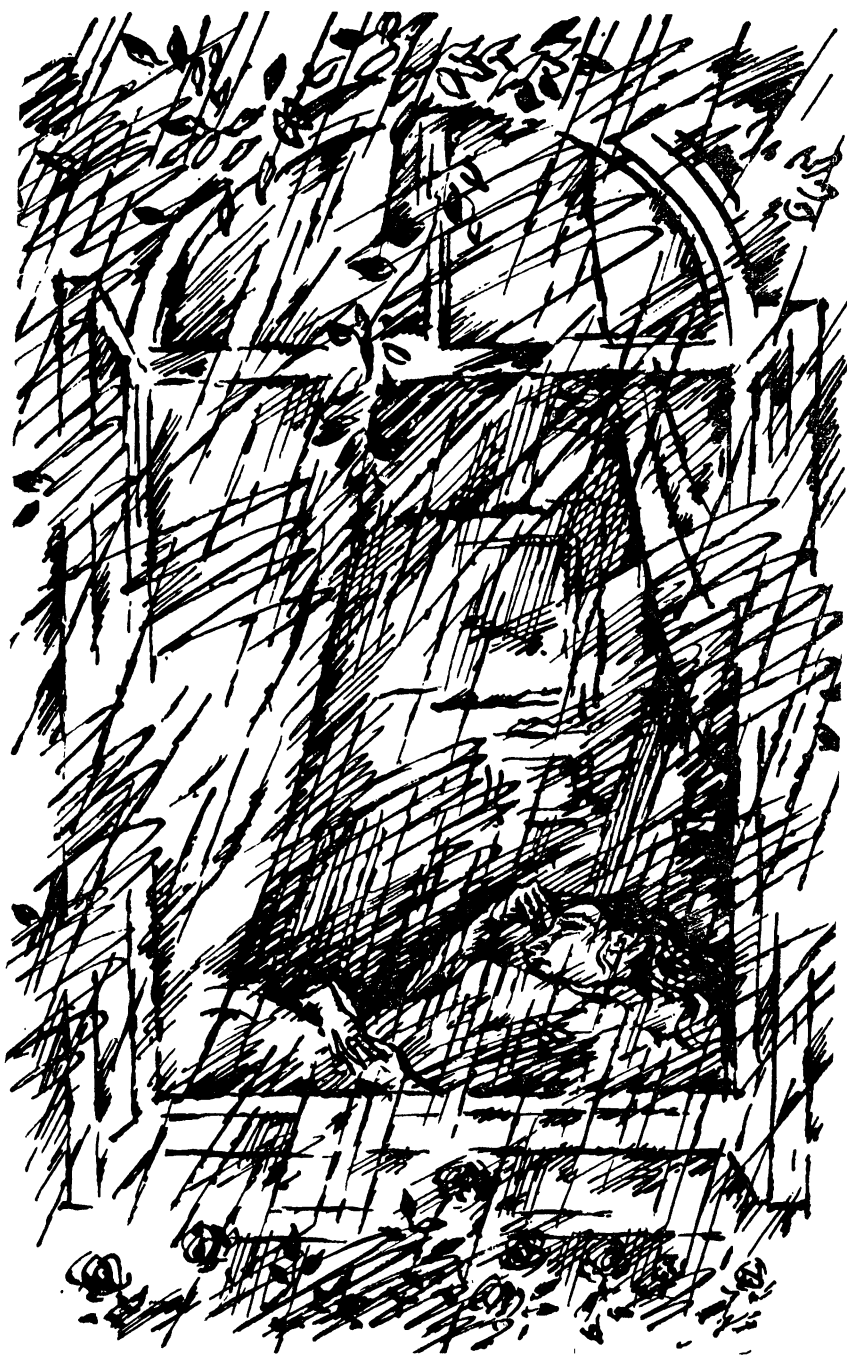
И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

* * *

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. о, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

Последняя любовь

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила

(Я был при ней, убитый, но живой):

«О, как все это я любила!»

. . . . .
Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

* * *

В разлуке есть высокое значенье —
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И словно молнией небесной
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильнее очарованья:
Глаза, потупленные ниц,
В минуту страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огонь желанья.

* * *

Она сидела на полу
И грудку писем разбирала,
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

* * *

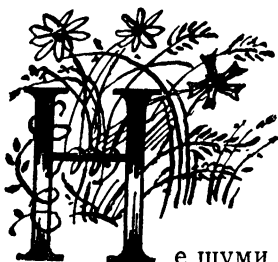
Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Алексей Кольцов

(1809—1842)

Не шуми ты, рожь

е шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

Последний поцелуй

Обойми, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей.
Что печально глядишь?
Что на сердце таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Из очей слез не лей;
Мне не надобно их,
Мне не нужно тоски...
Не на смерть я иду,
Не хоронишь меня.
На полгода всего
Мы расстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутом берегу:
Там отец мой живет,
Там родимая мать
Сына в гости зовет;
Я поеду к отцу,
Поклонюся родной;

И согласие возьму
Обвенчаться с тобой.
Мучит душу мою
Твой печальный убор,
Для чего ты в него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
В свой наряд голубой
И на плечи накинь
Шаль с каймой расписной!
Пусть пылает лицо,
Как по утру заря,
Пусть сияет любовь
На устах у тебя!
Как мне мило теперь
Любоваться тобой!
Как весна, хороша
Ты, невеста моя!
Обойми ж, поцелуй,
Приголубь, приласкай,
Еще раз, поскорей,
Поцелуй горячей!

Разлука

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,

Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечер, ночь волшебница!

Хороши вы — когда нет ее,
Когда с вами делишь грусть свою,
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел — расстанемся,
Но когда-нибудь увидимся...»

Вмиг огнем лицо все вспыхнуло,
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне
Задушить грусть, печаль выплакать,
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло...

Песня

Если встречусь с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет, за огонь
Разольется в груди.

Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем
Пред тобою стою!

Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои
Что́ сказать не сыщу.

А лобзаньям твоим
И восторгам живым
На земле, у людей,
Выражения нет!

Дева — радость души!
Это жизнь, — мы живем!
Не хочу я другой
Жизни в жизни моей!

Иван Никитин

(1824—1861)

ж не я ли тебя, милая, упрашивал,
Честью, ласкою, как друга, уговаривал:
«Позабудь меня — ты после будешь счастлива,
Обвенчают нас — ты вспомнишь волю девичью.

У меня зимой в избушке сыро, холодно,
Мать-старуха привередлива, причудлива,
Сестры злы, а я головушка разгульная,
Много горя ты со мною понатерпишься».

Ты не верила, сквозь слезы улыбалася,
Улыбаясь, обняла меня и молвила:
«Не покинь меня, надежда, всё я вынесу,
При тебе и злое горе будет радостью...»

Уж на что ж теперь ты поздно стала каяться,
На свекровь и на золовок горько плакаться?
Не они тоски-кручины тебе придали —
Что трава от ветра, от меня ты высохла.

Разлюбил я друга, как — и сам не ведаю!
Ноет мое сердце, разума не слушает:
О тебе печалюсь, об иной я думаю,
Ты вся сокрушилась, — весь и я измучился!

* * *

Пошутила я — и другу слово молвила:
«Не ходи ты темной ночью в наш зеленый сад:
Молодой сосед догадлив, он дознается,
Быль и небыль станет всем про нас рассказывать».

Милый друг мой, что ненастный день, нахмурился,
Не подумал и ответил мне с усмешкою:
«Не молвы людской боишься ты, изменница,
Верно, видется со мною тебе нё любо».

Вот неделя — моя радость не является,
Засыпаю — мне во сне он, сокол, видится,
Просыпаюсь — мне походка его чудится,
Вспомню речь его — все сердце разрывается.

Для чего же меня, друг мой, ты обманывал,
Называл душою, дорогою радостью?
Покидая радость, ты слезы не выронил
И с душой расстался, что с заботой скучною.

Не виню я друга, на себя я плачуся:
Уж зачем его я слушала, лелеяла?
Полюбить умела лучше милой матери,
Позабыть нет сил, разлюбить — нет разума.

* * *

День и ночь с тобой жду встречи,
Встречусь — голову теряю;
Речь веду, но эти речи
Всей душой я проклинаяю.

Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу ответа, —
Говорю я про погоду.
Говорю, как ты одета.

Не сердись, не слушай боле:
Этой лжи я сам не верю.
Я не рад своей неволе,
Я не рад, что лицемерю.

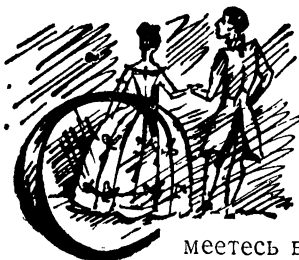
Такова моя отрада,
Так свой век я коротаю:
Тяжело ль — молчать мне надо,
Полюблю ль — любовь скрываю.

Евдокия Ростопчина

(1811—1858)

Разговор во время мазурки

меетесь вы?.. Чему?.. Тому ль, что
в двадцать лет

Разумно я смотрю без грез на жизнь и свет,
Что свято верую я в долг и в добродетель?..
Что совести боюсь, что мне она свидетель
Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души?..
Что сохранить себя в покое и тиши
Я искренно хочу, гнушая порока,
Чтоб век мой женщиной остаться без упрека?..
Тому ль смеетесь вы, что сердцу волю дать,
Что участью своей бессмысленно играть
Я не намерена, страшась волнений страсти;
Что перестала я давно гадать о счастье,
Мне не назначенном, — и, голову склоня,
Сказала я себе: «Нет счастья для меня!..»
Так это вам смешно?! Бог с вами!.. Смейтесь,
смейтесь!..
Но только, я прошу, напрасно не надейтесь

Лукавой речию мой разум омрачить
И сердце женское увлечь и победить
Хитросплетенными софизмами своими!..
Я знаю — мастер вы искусно сыпать ими!..
Оно в привычку вам, и уж не в первый раз...
И хоть вы молоды, уж не одна из нас
Вам слепо вверилась, забывши честь и клятвы...
Но я не такова!.. Но с ними вместе в ряд вы
Не ставьте и меня!.. Я не шучу собой,
Я сердцем дорожу; восторженной душой
Я слишком высоко ценю любовь прямую,
Любовь безмолвную, безгрешную, святую,
Какой нам не найти здесь, в обществе своем!..
Иной я не хочу!.. Друг друга не пойдем
Мы с вами никогда!.. Так лучше нам

расстаться...

Лишь редко, издали, без лишних слов

встречаться!..

Хоть я и говорю: *«никто и никогда!»* —

Я так неопытна, пылка и молода,

Что, право, за себя едва ли поручусь я!..

Мне страшно слышать вас... смотреть на

вас боюсь я!..

Подите!.. Много здесь найдете вы других,

Блистательней меня, милей, смелей, таких,

Каких вам надобно для шутки, для игрушки!..

Кокеток много здесь... Есть также и вертушки,

И львицы модные... подите их пленять

И легкой клятвою их легкость искушать!..

А я... безрадостной судьбе моей послушна,

Я буду век одна... век грустно-равнодушна...

Владимир Соллогуб

(1814—1882)

Серенада

Накинув плащ, с гитарой под полою
К ее окну пойдем в тиши ночной,
Не возмутим мы песней удалую
Роскошный сон красавицы младой.
О, не страшись ты нас, молодая дева!
Не возмутим твоих мы ясных снов
Неистовством бурсацкого напева
Иль повестью студенческих грехов.

Мы здесь поем и тихо и смиренно,
Лишь для того, чтоб слышала нас ты,
И наша песнь — как фимиам священный
Пред алтарем богини красоты.
Звезда любви — Эмилия молодая,
В тебе мила неправильность речей,
И уст твоих улыбка неземная,
И стройный стан, и темный шелк кудрей.

Мы здесь поем в тиши весенней ночи,
И, пробудясь от шума голосов,
Сомкнешь ты вновь мечтательные очи
И не поймешь ты песен бурсаков;
Но, может быть, услышав серенаду,
Невольно ты хоть что-нибудь поймешь
И, может быть, ночным певцам в награду
Их имена впросонках назовешь.

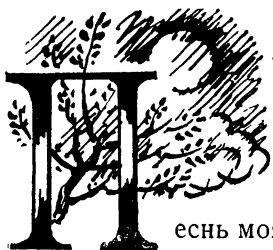
Николай Огарев

(1813—1877)

SÉRÉNADE

Из Людвиг Рельштаба

Неснь моя летит с мольбою
Тихо в час ночной.
В рощу легкою стою
Ты приди, друг мой.
При луне шумят уныло
Листья в поздний час,
И никто, о друг мой милый,
не услышит нас.
Слышишь, в роще зазвучали
Песни соловья;
Звуки их, полны печали,
Молят за меня.
В них понятно все томленье,
Вся тоска любви,
И наводят умиление
На душу они.

Дай же доступ их призванию
Ты в душе своей
И на тайное свиданье
Ты приди скорей!

(1818—1883)

Когда в

Гляжу на тонкий стан, на девственные плечи,
Любуюсь тишиной больших и светлых глаз;
И слушаю твои младенческие речи,
Как слушал некогда я нянюшки рассказ.

Гляжу тебе в лицо с отрадой сердцу новой —
И наглядеться я тобою не могу...
И только для тебя в душе моей суровой
И нежность и любовь я свято берегу.

Вариации

I

Когда так радостно, так нежно
Глядела ты в глаза мои
И лобызал я безмятежно
Ресницы длинные твои;

Когда, бывало, ты стыдливо
Задремлешь на груди моей
И я люблюсь боязливо
Красой задумчивой твоей;

Когда луна над пышным садом
Взойдет и мы с тобой сидим
Перед окном беспечно рядом,
Дыша дыханием одним;

Когда, в унылый миг разлуки,
Я весь так грустно замирал
И молча трепетные руки
К губам и сердцу прижимал, —

Скажи мне: мог ли я предвидеть,
Что нам обоим суждено
И разойтись и ненавидеть
Любовь, погибшую давно?

II

Ах, давно ли гулял я с тобой!
Так отрадно шумели леса!
И глядел я с любовью немой
Все в твои голубые глаза.

И душа ликовала моя...
Разгоралась потухшая кровь,
И цвела, расцветала земля,
И цвела, расцветала любовь.

День весенний, пленительный день!
Так приветно журчали ручьи,
А в лесу в полусветлую тень
Так светло западали лучи!

Как роскошно струилась река!
Как легко трепетали листы!
Как блаженно неслись облака!
Как светло улыбалась ты!

Как я все, все другое забыл!
Как я был и задумчив и тих!
Как таинственно тронут я был!
Как я слез не стыдился моих! —

А теперь этот день нам смешон.
И порывы любовной тоски
Нам смешны, как несбывшийся сон,
Как пустые, плохие стишки.

III

(В дороге)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые.
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

К

Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет... Блеском водянистым
Блестит зеленый ровный луг.
Гроза прошла..., Как небо ясно!
Как воздух звучен и душист!
Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!
Оглашено вечерним звоном
Раздолье мирное полей...
Пойдем гулять в лесу зеленом,
Пойдем, сестра души моей.

Пойдем, о ты, мой друг единый,
Любовь последняя моя,
Пойдем излучистой долиной
В немые, светлые поля.
И там, где жатва золотая
Легла волнистой полосой,
Когда заря взойдет, пылая,
Над успокоенной землей, —
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих...
Позволь руке твоей стыдливо
Коснуться робких губ моих...

Яков Полонский

(1819—1898)

Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,

На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Афанасий Фет

(1820—1892)

✱

а заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

* * *

Какое счастье: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блеснит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя, —
О слушай! о пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,

И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

Алексей Разоренов

(1819—1891)

Песня

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилось со мной,
Что так рвется ретивое
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как огнем,
Все немило мне, постыло,
Все страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды,
И богатства всей земли...

Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая —
Что должна его любить!

Аполлон Майков

(1821—1897)

кажи мне, ты любил на родине своей?
Признайся, что она была меня милей.
Прекраснее?»

— Она была прекрасна... —
«Любила ли она, как я тебя, так страстно?
Скажи мне, у нее был муж, отец иль брат,
Над чьим дозором вы смеялись заочно?
Все расскажи... и как порою полуночной
Она спускалася к тебе в тенистый сад?
Могла ль она, как я, так пламенно руками,
Как змеи, сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимые в лобзаньи никогда,
С твоими горячо ль сливались устами?
В те ночи тайные, когда б застали вас,
Достало ли б в ней сил, открыто, не
страшась,
В глаза им объявить, что ты — ее владенье,

Жизнь, кровь, душа ее? На строгий суд
людей

Глядела ли б она спокойным, смелым
взором?

Гордилась ли б она любви своей позором?..

Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...

О, хороша она... и образ ненавистой

Я вырвать не могу из памяти твоей!..»

— Ах, не брани ее! Глубоко, бескорыстно

Любили мы. Но верь, ни разу ни она,

Ни я любви своей мы высказать не смели.

Она была со мной как будто холодна;

Любя, друг друга мы стыдились и робели:

Лишь худо скрытый вздох, случайный,

беглый взор

Ей изменял. У нас всегда был разговор

Незначаш, о вещах пустых, обыкновенных;

Но как-то в тех словах, в той болтовне

пустой

Угадывали мы душою смысл иной

И голос слышали страданий сокровенных.

И только раз уста мои ее руки

Коснулись; но потом мне стыдно, больно

было,

Когда она ко мне безмолвно обратила

Взор, полный слез, мольбы, укора

и тоски...

Тот взор мне все сказал; он требовал

пощады...

Он говорил мне: нам пора, расстаться

надо...

«И вы расстались?»

— Расстались. Я сказать

Хотел ей что-то, и она, казалось, тоже;

Но тут вошли — должны мы были
замолчать...
«Любить!.. Молчать!! И вы любили?!
Боже, Боже!..»

* * *

Истомленная горем, все выплакав слезы,
На руках у меня, как младенец, ты
спишь;
На лице твоём кротком последняя дума
С неотертой последней слезинкой
дрожит.
Ты заснула, безмолвно меня укоряя,
Что бесчувствен к слезам я казался
твоим...
Не затем ли сквозь сон ты теперь
улыбнулась,
Точно слышишь, что, грустно смотря
на тебя,
Тихо нянча тебя на руках, как младенца,
Я страдаю, как ты, и заплакать готов?

* * *

Порывы нежности обуздывать умея,
На ласки ты скупа. Всегда собой владея,
Лелеешь чувство ты в безмолвии, в тиши,
В святилище больной, тоскующей души...
Я знаю, страсть в тебе питается слезами,
Когда ж, измучена ревнивыми мечтами,

Сомнения, и тоску, и гордость победа,
Отдашься сердцу ты, как слабое дитя,
И жмешь меня в своих объятиях, рыдая, —
Я знаю, милый друг, не может так другая
Любить, как ты! Нет слов милее слов

твоих,

Нет искреннее слез и клятв твоих немых,
Красноречивее — признанья и укора,
Признательнее нет и глубже нету взора,
И нет лобзания сильнее твоего,
Которым бы сказать душа твоя желала,
Как много любишь ты, как много ты страдала.

Под дождем

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни

грома,

Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью

мшистой

Мы стояли точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как все тише смех наш

становился...

Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи

хмурия...

Благодатный дождик! золотая буря!

* * *

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — любя Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

Алексей К. Толстой

(1817—1875)

редь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновение,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновение...

* * *

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

* * *

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь —
Но верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем, лишь первую любовь;

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

* * *

Слеза дрожит в твоём ревнивом взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе:
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею холодной
И говорят, качаяся, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красоты вселенной
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежда!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

* * *

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,

Звонконового, долгогривого,
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола!

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалинке,
На завалинке, близ колодезя,
Поджидаячи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

* * *

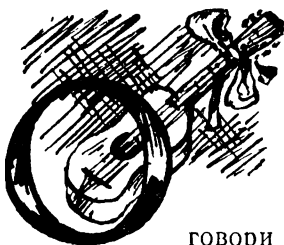
Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

Аполлон Григорьев

(1822—1864)

---

*

говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней.
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравой облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: 'звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

Лев Мей

(1822—1862)

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовью своей,
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно к тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

.

Николай Некрасов

(1821—1878)

---

*

ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Как добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и глядят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу,
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!
И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* * *

Пускай мечтатели осмеяны давно,
Пускай в них многое действительно смешно,
Но все же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —
И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припоминать тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,

Но, больше нашею любовью полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сливали...

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

Зеленый Шум*

Идет-гудет Зеленый Шум, -
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:

---

* Так народ называет пробуждение природы весной. (Прим. Некрасова.)

Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: все зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталя Патрикеевна,
Воды не замутит!
Да с ней беда случилась,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ночью
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —

Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралася...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса:
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И все мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:

«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Алексей Апухтин

(1841—1893)

---

*

очи безумные, ночи бессонные,

Речи несвязные, взоры усталые...

Ночи, последним огнем озаренные,

Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною

Мне указало, что было в вас ложного,

Все же лечу я к вам памятью жадною,

В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете

Звуки дневные, несносные, шумные...

В тихую ночь вы мой сон отгоняете,

Ночи бессонные, ночи безумные!

Алексей Жемчужников

(1821—1908)

---

*

Странно! Мы почти что незнакомы —
Слова два при встречах и поклон...
А ты знаешь ли? К тебе влекомый
Сердцем, полным сладостной истомы, —
Странно думать! — я в тебя влюблен!

Чем спасусь от этой я напасти?..
Так своей покорна ты судьбе,
Так в тебе над сердцем много власти...
Я ж, безумный, думать о тебе
Не могу без боли и без страсти...

Семен Надсон

(1862—1887)

В тени задумчивого сада

тени задумчивого сада,

Где по обрыву, над рекой,
Ползет зеленая ограда
Кустов акации густой,
Где так жасмин благоухает,
Где ива плачет над водой, —
В прозрачных сумерках мелькает
Твой образ, стройный и живой.

Кто ты, шалуня — я не знаю,
Но милым песням на реке
Я часто издали внимаю
В моем убогом челноке.
Они звенят, звенят и льются
То с детской верой, то с тоской,
И звонким эхом раздаются
За неподвижную рекой.

Но чуть меня ты замечаешь
В густых прибрежных камышах,
Ты вдруг лукаво замолкаешь
И робко прячешься в кустах,
И я, в глуши, сосед случайный
И твой случайный враг и друг,
Люблю следить с отрадой тайной
Твой полный грации испуг.

Недолог он: пройдет мгновенье —
И вновь из зелени густой
Твое серебряное пенье
Летит и тонет за рекой.
Мелькнет кудрявая головка,
Блеснет лукавый, гордый взор —
И все поет, поет плутовка,
И песням вторит синий бор.

Стемнело... Зарево заката
Слилось с лазурью голубой,
Туманной дымкой даль объята,
Поднялся месяц над рекой;
Кустов немые очертанья
Стоят как будто в серебре, —
Прощай, до нового свиданья
И новых песен на заре!

Над свежей могилой

(Памяти Н. М. Д.)

Я вновь один — и вновь кругом
Всё та же ночь и мрак унылый,

И я в раздумье роковом
Стою над свежей могилой:
Чего мне ждать, к чему мне жить,
К чему бороться и трудиться:
Мне больше некого любить,
Мне больше некому молиться!..

* * *

Закралась в угол мой тайком,
Мои бумаги раскидала,
Тут росчерк сделала пером,
Там чей-то профиль набросала;
К моим стихам чужой куплет
Приписан беглою рукою,
А бедный, пышный мой букет
Ощипан, будто саранчою!..
Разбой, грабеж!.. Я не нашел
На месте ничего, — все сбито;
Как будто ливень здесь прошел
Неудержимо и сердито;
Открыты двери на балкон,
Газетный лист к кровати свеян...
О, как ты нагло оскорблен,
Мой мирный труд, и как осмеян!
А только встретимся, — сейчас
Польются звонко извиненья:
«Простите, — я была у вас...
Хотела книгу взять для чтенья...
Да трудно что-то и читать:
Жара... брожу почти без чувства...
А вы к себе?.. творить?.. мечтать?..
О, бедный труженик искусства!»

И ждет, склонив лукавый взгляд,
Грозы сурового ответа, —
А на груди еще дрожат
Цветы из моего букета!..

* * *

Ты разбила мне сердце, как куклу ребенок,
И права, и горда, и довольна собой!
Резвый смех твой, как прежде, задорен и звонок,
И как ясное небо — твой взгляд голубой.
Но постой, — этот праздник любви и свободы
Скоро тучи душевной грозы омрачат:
За меня отомстят беспощадные годы, —
Беспощадные годы так быстро летят!
Как змея, подползет к тебе старость с клюкою,
... Чернь волос серебром перевьет седина,
И проснешься ты вдруг с безысходной тоскою
От минувшего счастья, как будто от сна.
Что вернешь ты тогда из блаженных свиданий,
Из душистых ночей, из чарующих грез?
Кто поможет забыть тебе в неге лобзаний
Горечь старческих дум и мучительных слез?
Чем наполнишь ты дни?.. Как дерзнешь,
не бледнея,
Наступающей смерти в глаза заглянуть?
Он угас — обольстительный взгляд твой, Цирцея,
И поблекла твоя сладострастная грудь!
Я же все сберегу, ничего не растрочу
Из сокровищ любви, схороненных во мне:
Пусть сегодня в тоске, как ребенок, я плачу, —
Завтра я запою сладкозвучней вдвойне.
Из отрады и горя разбитого чувства,

Сколько в нем ни сияло лучей красоты,
Все смиренно внесу я в обитель искусства,
Все в созвучья стихов я вплету, как цветы.
И когда о тебе навсегда позабудут, —
Может быть, над твоею могильной плитой
Люди петь мои песни по-прежнему будут,
И любя, и страдая, и плача со мной!

* * *

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий
Мир, погрязший в грязи и крови...
Верь в великую силу любви!..

Максим Горький

(1868—1936)

Девушка и Смерть

I

о деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмура,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:

— «Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, дѣвчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть?»

Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:

— «Отойди, — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди».

Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
— «Нуте-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше, — сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи, —
Предали девицу в руки Смерти.

II

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе, —
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все, пред неизбежной с нею встречей,
Ощущают только страх нелепый, —
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной,
Делает она его умело, —
Люди же считают Смерть ненужной,

Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.

Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем.
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаною!

III

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая,
Смерть бормочет, — жертву пожалела:
— «Ишь ты, ведь, какая молодая!
Что ты нагрубила там царю?
Я тебя за это уморю!»

— «Не сердись, — ответила девица, —
Зá что на меня тебе сердиться?
Целовал меня впервые милый
Под кустом зеленой бузины, —
До царя ли мне в ту пору было?
Ну, а царь, на грех, бежит с войны.
Я и говорю ему, царю,
Отойди, мол, батюшка, отсюда!
Хорошо, как будто, говорю,
А — гляди-ко, вышло-то как худо!
Что ж?! От Смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долюбя.
Смертушка! Душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться!»
Странны были Смерти речи эти, —
Смерть об этом никогда не просят!
Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»

И на вешнем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:
— «Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
Ночь — твоя, а на заре — убью!»
И на камень села, ожидает!
А змея ей жалом косу лижет.
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: «Иди, скорей, иди же!»

IV

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и — уснула.
Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искарриотом,
Дряхленькие оба, лезут в гору, —
Точно две змеи ползут тихонько.
— «Господи!» — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
— «Господи!» — взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румяном
Возлежит господь, — читает книгу;
Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее листочек.
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:
— «Прочь идите! Вас господь не примет!»
— «Михаиле! — жалуется Каин, —
Знаю я — велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»

— «Михаиле! — говорит Иуда, —
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»

И вызывают оба они, в голос:

— «Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет —
Ведь прощенья мы уже не молим!»

Тихо отвечает им архангел:

— «Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
— Знай, — доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.

Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти».

Тут Братоубийца и Предатель

Горестно завыли, зарыдали

И, обнявшись, оба покатались

В смрадное болото под горою!

А в болоте бесятся, ликуя,

Упыри, кикиморы и черти.

И плюют на Каина с Иудой

Синими, болотными огнями.

V

Смерть проснулась около полудня,

Смотрит, — а девица не пришла!

Смерть бормочет сонно: «Ишь, ты, блудня!

Видно ночь-то коротка была!»

Сорвала подсолнух за плетнем,

Нюхает; любит, как солнце

Золотит живым своим огнем

Лист осины в желтые червонцы.

И на солнце глядя, вдруг запела

Тихо и гнусаво, как умела:

— «Беспощадною рукой

Люди ближнего убьют

И хоронят. И поют:

«Со святыми упокой!»

Не пойму я ничего! —

Деспот бьет людей и гонит,

А издохнет — и его

С той же песенкой хоронят!

Честный помер или вор —

С одинаковой тоской

Распевает грустный хор:

«Со святыми упокой!»

Дурака, скота иль хама,

Я убью моей рукой,

Но для всех поют упрямо:

«Со святыми упокой!»

VI

Спела песню — начинает злиться,

Уж прошло гораздо больше суток,

А — не возвращается девица.

Это — плохо. Смерти — не до шуток.

Становясь все злее и жесточе,

Смерть обула лапти и онучи

И, едва дождавшись лунной ночи,

В путь идет, грозней осенней тучи.

Час прошла и видит: в перелеске,

Под росистой молодой орешней

На траве атласной, в лунном блеске

Девушка сидит богиней вешней.

Как земля гола весною ранней,

Грудь ее обнажена бесстыдно,

А на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный путь,
На тропу синеволосо́й ночи.

Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.
Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.

— «Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»
Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,
Отвечает ей девица смело:

— «Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу.
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку.
Думала — до Смерти не далеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди.
Вишь, цветут, как огненные маки!

Смерть, стыдась, тихонько засмеялась:
— «Да, ты будто с солнцем целовалась.
Но — ведь у меня ты не одна, —
Тысячи я убивать должна!
Я, ведь, честно времени служу,

Дела — много, а уж я — стара,
Каждою минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора!»

Девушка — свое:

— «Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя, собою радость рада,
И любовь любит себя».
Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит — не прервать ей этой песни!
Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

VII

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут,
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть — не мать, но — женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости, и гнева, и тоски.
Тем, кого она полюбит крепче,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
— «Что ж, — сказала Смерть, — пусть
будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!

Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

О маленькой фее и молодом чабане

Из Валашской сказки

В лесу над рекой жила фея,
В реке она ночью купалась
И раз, позабыв осторожность,
В рыбацкие сети попалась.
Смотрели рыбаки, дивились...
Любимый товарищ их, Марко,
Взял на руки нежную фею
И стал целовать ее жарко.
А фея, как гибкая ветка,
В могучих руках извивалась
Да в Марковы очи смотрела
И тихо над чем-то смеялась.
День целый они целовались,
А чуть только ночь наступила, —
Пропала красавица фея,
А с нею и Маркова сила.

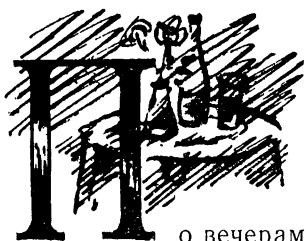
Дни Марко все рыскал по лесу,
А ночи сидел над Дунаем
И спрашивал волны: «Где фея?»
А волны смеются: «Не знаем!»
    Повесился Марко на горькой,
    Трусливо дрожащей осине...
    И други его схоронили
    Над синим Дунаем в теснине.
Ночами к нему на могилу
Та фея сидеть приходила...
Сидит и над чем-то смеется...
Ведь вот как веселье любила!
    Купается фея в Дунае,
    Как раньше, до Марка, купалась...
    А Марка уж нету! От Марка
    Лишь песня вот эта осталась!

Александр Блок

(1880—1921)

Незнакомка

о вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен.
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю на темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

---

* «Истина в вине!» (лат.) — Р е д.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты, право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

SERVUS — REGINAE*

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.
И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.
Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

* * *

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!

---

* Слуга — царице (лат.) — Р с д.

Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами, —
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким крúгом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах пóутру идти!

* * *

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твое белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди — на песчаной косе
Загорались вечерние свечи,
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло...
Белый стан, голоса панихиды
И твое золотое весло.

* * *

Ветер принес издалека
Песни весенней намеков,
Где-то светло и глубоко
Неба открылся клочок.

В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны.

Робко, темно и глубоко
Плакали струны мои.
Ветер принес издалека
Звучные песни твои.

* * *

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!

Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами иссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шепоте, в забытии,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

* * *

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне», —
И опять за травой колокольчик звенит...

* * *

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Все миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

* * *

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу —
Все ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

* * *

Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленею, таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе.
Теплый ветер пройдет по листьям —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам, —
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядеться на милый убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.

* * *

Мы были вместе, помню я...
Ночь волновалась, скрипка пела...
Ты в эти дни была — моя,
Ты с каждым часом хорошела...
Сквозь тихое журчанье струй,
Сквозь тайну женственной улыбки
К устам просился поцелуй,
Просились в сердце звуки скрипки...

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за оградой,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

На железной дороге

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчал.

Так мчалась юность бесполезная,
В густых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

* * *

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,

Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

* * *

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье время не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную, — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души
вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном
зале!

Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облик дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен.
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

Перед судом

Что же ты потупилась в смущении?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в унижении,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,

Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня?
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

Демон

Иди, иди за мной — покорной
И верною моею рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездой,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

Валерий Брюсов

(1873—1924)

Между двойною бездною...

люблю тебя и небо, только небо и тебя,
Я живу двойной любовью, жизнью я дышу, любя.

В светлом небе — бесконечность: бесконечность
милых глаз.

В светлом взоре — беспредельность: небо,
явленное в нас.

Я смотрю в пространство неба, небом взор мой
поглощен.

Я смотрю в глаза: в них та же даль пространств
и даль времен.

Бездна взора, бездна неба! Я, как лебедь на
волнах,

Меж двойною бездною рею, отражен в своих
мечтах.

Так, заброшены на землю, к небу всходим мы,
любя...

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя.

Иван .
Бунин

(1870—1953)

Беззвездные
везды ночью весенней нежнее,
Соловьи осторожней поют...
Я люблю эти темные ночи,
Эти звезды, и клены, и пруд.

Ты, как звезды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всем я ловлю —
В звездном небе, в цветах, в ароматах...
Но тебя я нежнее люблю.

Лишь с тобою одною я счастлив,
И тебя не заменит никто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь — за что!

* * *

Как светла, как нарядна весна!
Погляди мне в глаза, как бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты так ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, как цветок...
О, молчи! Мне не надо признанья:
Я узнал эту ласку прощанья, —
Я опять одинок!

* * *

Нынче ночью кто-то долго пел.
Далеко скитаясь в темном поле,
Голос грустной удалью звенел,
Пел о прошлом счастье и о воле.

Я открыл окно и сел на нем.
Ты спала... Я долго слушал жадно...
С поля пахло рожью и дождем,
Ночь была душиста и прохладна.

Что в душе тот голос пробудил,
Я не знаю... Но душа грустила,
И тебя так нежно я любил,
Как меня когда-то ты любила.

В поздний час мы были с нею в поле.
Я дрожа касался нежных губ...
«Я хочу объятия до боли,
Будь со мной безжалостен и груб!»

Утомясь, она просила нежно:
«Убаюкай, дай мне отдохнуть,
Не целуй так крепко и мятежно,
Положи мне голову на грудь».

Звезды тихо искрились над нами,
Тонко пахло свежестью росы.
Ласково касался я устами
До горячих щек и до косы.

И она забылась. Раз проснулась,
Как дитя, вздохнула в полусне,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалась ко мне.

Ночь царила долго в темном поле,
Долго милый сон я охранял...
А потом на золотом престоле,
На востоке, тихо засиял

Новый день, — в полях прохладно стало...
Я ее тихонько разбудил
И в степи, сверкающей и алой,
По росе до дому проводил.

* * *

Чашу с темным вином подала мне богиня печали.
Тихо выпив вино, я в смертельной истоме поник.
И сказала бесстрастно, с холодной улыбкой богиня:
«Сладок яд мой хмельной. Это лозы с могилы
любви».

Жена Азиса

Неверную мечяю на рис.

Древнее, симферопольское

Уличив меня в измене,
Мой Али, — он был Азис,
Божий праведник, — в Сюрени*
Променял меня на рис.

Умер новый мой хозяин,
А недавно и Али,
И на гроб его с окраин
Все калеки поползли.

Шли и женщины толпами,
Побрела и я шутя,
Розу красную губами
Подведенными крутя.

---

* С ю р е н ь — древнее татарское название Симферополя.
(Прим. И. А. Бунина.)

Вот и роща, и пригорок,
Где зарыт он... Ах, Азис!
Ты бы должен был раз сорок
Променять меня на рис.

Одиночество

И ветер, и дождик, и мгла
Над холодной пустыней воды.
Здесь жизнь до весны умерла,
До весны опустели сады.
Я на даче один. Мне темно
За мольбертом, и дует в окно.

Вчера ты была у меня,
Но тебе уж тоскливо со мной.
Под вечер ненастного дня
Ты мне стала казаться женой...
Что ж, прощай! Как-нибудь до весны
Проживу и один — без жены...

Сегодня идут без конца
Те же тучи — гряда за грядой.
Твой след под дождем у крыльца
Расплылся, налился водой.
И мне больно глядеть одному
В предвечернюю серую тьму.

Мне крикнуть хотелось вослед:
«Воротись, я сроднился с тобой!»
Но для женщины прошлого нет:
Разлюбила — и стал ей чужой.
Что ж! Камин затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Песня

Я — простая девка на баштане,
Он — рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море —
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь — с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь.

Рыбачка

— Кто там стучит? Не встану. Не открою
Намокшей двери в хижине моей.
Тревожна ночь осеннею порою —
Рассвет еще тревожней и шумней.

«Тебя пугает гул среди камней
И скрежет мелкой гальки под горою?»
— Нет, я больна. И свежестью сырою
По одеялу дует из сеней.

«Я буду ждать, когда уgomонится
От бури охмелевшая волна

И станет блеклым золотом струиться
Осенний день на лавку из окна».

— Уйди! Я ночевала не одна.
Он был смелей. Он моря не боится.

Песня

Зацвела на воле
В поле бирюза.
Да не смотрят в душу
Милые глаза.

Помню, помню нежный,
Безмятежный лен.
Да далеко где-то
Зацветает он.

Помню, помню чистый
И лучистый взгляд.
Да поднять ресницы
Люди не велят.

Константин Бальмонт

(1867—1942)

Беатриче

Сонет

Я полюбил тебя, лишь увидал впервые.
Я помню, шел кругом ничтожный разговор,
Молчала только ты, и речи огневые,
Безмолвные слова мне посылал твой взор.

За днями гасли дни. Уж год прошел с тех пор.
И снова шлет Весна лучи свои живые,
Цветы одели вновь причудливый убор.
А я? Я все люблю, как прежде, как впервые.

И ты по-прежнему безмолвна и грустна,
Лишь взор твой искрится и говорит порою.
Не так ли иногда владычица Луна
Свой лучезарный лик скрывает за горою.
Но и за гранью скал, склонив свое чело,
Из тесной темноты она горит светло.

До последнего дня

Быть может, когда ты уйдешь от меня,
Ты будешь ко мне холодней.
Но целую жизнь, до последнего дня,
О, друг мой, ты будешь моей.
Я знаю, что новые страсти придут,
С другим ты забудешься вновь.
Но в памяти прежние образы ждут,
И старая тлеет любовь.
И будет мучительно-сладостный миг: —
В лучах отлетевшего дня,
С другим заглянувши в бессмертный родник,
Ты вздрогнешь — и вспомнишь меня.

Иннокентий Анненский

(1856—1909)

Смычок и струны

акой тяжелый, темный бред!

Как эти выси мутно-лунны!

Касаться скрипки столько лет

И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег

Два желтых лика, два унылых...

И вдруг почувствовал смычок,

Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму

Скажи одно: ты та ли, та ли?»

И струны ластились к нему,

Звения, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда

Мы не расстанемся? довольно?..»

И скрипка отвечала *да*,

Но сердцу скрипки было больно.

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Анна Ахматова

(1889—1966)

---

*

жала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты сго принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

* * *

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.

Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

* * *

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные
Несытые взгляды твои!

* * *

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу — мою тоску,
В пустынную ночь опять.

Милый! не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица — моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.

Чтоб тот, кто спокоен в своем доме,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму»,
И опустил глаза.

* * *

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого, что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
Нет приказу подымать.

Смятение

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

* * *

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно,

Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга,
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыхание веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

* * *

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Гость

Все как раньше, в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю: его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

Н. В. Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

* * *

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада.

Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами:
Вот эта синяя тетрадь —
С моими детскими стихами.

Прости, что я жила скорбя
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.

* * *

Первый луч — благословенье бога —
По лицу любимому скользнул,

И дремавший побледнел немного,
Но еще покойнее уснул.

Верно, поцелуем показалась
Теплота небесного луча...
Так давно губами я касалась
Милых губ и смуглого плеча...

А теперь, усопших бестелесней,
В неутешном странствии моем,
Я к нему влетаю только песней
И ласкаюсь утрением лучом.

* * *

Я окошка не завесила,
Прямо в горницу гляди.
Оттого мне нынче весело,
Что не можешь ты уйти.
Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла:
Я была твоей бессонницей,
Я тоской твоей была.

* * *

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лени или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор все как будто больна.

* * *

И в тайную дружбу с высоким,
Как юный орел темноглазым,
Я, словно в цветник предосенний,
Походкою легкой вошла.
Там были последние розы,
И месяц прозрачный качался
На серых, густых облаках...

* * *

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

* * *

Пока не свалюсь под забором
И ветер меня не добьет,
Мечта о спасении скором
Меня, как проклятие, жжет.

Упрямая, жду, что случится,
Как в песне случится со мной, —
Уверенно в дверь постучится
И, прежний, веселый, дневной

Войдет он и скажет: «Довольно,
Ты видишь, я тоже простил».
Не будет ни страшно, ни больно...
Ни роз, ни архангельских сил.

Затем и в беспамятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.

* * *

Долгим взглядом твоим истомленная,
И сама научилась томить.
Из ребра твоего сотворенная,
Как могу я тебя не любить?

Быть твоею сестрою отрадною
Мне завещано древней судьбой,
А я стала лукавой и жадною
И сладчайшей твоею рабой.

Но когда замираю, смиренная,
На груди твоей снега белей,
Как ликует твое умудренное
Сердце — солнце отчизны моей!

* * *

Шепчет: «Я не пожалею
Даже то, что так люблю, —
Или будь совсем моею,
Или я тебя убью».
Надо мной жужжит, как овод,
Непрестанно столько дней
Этот самый скучный довод
Черной ревности твоей.
Горе душит, не задушит,
Вольный ветер слезы сушит,
А веселье, чуть погладит,
Сразу с бедным сердцем сладит.

Сергей Есенин

(1895—1925)

---

*

а метался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь — как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан:
Если б знала ты сердцем упорным,

Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонкой касаться руки
И волос твоих, цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую доньяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в аlostях зари.

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру,
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказать: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а вепчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рапа от лихого кистеня.
Алым вепчиком кровинки запеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз,
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы поги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синый,
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогого.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

* * *

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий.

По-смешному я сердцем влип,
Я по-глупому мысли занял.

Твой иконный и строгий лик
По часовням висел в рязанах.

Я на эти иконы плевал,
Чтил я грубость и крик в повесе,
А теперь вдруг растут слова
Самых нежных и кротких песен.

Не хочу я лететь в зенит,
Слишком многое телу надо.
Что ж так имя твое звенит,
Словно августовская прохлада?

Я не нищий, ни жалок, ни мал
И умею расслышать за пылом:
С детства нравиться я понимал
Кобелям да степным кобылам.

Потому и себя не сберег
Для тебя, для нее и для этой.
Невеселого счастья залог —
Сумасшедшее сердце поэта.

Потому и грущу, осев,
Словно в листья, в глаза косые...
Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

* * *

Я помню, любимая, помню
Сиянье твоих волос.
Не радостно и не легко мне
Покинуть тебя привелось.

Я помню осенние ночи,
Березовый шорох теней,
Пусть дни тогда были короче,
Луна нам светила длинней.

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда».

Сегодня цветущая липа
Напомнила чувствам опять,
Как нежно тогда я сыпал
Цветы на кудрявую прядь.

И сердце, остыть не готовясь
И грустно другую любя,
Как будто любимую повесть
С другой вспоминает тебя.

* * *

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,

Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.

Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта.
Всё ж кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

* * *

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О, возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце наполнилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь, '
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

* * *

Дорогая, сядем рядом.
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную выюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Я давно мой край оставил,
Где цветут луга и чащи.
В городской и горькой славе
Я хотел прожить пропащим.

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето,
Где под музыку лягушек
Я растил себя поэтом.

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

Их давно уж нет на свете.
Месяц на простом погосте
На крестах лучами метит,
Что и мы придем к ним в гости,

Что и мы, отжив тревоги,
Перейдем под эти кущи.
Все волнистые дороги
Только радость льют живущим.

Дорогая, сядь же рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Сукин сын

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.

С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы
Слово ласковое «поцелуй»?

И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она «моя»?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты — моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

* * *

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолгий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.

Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне,

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа.
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

* * *

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь,
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.

Письмо к женщине

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.

Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и выюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,

В развороченном бурсей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

. . . . .
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —

Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

* * *

Ну, целуй меня, целуй,
Хоть до крови, хоть до боли.
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.

Опрокинутая кружка
Средь веселых не для нас.
Понимай, моя подружка,
На земле живут лишь раз!

Оглядись спокойным взором,
Посмотри: во мгле сырой
Месяц, словно желтый ворон,
Кружит, вьется над землей.

Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.

Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.

Увядающая сила!
Умирать так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдась и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».

И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз!

* * *

Голубая кофта. Синие глаза.
Никакой я правды милой не сказал.

Милая спросила: «Крутит ли метель?
Затопить бы печку, постелить постель».

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы.

Затопи ты печку, постели постель,
У меня на сердце без тебя метель».

* * *

Не криви улыбку, руки тербя,
Я люблю другую, только не тебя.

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.

* * *

Ты меня не любишь, не жалесшь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только не горевших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

Владимир Маяковский

(1893—1930)

Послушайте!

Послушайте!

Ведь если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!

А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь если звезды
зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Люблю

Обыкновенно так

Любовь любому рожденному дадена, —
но между служб,
доходов
и прочего,
со дня на день
очерствеет сердечная почва.
На сердце тело надето,
на тело — рубаха.
Но и этого мало!
Один —
идиот! —
манжеты наделал
и груди стал заливать крахмалом.

Под старость спохватятся.
Женщина мажется.
Мужчина по Мюллеру мельницей машется.
Но поздно.
Морщинами множится кожа.
Любовь поцветет,
поцветет —
и скукожится.

Т ы

Пришла —
деловито,
за рыком,
за ростом,
взглянув,
разглядела просто мальчика.
Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.
И каждая —
чудо будто видится —
где дама вкопалась,
а где девица.
«Такого любить?
Да этакий ринется!
Должно, укротительница.
Должно, из зверинца!»
А я ликую.
Нет его —
ига!

От радости себя не помня,
скакал,
индейцем свадебным прыгал,
так было весело,
было легко мне.

Та к и со мной

Флоты — и то стекаются в гавани.
Поезд — и то к вокзалу гонит.
Ну, а меня к тебе и подавней
— я же люблю —
тянет и клонит.
Скупой спускается пушкинский рыцарь
подвалом своим любоваться и рыться.
Так я
к тебе возвращаюсь, любимая.
Мое это сердце,
любуюсь моим я.
Домой возвращаетесь радостно.
Грязь вы
с себя соскребаετε, бреясь и моясь.
Так я
к тебе возвращаюсь, —
разве,
к тебе идя,
не иду домой я?!
Земных принимает земное лоно.
К конечной мы возвращаемся цели.
Так я
к тебе
тянусь неуклонно,
еле расстались,
развиделись еле.

Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви

Простите

меня,

товарищ Костров,

с присущей

душевной ширью,

что часть

на Париж отпущенных строк

на лирику

я

растранжирую.

Представьте:

входит

красавица в зал,

в меха

и бусы оправленная.

Я

эту красавицу взял

и сказал:

— правильно сказал

или неправильно? —

Я, товарищ, —

из России,

знаменит в своей стране я,

я видал

девиц красивей,

я видал

девиц стройнее.

Девушкам

поэты любы.

Я ж умен
                    и голосист,
заговариваю зубы —
только
                    слушать согласись.
Не поймать
                    меня
                    на дряни,
на прохожей
                    паре чувств.
Я ж
                    навек
                    любовью ранен —
еле-еле волочусь.
Мне
                    любовь
                    не свадьбой мерить:
разлюбила —
                    уплыла.
Мне, товарищ,
                    в высшей мере
наплевать
                    на купола.
Что ж в подробности вдаваться,
шутки бросьте-ка,
мне ж, красавица,
                    не двадцать, —
тридцать...
                    с хвостиком.
Любовь
                    не в том,
                    чтоб кипеть крутей,
не в том,
                    что жгут угольями,
а в том,

что встает за горами грудей
над
волосами-джунглями.

Любить —

это значит:

в глубь двора

вбежать

и до ночи грачьею,

блестя топором,

рубить дрова,

силой

своей

играючи.

Любить —

это с простынь,

бессонницей рваных,

срываться,

ревнуя к Копернику,

его,

а не мужа Марьи Ивановны

считая

своим

соперником.

Нам

любовь

не рай да куши,

нам любовь

гудит про то,

что опять

в работу пущен

сердца

выставший мотор.

Вы

к Москве

порвали нить.

Годы —
        расстояние.
Как бы
        вам бы
                объяснить
это состояние?
(На земле
        огней — до неба...
В синем небе
        звезд —
                до черта.
Если б я
        поэтом нѣ был,
я бы
        стал бы
                звездочетом.
Подымает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
        стишки пишу
в записную книжицу.
Мчат
        авто
                по улице
и не свалят нáземь.
Понимают,
        умницы:
человек —
        в экстазе.
Сонм видений
        и идей
полон
        до крышки,
тут бы

и у медведёй
выросли бы крылышки.
И вот
        с какой-то
                        грошовой столовой,
когда
докипело это,
из зева
        до звезд
                        взвивается слово
золоторожденной кометой.
Распластан
        хвост
                        небесам на треть,
блестит
        и горит оперенье его,
чтоб двум влюбленным
                        на звезды смотреть
из ихней
        беседки сиреновой.
Чтоб подымать
        и вести
                        и влечь,
которые глазом ослабли.
Чтоб вражь
        головы
                        спиливать с плеч
хвостатой
        сияющей саблей.
Себя
        до последнего стука в груди,
как на свиданьи
                        простаивая,
прислушиваюсь:
                        любовь загудит —

человеческая,
простая.

Ураган,
Огонь,
Вода

подступают в ропоте.

Кто
сумеет совладать?

Можете?

Попробуйте...

Николай Асеев

(1889—1963)

Простые строки

1

Среди зеленой тишины
нахлынувшего лета
не все вопросы решены,
не все даны ответы...

Но ясен мне один ответ
без всяческой подсказки,
что лучше в целом мире нет
той, кто пришла из сказки;

Чьи неподкупные глаза
в лицо беды смотрели,
то голубея, как гроза,
то холодной метели.

Мне скажут: вот, опять про то ж!
Знакомая затея,

что лучше той и не найдешь,
кто зорьки золотеет!

О вы, привыкшие к словам —
казенным заявлениям,
все это сказано не вам,
а младшим поколениям.

2

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя — сушь,
мне и в жару без тебя — стыть,
мне без тебя и Москва — глушь.

Мне без тебя каждый час — с год:
если бы время мельчить, дробя;
мне даже синий небесный свод
кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать —
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

3

Что же — привык я к тебе, что ль?
Но ведь, привыкнув, не замечают.
Все превращает любовь в боль,
если глаза равнодушно встречают.

А на тебя я — и рассержусь,
не соглашаешься — разругаюсь,

только сейчас же на сердце грусть,
точно на собственное не полагаюсь;

Точно мне нужно второе, твое,
если мое заколотится шибко;
точно одно у них вместе жилье,
вместе и горечь, и вздох, и улыбка.

Нет, я к тебе не привык, не привык,
вижу и знаю, а — не привыкаю.
Может, действительно ты — мой двойник,
может, его я в стихи облакаю!

Лирическое отступление

1

Читатель, стой!

Здесь часового будка:

Здесь штык и крик.

И лозунг. И пароль.

А прежде —

здесь синела незабудка

веселою мальчишеской порой.

Не двигайся!

Ты, может быть, —

лазутчик,

из тех, кто руку жмет,

кто маслит глаз,

кто лагерь наш

разделит и разучит,

а после

бьет свинцом враждебных фраз;

кто,

лаковым предательством играя,
по виду — покровительствует нам,
чья наглая уступчивость — без края,
чье злобное презрение — без дна.

Вот он идет,

уверенно шагая,
с подглазьями, опухшими во сне,
и думает,

что песнь моя нагая
его должна стесняться и краснеть!..

Скопцы, скопцы!

Куда вам песни слушать!

Вы думаете,

это так легко,

когда

до плеч пузыристые уши
разбухли золотухою веков?!

Вот он идет...

Кружи его без счета!

Гони его по лабиринту рифм!

Глуши его,

громи огнем чечеток,
трави его,

чтоб стал он глух и крив!..

А если друг, —

возьми его за локоть
и медленной походкой проведи,
без выкупа, без всякого залога,
туда, где мы томимся, победив.
Отсюда вот —

с лирических позиций,
не изменив,

но изменясь в лице, —
мне выгодней тревожить и грозиться

и обходить раскинутую цепь.

Мы здесь стоим

                                против шестидюймовых,
отпрыгивающих, визжа, назад,
мы здесь стоим

                                против шеститомовых,
петитом
                                ослепляющих глаза.

Читатель, стой!

                                Здесь окрик и граница.
Здесь вход и форт,
                                не конченный еще.

Со следующей он открыт страницы.

И только — грудью защищен!

2

Ни сердцем,

                        ни силой —

                                не хвастай.

Об этом лишь в книгах — умно!

А встретясь с такой вот, бровастой,
и станешь ходить, как чумной.

От этой улыбки суровой,

от павшей

                        до полу

                                косы

порывами ветра сырого

задышит апрельская синь.

От этой беды

                        тонколицей,

где

                жизни глухая игра,
дождям и громам перелиться
через горизонтовый край.

И вскинет

от слова простого,
примявшего вкось ковыли,
курьерская ночь до Ростова
колесами звезд шевелить.

Ничем —

ни стихом,

ни рассказом,

ни самой судьбой ветровой —
не будешь так скомкан

и разом

распластан вровень с травой.

Тебе бы — не повесть,

а поезд,

тебе б —

не рассказ,

а раскат,

чтоб

мчать, навивая

на пояс

и стран

и событий каскад.

Вот так

на крутом виадукѣ,
завидевши дальний дымок,
бровей загудевшие дуги
понять

и запомнить я б смог.

Без горечи, зависти, злобы
следил бы

издалека,

как в черную ночь унесло бы
порывы паровика.

А что мне вокзальный порядок,
на миг

вас сковавший со мной
припадками всех лихорадок,
когда я
и сам
как чумной?!

3

Скажешь:

вона, заныл опять!

Ты глумишься,

а мне не совестно.

Можно с каждой женщиной спать,
не для каждой — встаешь в бессоннице.

Хочешь,

вновь я тебе расскажу
по порядку,

как это водится?

Ведь каким я теперь брожу,
и тебе как-нибудь забродится.

Все вокруг

зацветает, грустя,
словно в дальние страны едучи;
станет явен

всякий пустяк
каждой поры в лице и клеточки.
Руку тронешь —

она одна

отзовется

за всех и каждого,
выжмет с самого сердца дна
дрожь удара

самого важного.

Станешь таять,

как снег в воде, —

не качай головой, пожалуйста,
даже если б ты был злодей,
все равно — затрясет от жалости.
Тьма ресниц и предгрозы губ,
запылавших цветами в Фаусте...
Дальше —

даже и я не смогу
разобраться в летящем хаосе;
низко-низко к земле присев,
видишь, — вновь завывают кликушей;
я б с размера не сбился при всех,
да язык
досиня прикушен!

4

За эту вот площадь жилую,
за этот унылый уют
и мучат тебя, и целуют,
и шагу ступить не дают?!
Проклятая тихая клетка
с пейзажем,
примерзшим к окну,
где полною грудью
так редко,
так медленно

можно вздохнуть.

Проклятая черная яма
и двор с пожелтевшей стеной!
Ответь же, как другу, мне
прямо, —
какой тебя взяли ценой?
Молчи!

Все равно не ответишь,
не сложишь заученных слов,

немало

за это на свете
потеряно буйных голов.
Молчи!

Ты не сломишь обычай,
пока не сойдешься с одним —
не ляжешь покорной добычей
хрустеть,

выгибаясь под ним!
Да разве тебе растолкуешь,
что это —

в стотысячный раз
придумали муку такую,
чтоб цвел полосатый матрас.
Чтоб ныло усталое тело,
распластанное поперек,
чтоб тусклая маска хрипела
того,

кто тебя изберет!
И некого тут виноватить!
Как горы, —

встают этажи,
как громы, —
пружины кроватей,
и —

надобно ж как-нибудь жить!
Так значит —

вся молодость басней
была,

и помочь не придут,
и день ожидания сгаснет
в неясном рассветном бреду?
Но кто-нибудь сразу,

вчистую
расплатится ж

блеском ножа
за эту вот
        косу густую,
за губ остывающий жар?

5

От двенадцати до часу
мне всю жизнь к тебе стучаться!
Не по жиле телефона,
не по кодексу закона,
не по силе,
        не по праву
сквозь железную оправу.
Даль весенняя сквозная!..
Я тебя другую знаю,
я тебя видал такую,
что не двинуться рукою.
В солнце, в праздник,
        в ветер, в будень
всюду влажный синий студень.
От двенадцати до часу
мне сквозь мир к тебе стучаться!
Обо все себя ломая,
сквозь кронштейны,
        сквозь трамваи,
сквозь насмешливые лица,
сквозь свистки и рысь милиций,
сквозь забытые авансы,
сквозь лохмотья хитрованцев,
сквозь дома
        и сквозь фиалки
на трясучем катафалке.
От двенадцати до часу
навкося мир начнет качаться!

Мир суровый, мир лиловый,
страшный, мертвый мир бывшего,
мир, где от белья и мяса
туши тушами дымятся,
где стреляют, режут, рубят,
где губами

жгут и губят

теми ж,

ими же болтая

об эпитетах в «Полтаве».

Я доволен буду малым,
если грохнет он обвалом,
и я то почту за счастье,
если брызнет он на части,
если, мне сломавши шею,
станет чуть он хорошее...
Это все должно начаться
от двенадцати до часу!

6

Мой дневник!

Не стань анекдотом

лорелейной грусти, —

если женщину выкрал кто-то,

он ее не пустит.

Он забьет,

измучит,

изранит

и сживет со света,

в жизни

или на экране, —

все равно мне это!

И она загрустит,

закрутит,

переменит званье,
разбазарит глаза и груди
и в старуху свянет.

7

Нет,

ты мне совсем не дорогая!

Милые

такими не бывают...

Сердце от тоски оберегая,
зубы сжав,

их молча забывают.

Ты глядишь —

меня не понимая,

слушаешь —

словам моим не веря,

даже в этой дикой сини мая
видя жизнь

как смену киносерий.

Целый день лукавя и фальшивя,
грустные выдумывая штуки,
вдруг —

взметнешь ресницами большими,
вдруг —

сведешь в стыде и страхе руки.

Если я такой тебя забуду,
если зубом прокушу я память —
никогда

к сиреневому гуду
не идти сырыми мне тропами.
«Я люблю, когда темнеет рано!» —
скажешь ты

и станешь как сквозная,
и на мертвой зелени экрана

только я тебя и распознаю.
И, веселье призраком пугая,
про тебя скажу,
                        смеясь с другими:

«Эта
мне совсем не дорогая!
Милые
бывают не такими».

8

Убегая от слова прямого
и рассчитывая
каждый шаг,
сколько мы продержались зимовок,
так называемая
душа?

Ты училась юлить
и лизаться,
норовила прожить без вреда,
ты во время мобилизаций
притворялась
идущей в рядах...

И когда колыхавшимся газом
плыли беды,
ты, так же ловча,
опрокинув и волю и разум,
залегала в дорожный ровчак.
В ряд с тобою был так благороден,
так прозрачен и виден на свет
даже серый, тупой оборотень,
изменяющий в непогоду цвет.
Где же взять тебе плавного хода,
вид уверенный,
явственный шаг,

ты, измятый, изломанный «кодак»,
так называемая

душа?

Вот смешались поля и пейзажи,
все, что блеск твоих дней добывал,
и теперь —

ты засыпана заживо,
в черной страсти упавший обвал.

Что ж,

попробуй, поди, прояви-ка,
в этой пленке нельзя различить,
чьи глаза, чьи слова там навыват,
чьих планет пересеклись лучи.
Как узнать там твой верный, любимый
облик жизни —

большой и цветной?

Горя хлористым золотом вымой
расплывающееся пятно.

Если песням не верят, —

то прочь их,

слепорожденных жалких котят.

Видишь:

спрыгнуть с нависнувших строчек,
как с карниза лепного, хотят.

Если делаешь все вполовину, —

разрывайся ж и сам пополам.

О, кровавая лет пуповина!

О, треклятая губ кабала!

Не за силу, не за качество

Не за силу, не за качество
золотых твоих волос

сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.

Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.

Я люблю тебя, — ту самую, —
все нежней и все тесней,
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне.

Ту, что шла со мной и мучилась,
шла и радовалась дням
в те года, как выюга выючила
груз снегов на плечи нам.

В том краю, где сизой заметью
песня с губ летит, скользя,
где нельзя любить без памяти
и запеть о том нельзя,
где весна, схватившись за ворот,
от тоски такой устав,
хочет в землю лечь у явора,
у ракитова куста.

Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос —
ты всему была заказчица,
что в строке отозвалось.

Марина Цветаева

(1892—1941)

✱

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

Вчера еще в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал —
Жизнь выпала копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — отвечают.

Жить приучил — в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что *ты*, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе я сделала?

Все ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Самó — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За все, за все меня прости,
Мой милый, — что́ тебе я сделала!

Любовь

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам,
Имя собственного ребенка.

Попытка ревности

Как живется вам с другою,
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговою
Скоро ль память отошла.

Обо мне, плавучем острове?
(По небу — не по водам!)
Души, души! — быть вам сестрами,
Не любовницами — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с одного сошед),

Как живется вам — хлопочется, —
Ежится? Встается как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с *любою* —
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? — Удачи не скрывай! —

Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здесьнею? Ребром — любя?
Стыд Завесовой вожжою
Не захлестывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой!
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог — и начисто разбит!)
Как живется вам с стотысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых

Чувств?

Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли?
Так же ли — как мне с другим?

Илья Сельвинский

(1899—1968)

---

*

Если умру я, если исчезну,
Ты не заплачешь. Ты б не смогла.
Я в твоей жизни, говоря честно,
Не занимаю большого угла.

В сердце твоём оголтелый дятел
Не для меня стучит о любви.
Кто я, в сущности? Так. Приятель.
Но есть права у меня и свои.

Бывает любовь безысходнее круга —
Полубезумье такая любовь!
Бывает — голубка станет подругой,
Лишь приголубь ее голубок,

Лишь подманить воркованием губы,
Мехом дыханья окутать ее,
Грянуть ей в сердце прямо и грубо
Жаркое сердцебиенье свое...

Но есть на свете такая дружба,
Такое чувство есть на земле,
Когда воркованье просто не нужно,
Как рукопожатья в своей семье,

Когда не нужны ни встречи, ни письма,
Но вечно глаза твои видят глаза,
Как если б средь тонких струн организма
Новый какой-то нерв завелся.

И знаешь: что б ни случилось с тобою,
Какие б ни прокляли голоса —
Тебя с искалеченною судьбою
Те же теплые встретят глаза,

И встретят не так, как радушные люди,
Но всей

глубиною

своей

теплоты,

Не потому, что ты абсолютен,
А просто за то, что ты — это ты.

Влюбленные не умирают

Да будет славен тот, кто выдумал любовь
И приподнял ее над страстью:
Он мужество продолжил старостью,
Он лилию выводит среди льдов.

Я понимаю: скажете — мираж?
Но в мире стало больше нежности,
Мы вскоре станем меньше умирать:
Ведь умираем мы от безнадежности.

Николай Тихонов

1896

---

*

люблю тебя той — без прически.
Без румян — перед ночи концом,
В черном блеске волос твоих жестких,
С побледневшим и строгим лицом.

Но, отняв свои руки и губы,
Ты уходишь, ты вечно в пути,
А ведь сердце не может на убыль,
Как полночная встреча, идти.

Словно сон, что случайно вспугнули,
Ты уходишь, как сон — в глубину
Чужедальных мелькающих улиц,
За страну меняешь страну.

Я дышал тобой в сумраке рыжем,
Что мучений любых горячей,
В раскаленных бульварах Парижа,
В синеве ленинградских ночей.

В крутизне закавказских нагорий,
В равнодушие московской зимы
Я дышал этой сладостью горя,
До которого дожили мы.

Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную, —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

* * *

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но ни песней, ни бранью, ни ладом
Не ужились мы долго вдвоем, —
Убежала с угрюмым помадом,
Остробоком свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож
Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?» —
«Видно, хуже», — ответил якут
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

* * *

Ты не думай о том, как тоскую я в городе зимнем,
И высокие брови не хмурь на чернеющий снег,
Ты со мною всегда: и в снегах, и под пламенным
ливнем.
Улыбнись, моя гордость, ты поедешь навстречу
весне.
Ты увидишь ручьи, как впервые, мальчишески
рыжие рощи,
И взъерошенных птиц, и травы полусонный узор,
Все, что снится тебе, будет сниться теплее и проще,
Ты любимое платье наденешь для синих озер.
Ты пойдешь вдоль канала, где барки над тихой
водою,
Отдохнешь среди улиц, где тихо каштаны цветут,
Ты очнешься одна — в тишине, далеко, чуть
усталой, простой, молодою,
Удивленно впивая такой тишины чистоту.

Борис Пастернак

(1890—1960)

Без названия

едотрога, тихоня в быту,
Ты сейчас вся огонь, вся горенье.
Дай запру я твою красоту
В темном тереме стихотворенья.

Посмотри, как преображена
Огневой кожурой абажура
Конура, край стены, край окна,
Наши тени и наши фигуры.

Ты с ногами сидишь на тахте,
Под себя их поджав, по-турецки.
Все равно: на свету, в темноте
Ты всегда рассуждаешь по-детски.

Замечтавшись, ты нижешь на шнур
Горсть на платье скатившихся бусин.
Слишком грустен твой вид, чересчур
Разговор твой прямой безыскусен.

Пошло слово «любовь», ты права,
Я придумаю кличку иную.
Для тебя я весь мир, все слова,
Если хочешь, переименую.

Разве хмурый твой вид передаст
Чувств твоих рудоносную залежь,
Сердца тайно светящийся пласт?
Ну так что же глаза ты печалишь?

Свидание

Засыплет снег дороги,
Завалит скаты крыш.
Пойду размять я ноги, —
За дверью ты стоишь.

Одна, в пальто осеннем,
Без шляпы, без кадош,
Ты борешься с волнением
И мокрый снег жуешь.

Деревья и ограды
Уходят вдаль, во мглу.
Одна средь снегопада
Стоишь ты на углу.

Течет вода с косынки
По рукаву в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

И прядью белокурой
Озарены: лицо,
Косынка и фигура,
И это пальтецо.

Снег на ресницах влажен,
В твоих глазах тоска,
И весь твой облик сложен
Из одного куска.

Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.

И в нем навек засело
Смиренье этих черт,
И оттого нет дела,
Что свет жестокосерд.

И оттого двоится
Вся эта ночь в снегу,
И провести границы
Меж нас я не могу.

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

* * *

Любить иных тяжелый крест,
А ты прекрасна без извилин,

И прелести твоей секрет
Разгадке жизни равносильен.

Весною слышен шорох снов
И шелест новостей и истин.
Ты из семьи таких основ.
Твой смысл, как воздух, бескорыстен.

Легко проснуться и прозреть,
Словесный сор из сердца вытрясть,
И жить, не засоряясь впредь,
Все это — не большая хитрость.

* * *

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,

И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,

И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют.

Вера Инбер

(1890—1972)

---

*

М есяцы нас разделили,
Я даже не знаю, где ты,
Какие снега или пыли
Заметают твои следы.

Город большой или дом лишь
Замыкают твоё бытие,
И помнишь ты или не помнишь
Самое имя мое?

Иду на почту

1

Иду на почту. Что-то я грустна.
О, просто так... Случается со мною.

Мне надобно отправить три письма:
Одно — домой, другое — деловое,
А третье — отправлять я не спешу,
Я только мысленно его пишу.

2

«Любимый мой, все шире между нами
Быстробегущий времени поток.
Уже мелькнул и скрылся над волнами
(Ты долго мне махал им) твой платок.
И вот уже ни лоскутка, ни звука.
Все ширится и ширится разлука.

3

Любовь была вот именно по гроб,
Но вздор, пустяк... и все пошло иначе.
Так иногда в космической задаче
Допущена ошибка. Мелочь. Дробь.
И навсегда осталось неоткрытым
Движение двух сердец по их орбитам.

4

Разлука затуманила черты;
Тут никакая память не поможет.
Мы не встречаемся с тобой. И все же
Встречаемся с тобою, я и ты.
Так, например, однажды в ночь, зимой,
По радио ты слышал голос мой.

5

В другой раз вечером, весною ранней,
Над горною рекою во весь рост

Передо мною вырос на экране
Тобой недавно выстроенный мост.
И показалось мне, что страшно просто
К тебе вернуться по такому мосту.

6

Казалось: за рекой, рукой подать,
Пропах медовым табаком и хвоей
Твой дом. Мы снова молоды, мы двое...
Нет, мы стареем. Вот седая прядь.
Нет, слишком поздно. Не хочу страдания.
Прощай, мой друг. До нового свиданья!»

Михаил Светлов

(1903—1964)

Любовь

Быть может, в разговорах откровенных,
Шагая с молодежью по нови,
Увижу я среди лиц обыкновенных
Встревоженную мордочку любви...

Поверь мне, ты ничуть не постарела,
Что для тебя земная дань годам!
Бегут двадцатилетние пострелы
По светлой стезжке — по твоим следам.

До старости, до смерти сохранится
Твой образ, появившийся вдали, —
В простом платке, а над тобой зарницы
Грузинским садом пышно расцвели.

Сама заря стоит у изголовья,
Ночь для тебя сменяет караул...

Я с твоего плеча с такой любовью
Бестактного комарика стряхнул!

* * *

Все ювелирные магазины —
они твои.
Все дни рожденья, все именины —
они твои.
Все устремленья молодежи —
они твои.
И смех, и радость, и песни тоже —
они твои.
И всех счастливых влюбленных губы —
они твои.
И всех военных оркестров трубы —
они твои.
Весь этот город, все эти зданья —
они твои.
Вся горечь жизни и все страданья —
они мои.
Уже светает.
Уже порхает стрижей семья.
Не затихает,
Не отдыхает любовь моя.

* * *

Какой это ужас, товарищи,
Какая разлука с душой,
Когда ты, как маленький, свалишься,
А ты уже очень большой.

Неужто все переиначивать,
Когда, беспощадно мила,
Тебя, по-охотничьи зрячего,
Слепая любовь повела?

Тебя уже нет — индивидуума,
Все чувства твои говорят,
Что он существует, не выдуман,
Бумажных цветов аромат.

Мой милый, дошел ты до ручки!
Верблюдам поди докажи,
Что безвитамины колючки,
Что надо сжирать миражи.

И сыт не от пищи терновой,
А от фантастических блюд,
В пустыне появится новый,
Трехгорбый счастливый верблюд.

Как праведник, названный вором,
Теперь ты на свете живешь,
Бессильны мои уговоры —
Упрямы влюбленные в ложь.

Сквозь всю эту неразбериху
В мерцанье печального дня
Нашел я единственный выход —
Считай своим другом меня!

Рабфаковке

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы —

Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинает святое дело —
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета) —
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала. Под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,

Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена паша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

Павел Васильев

(1910—1937)

---

*

Не добратся к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла,
Все равно в этом гиблом, пропащем снегу
Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом.

Я над теплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставлю в прическе — и всё же
Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье похожа!

Но вернуть я тебя ни за что не хочу,
Потому что подвластен дремучему краю,
Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на Север дорогу себе выбираю!

Деревянная шука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжем,

Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной!
Мы любви не споем и признаний не скажем.

Звонким пухом и синим огнем селезней,
Чешуей, чешуей обрастай по колено,
Чтоб глазок петушиный казался красней
И над рыбьими перьями ширилась пена.

Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос — не доносило,
Чтоб огнями и тьмою, и рыжей волной
Позади, за кормой убегала Россия.

* * *

Вся ситцевая, летняя приснись,
Твое позабываемое имя
Отыщется одно между другими.
Таится в нем немеркнущая жизнь:
Тень ветра в поле, запахи листвы,
Предутренняя свежесть побережий,
Предзорный отсвет, медленный и свежий,
И долгий посвист птичьей тетивы,
И темный хмель волос твоих еще.
Глаза в дыму. И, если сон приснится,
Я поцелую тяжкие ресницы,
Как голубь пьет — легко и горячо.
И, может быть, покажется мне снова,
Что ты опять ко мне попала в плен.
И, как тогда, всё будет бестолково —
Веселый зной загара золотого,
Пушок у губ и юбка до колен.

* * *

Дорогая, я к тебе приходил,
Губы твои запрокидывал, долго пил.
Что я знал и слышал? Слышал — ключ,
Знал, что волос твой черен и шипуч.
От дверей твоих потеряны все ключи,
Губы твои прощальные горячи.
Красными цветами вопит твой ковер
О том, что я был здесь ночью, вор,
О том, что я унес отсюда тепло...
Как меня, дорогая, в дороге жгло!
Как мне припомнилось твоё вино,
Как мне привиделось твоё окно!
Снова я, дорогая, к тебе приходил,
Губы твои запрокидывал, долго пил.

* * *

Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю,
В какой стране и при луне какой,
Веселая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.
Мед вечеров — он горестней отравы,
Глаза твои — в них пролетает дым,
Что бабы в церкви — кланяются травы
Перед тобой поклоном поясным.
Не мной ли на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой?
Так в сказках наших в воды колдовские
Нырнет гусь за золотой серьгой.
Мой голос чист, он по тебе томится

И для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей
И щучьим повелением явись.

Стихи в честь Натальи

В наши окна, шурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе цenia и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожей гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального одень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

* * *

Какой ты стала позабытой, строгой
И позабывшей обо мне навек.
Не смейся же! И рук моих не трогай!
Не шли мне взглядов длинных из-под век.
Не шли вестей! Неужто ты иная?
Я знаю всю, я проклял всю тебя.
Далекая, проклятая, родная,
Люби меня хотя бы не любя!

Любимой

Елене

Слава богу,
Я пока собственность имею:

Квартиру, ботинки,
Горсть табака.
Я пока владею
Рукою твоею,
Любовью твоей
Владею пока.
И пускай попробует
Покуситься
На тебя
Мой недруг, друг
Иль сосед, —
Легче ему выкрасть
Волчат у волчицы,
Чем тебя у меня,
Мой свет, мой свет!
Ты — мое имущество,
Мое поместье,
Здесь я рассадил
Свои тополя.
Крепче всех затворов
И жестче жести
Кровью обозначено:
«Она — моя».

Жизнь моя виною,
Сердце виною,
В нем пока ведется
Все, как раньше велось,
И пускай попробуют
Идти войною
На светлую тень
Твоих волос!
Я еще нигде
Никому не говорил,
Что расстаюсь

С проклятым правом
Пить одному
Из последних сил
Губ твоих
Беспамятство
И отраву.

Спи, я рядом,
Собственная, живая,
Даже во сне мне
Не прекословь.
Собственности крылом
Тебя прикрывая,
Я оберегаю нашу любовь.
А завтра,
Когда рассвет в награду
Даст огня,
Мы встанем,
Скованные, грешные,
Рядом —
И пусть он сожжет
Тебя
И сожжет меня.

Лирические стихи

1

Весны возвращаются! И снова,
На кистях черемухи горя,
Губ твоих коснется несурово
Красный, окаянный свет бывшего —
Летняя высокая заря.

Весны возвращаются! Весенний
Сад цветет —
В нем правит тишина.
Над багровым заревом сирени,
На сто верст отбрасывая тени,
Пьяно закачается луна —

Русая, широкая, косая,
Тихой ночи бабья голова...
И тогда,
Лучом груди касаясь,
В сердце мне войдут твои слова.

И в густых ресниц твоих границе
Не во сне,
Не в песне — наяву
Нежною, июньскою зарницей
Взгляд твой черно-синий
Заискрится, —
Дай мне верить в эту синеву!

Я клянусь,
Что средь ночей мгновенных,
Всем метелям пагубным назло,
Сохраню я —
Молодых, бесценных,
Дрогнувших,
Как дружба неизменных,
Губ твоих июньское тепло!..

2

Какая неизвестность взволновала
Непрочный воздух, облако души?
Тот аромат,

Что от меня скрывала?
Тот нежный цвет?
Ответь мне, поспеши!

Почто, с тобой идущий наугад,
Я нежностью такою не богат!

И расскажи,
Открой: какая сила,
Какой порой весенней, для кого
Взяла б
И враз навеки растопила
Суровый камень сердца твоего?

Почто, в тебя влюбленный наугад,
Жестокостью такою не богат!
В твои глаза,
В их глубину дневную
Смотрю — не вижу выше красоты,
К тебе самой
Теперь тебя ревную —
О, почему я не такой, как ты!

Я чувствую этим вспыхнувшим не рад,
Я — за тобой идущий наугад.
Восторгами, любовью и обидой
Давно душа моя населена.
Возьми ее и с головою выдай,
Когда тебе не по душе она.

И разберись сама теперь, что в ней —
Обида, страсть или любовь сильней!

Василий Казин

1898

Ожидание

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!

Издали клубился,
Вился дым из труб.
Мнилось — не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?

И томленью, нетерпению слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.

И тянулась нудная обуза,
Вдруг — и синевы края...

Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!

Дверь шушукнула, — и как во сне я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошел... прильнул и ну, синяя,
Обнимать и обнимать меня...

Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и — ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный, —
Это вечер обнимал меня впотьмах!

* * *

Тебе не ночь ли косы заплетала?
Вслед за тобою не бредет ли ночь?
Такая тьма, — и солнцем не помочь
Глазам: так тяжело им стало...

Ушла... но все стоишь в глазах ты,
И в глубине души, где сумрака потоп,
Стучит любовь, как в темных недрах шахты
Работой упоенный рудокоп.

* * *

Чу! Как сердце бьет горячим громом.
Это начудила ты со мной:
Все родное сделала знакомым,
А себя, знакомую, — родной.

Уж на что, бывало, солнца имя
У меня вскипало на губах,
А теперь ресницами своими
Ты растеребила солнце в прах.

Хоть и чуждой плоти порожденье,
Хоть мне ближе отсвет русских лиц,
Я люблю тенистое смятенье
Искустительных твоих ресниц.

Я люблю — и так, что часто мнится,
Словно там, где только тень бежит,
В этих трепетных твоих ресницах —
Жизнь моя, судьба моя дрожит.

Потому: что бережным смущеньем,
То — безумств ревнивых острие —
Провожая хищным восхищеньем
Каждое движение твое.

И такой тревожною любовью,
Милая, я жажду уловить,
Не порхнет ли у тебя под бровью
Хоть дыминка, хоть намек любви.

Ты в любви подчас и уверяешь —
Это лишь растроганная ложь:
Слишком ты любезно повторяешь,
Что тебе я дорог, мил, хорош.

Ничего от страдных глаз не скроешь:
Он сквозит, холодный черный ров.
Ты меня, мой друг, не успокоишь
Золотистой оттепелью слов.

И могу ль поверить ласки зорям?
Лучше ты, голубка, не волнуй;
Зажигая радость, светит горем
У меня твой каждый поцелуй.

Ты сулишь, что жизнь мою проводишь
До кончины, счастье подарив.
Что же ты опять рукой отводишь
Слитного желания порыв?

* * *

О сближение не было и речи.
И давно ль с тобой мой взгляд знаком?
Только лишь, случается, при встрече
Я с тобой здороваюсь кивком.

В искрометном вполыхе высоком
Пронесешь ты с гордым вздохом грудь,
И в крови взъяренным солнцепеком
Затомится мой спокойный путь.

Ослепишь ты, но в затмение взгляда
Вдруг всплывет, вся скромности полна,
Жизнь моя, любовь моя, отрада,
Мой святой товарищ, друг, жена, —

Та, что мрак любого испытанья,
Чтоб создать мне счастье и покой,
С обликом простого обаянья
Отражает твердою рукой.

И затмишься в памяти забвеньем...
В пышности, в величье красоты,

Так, лишь соблазнительным мгновеньем,
Прозвучишь, томительная, ты.

Лишь на миг вскипают наважденья
И, обуреваемая мной,
Утихает буря вожденья —
Бурей, проходящей стороной.

Твой образ

Уж на что мой стих певуч и нежен,
Но и он, пожалуй, слишком груб,
Чтоб он мог, до поздних звезд прилежен,
Сотворить твой образ дрожью губ.

Мне б такой удачи и не надо.
Я б и так растрогался до слез,
Если б хоть одну улыбку взгляда
Уловить мне словом удалось.

И какое может вдохновенье
Уловить твой образ до конца!
Как мечты, как счастья откровенье —
Эта песня твоего лица.

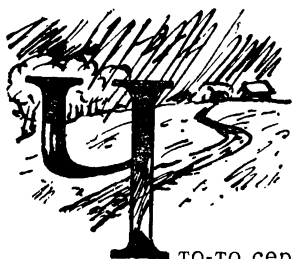
На тебя глядишь — не нагладишься.
Есть ли что прекраснее того,
Как ты вся пленительно стыдишься
Силы обаянья своего?

Александр Прокофьев

(1906—1971)

Что-то сердце...

то-то сердце вновь

Растревожено,
Для тревог оно
В грудь положено!
Для больших тревог,
До беспамяти,
Для крутых дорог
В белой замети!
Знай, подружка моя
Домовитая,
Не златой тесьмой
Мы обвитые.
Не златой тесьмой
И не гарусной —
Мы обвитые
Вьюгой яростной,
Белой вьюгою,
Белой заметью,
Наших недругов

Черной завистью.
Ну и пусть они,
Ну и пусть они!
Никакой водой
Не залить огни.
Никакой водой,
Никакой бедой,
Никакой молвой,
Что ни есть худой!
Ты скажи слова
Для меня, дружка,
Да не как вдова —
Как сударушка!

Невеста

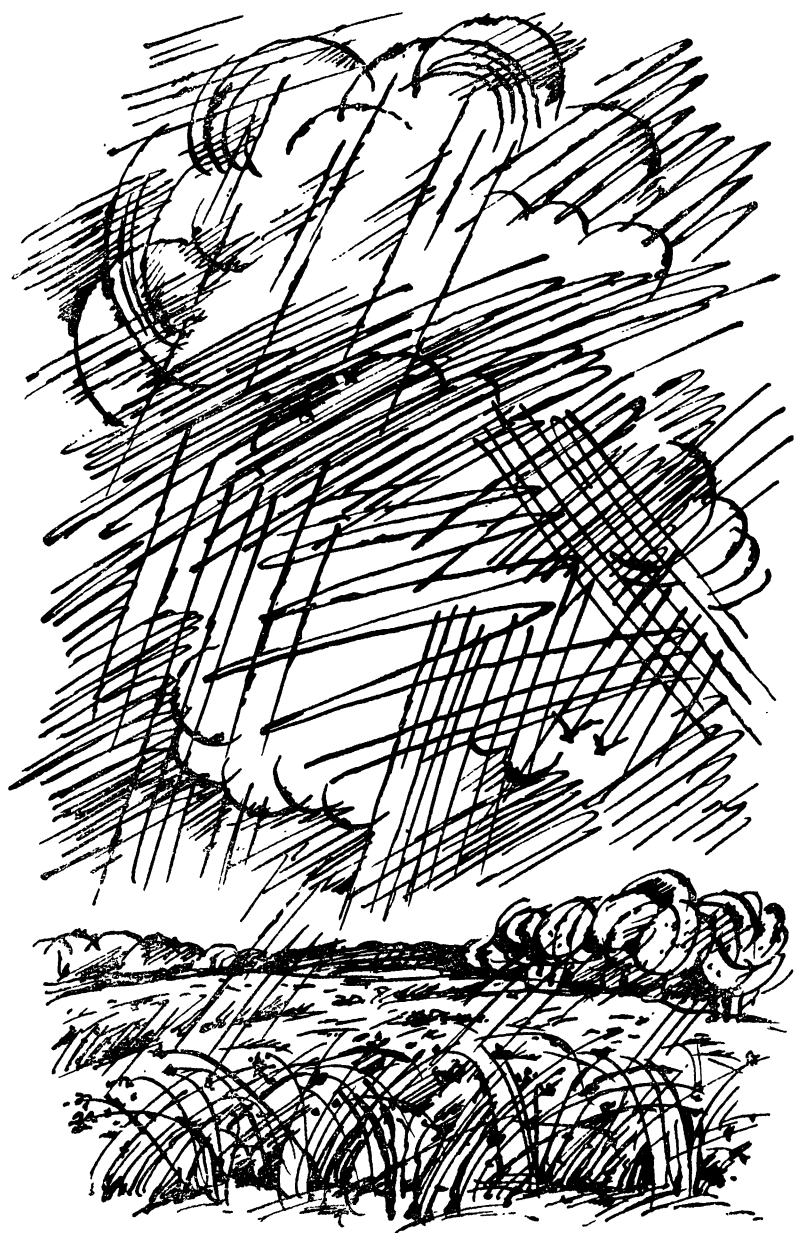
По улице полдень, летя напролом,
Бьет черствую землю зеленым крылом.
На улице, лет молодых не тая,
Вся в бусах, вся в лентах — невеста моя.
Пред нею долины поют соловьем,
За нею гармоники плачут вдвоем.
И я говорю ей: «В нарядной стране
Серебряной мойвой ты кажешься мне.
Направо взгляни и налево взгляни,
В зеленых кафтанах выходят линии.
Ты видишь линия иль не видишь линия?
Ты любишь меня иль не любишь меня?»
И слышу, по чести, ответ не прямой:
«Подруги, пора собираться домой,
А то стороной по камням-валунам
Косые дожди приближаются к нам».
«Червонная краля, постой, подожди,

Откуда при ясной погоде дожди?
Откуда быть буре, коль ветер — хромой?»
И снова: «Подруги, пойдемте домой.
Оратор сегодня действительно прав:
Бесчинствует солнце у всех переправ;
От близко раскиданных солнечных вех
Погаснут дареные ленты навек».
«Постой, молодая, постой, — говорю, —
Я новые ленты тебе подарю
Подругам на зависть, тебе на почет,
Их солнце не гасит и дождь не сечет.
Что стало с тобою? Никак не пойму.
Ну, хочешь, при людях тебя обниму...»
Тогда отвечает, как деверю, мне:
«Ты сокол сверхъясный в нарядной стране,
Полями, лесами до огненных звезд
Лететь тебе, сокол, на тысячу верст!
Земля наши судьбы шутя развела:
Ты сокол, а я дожидаю орла!
Он выведет песню, как конюх коня,
Без спросу при людях обнимет меня.
При людях, при солнце, у всех на виду».
...Гармоники смолкли, почуяв беду.
И я, отступая на прах медуниц,
Кричу, чтоб «Разлуку»
играл гармонист.

* * *

Не боюсь, что даль затмилась,
Что река пошла мелеть,
А боюсь на свадьбе милой
С пива-меду захмелеть.

Я старинный мед растрachu,
Заслону лицо рукой,
Захмелею и заплачу.
Гости спросят:

«Кто такой?»

Ты ли каждому и многим
Скажешь так, крутя кайму:
«Этот крайний, одинокий,
Не известен никому!»
Ну, тогда я встану с места
И прищурю левый глаз,
И скажу, что я с невестой
Целовался много раз.
«Что ж, — скажу невесте, — жалуй
Самой горькою судьбой...
Раз четыреста, пожалуй,
Целовался я с тобой».

* * *

Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина, как в снегу,
Я теперь ни плакать, ни смеяться
Ни с какой другою не могу.

Не твоих ли милых рук сверканье
Донеслось ко мне издалека?
Не с твоим ли розовым дыханьем
Розовые ходят облака?

Все равно за облаком за тонким
Солнце выйдет. луч блеснет,

Все равно глядеть мне в ту сторонку,
Где моя любимая живет.

Не скажу, как весело мне с нею
Там, где песня меркнет над водой,
Где большие заводы синеют
И над ними месяц молодой.

Где ты? Облака чуть-чуть дымятся,
От цветов долина, как в снегу.
Я теперь ни плакать, ни смеяться
Ни с какой другою не могу.

* * *

Ты мне что-то сказала,
Иль при щедрости дня
Мне опять показалось,
Что ты любишь меня?
Любишь так, как хотела,
Или так, как пришлось...
Ой, ты вдаль поглядела —
Там дороги шли врозь.
Все равно полднем звонким
Дам запевок рой
В руки милые, тонкие,
Дорогие твои.
Сердце рвется на волю,
Не сгорая гореть,
Колокольчики в поле
Стали тихо звенеть.
Ты мне что-то сказала,

Иль при щедрости дня
Мне опять показалось,
Что ты любишь меня?

Вот какою я была...

Вот какою я была:
Словно маков цвет цвела,
Поутру бежала к речке,
Умывалась добела.

Умывалась добела,
Принималась за дела,
За делами, за работой
Песни пели, я вела!

Вот какою я была:
Лед ломала и плыла.
А теперь себе на горе
Я мальчишку завлекла.

На себя теперь дивлюсь:
Над любой бедой смеюсь,
А над этим горем плачу —
Утерять его боюсь.

* * *

Как будто неба больше стало
И больше леса и лугов,
Как будто вдруг пахнул подталок
Весенней яростью снегов,

Как будто луч рассветный брезжит,
Как будто колокол упал,
Как будто выскочил подснежник
И задрожал, затрепетал,

Как будто краше и светлее
Зажегся день в родном краю...
...Товарищ мой, иди скорее,
Иди встречать любовь свою!

* * *

Мне дня не прожить без тебя не тоскуя,
Коль всю мою долю ты держишь в руках.
И где я нашел молодую такую,
И где тебя встретил — не вспомню никак.

Никто не напомним, что было вначале;
Березы в сережки с утра убрались,
Все реки играли, и вербы качались,
Все зори взлетали, все звезды зажглись.

Потом, может, ветры расскажут раздолью,
Как жил я, ликуя, воюя, любя,
Но честь не по чести, и доля не в долю,
И слава не в славу, коль нету тебя!

Николай Заболоцкий

(1903—1958)

Признание

ацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,
В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

Некрасивая девочка

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам ее,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про нее,
Она ж за ними бегают по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит ее и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей все на свете так безмерно ново,
Так живо все, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!

Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И переточит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши,
И нечем ей прельстить воображение, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движении.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

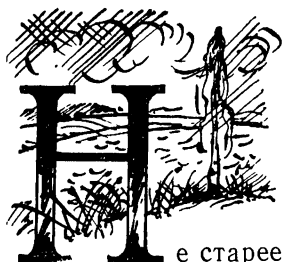

Александр Твардовский

(1910—1973)

✱

Наша е стареет твоя красота,
Разгорается только сильней.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета.

Не стареет твоя красота.
А росла ты на жесткой земле,
У людей, не в родимой семье,
На хлебах, на тычках, сирота.

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез.
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.

И живешь и поешь, весела
От большой, от хорошей любви.

На своих ты посмотришь ребят,
Радость матери нежной проста:
Все в тебя, все красавцы стоят,
Как один, как орехи с куста.

Честь великая рядом с тобой
В поле девушке стать молодой.
Всюду славят тебя неспроста, —
Не стареет твоя красота.

Ты идешь по земле молодой —
Зеленеет трава за тобой.
По полям, по дорогам идешь —
Расступается, кланяясь, рожь.

Молодая береза в лесу
Поднялась и ровна и бела.
На твою она глядя красу,
Горделиво и вольно росла.

Не стареет твоя красота.
Слышно ль, женщины в поле поют, —
Голос памятный все узнают —
Без него будто песня не та.

Окна все пооткроют дома,
Стихнет листьев шумливая дрожь.
Ты поешь! Потому так поешь,
Что ты песня сама.

Степан Щипачев

1899

---

*

любовью дорожить умеете,
С годами дорожить вдвойне.
Любовь — не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша.
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню не легко сложить.

* * *

Весенний дождь хлестал кусты,
И над землянкой ветер злился,
Мне этой ночью снилась ты,
И городок далекий снился.

В какой бы ни был стороне,
Какой бы ни свистел мне ветер,
Не надо больше счастья мне,
Чем то, что ты живешь на свете.

* * *

Любовь пронес я через все разлуки
И счастлив тем, что от тебя вдали
Ее не расхватили воровски чужие руки,
Чужие губы по ветру не разнесли.

* * *

Пусть пристально глядят мужчины
И судят как хотят — пускай,
Ты не считай своих морщинок
И лет себе не убавляй.

Бывают женщины — похожи
На чуть привядшие цветы.
Еще милее мне, дороже,
Еще желанней стала ты.

* * *

Д. Е.

Мне глаза твои забыть едва ли.
У евреек, кто-то мне сказал,

Может, только в древности бывали
Серые, как у тебя, глаза.
Их не затуманить и слезами.
Светлое лицо подымешь ты —
И не отрывался бы часами
От твоей библейской красоты.
Долгою дорогою землею
Я пошел бы смело за тобой,
Если б не стоял передо мною
Тонкий профиль женщины другой,
Если бы и до сих пор не бредил
Той, которую в счастливый час
Я когда-то в молодости встретил...
Не затем, чтоб разлюбить сейчас.

* * *

Бывает полно́ значенья
Простое касанье рук,
Бывает любви помраченье:
Ей цену забудешь вдруг,
Забудешь, что жизни дороже,
Что смерти сильней она...
Пусть долго на свете я прожил,
Любовь я не выпил до дна.

Слезы

У горя много слез. О них, соленых,
Я умолчу, чтоб не смущать влюбленных,
Которых вы застали бы одних
На той скамье, в конце глухой аллеи.

Есть слезы и у радости; от них
Лицо любимой женщины светлеет.
Пускай к рассвету
Холодней роса
И звездами исходит мирозданье, —
Светлее звезд блещут в слезах глаза,
В слезах любви, горячего признанья,
Пускай не замутят их чистоту
Те слезы, что сжигают красоту.

Жена

Так годы прошли.
Муж тяжелой рукой,
Привычно, между зевот,
В постели обнимет, но дорогой,
Но милой, как прежде, не назовет.
И женщина свыклась. Уж только когда
Совсем загрузится, вдруг выдохнет:

«Ах!» —

И зеркало тихое, как вода,
Плещется долго в руках.
Глянет на стан — он тонок еще,
Лишь груди не прежние, тяжелей.
Под родинкой сердце стучит горячо.
Лишь губы потверже да взгляд потусклей.
Руки от стирок стали грубы,
Но молодо могут еще обнимать...
Она не бежит от забот любых:
Она ведь примерная мать,
Осталась она и примерной женой...
Про то же, что счастье ушло без следа,
Она лишь подруге иной,
Потупясь, промолвится иногда.

Леонид Мартынов

1905

Любовь

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,
Не засыпало пеплом, а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права;
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней покрова.

И еще над могилой моей
Ты взойдешь, как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,
А в ответ лишь кивай величаво —

Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава.
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

* * *

Ты
Без меня —
Только дым без огня.
Ты
Без меня —
Это только одно
Блещущей цепи немое звено,
И не подымет, конечно, оно
Якорь, ушедший на самое дно.
Ты
Продолжалась бы после меня
Только бы разве, как ночь после дня,
С бледными
Звездами
Через окно.
Эхо мое!
Но, со мной заодно,
Ты повторяешь средь ночи и дня:
— Ты
Без меня —
Только дым без огня!

Я знаю, какова любовь!

Я знаю,
Какова любовь!
Когда любовники возлягут
В альков среди ее цветов
Вкусить плодов ее и ягод —
То это не всегда Любовь!

И что ты там ни обусловь,
Каких ты под любовный купол
Ни подымай колоколов,
Каких ни пой любовных слов —
И это не всегда Любовь!

И если даже ты нащупал
Средь самых шелковых голов
Парчово-бархатистых кукол
Соболью бровь, как зверолов, —
То это тоже не Любовь!

Ее ты имя не порочь!
Она,
Вся белая от гнева,
Железную ломает Деву,
Отбрасывает кукол прочь
И гонит властною рукою
Твоих врагинь, твоих врагов.
Ты понял, что она такое?
Я знаю,
Какова Любовь!

Птицы

А птицей стать я не хотел бы,
Быть соловьем и не желаю.
Сама подумай:

                                прилетел бы,
На подоконник сел бы с краю.
И ты б сказала:

                                — Что за птица

На подоконнике томится,
Стучит в стекло летучим телом?
А я в стремленьи неумелом
Царапал перьями стекло бы.
К чему все это привело бы?
Ты форточку бы приоткрыла,
Влетел бы я. Как это мило!
В твою ладонь упал бессильно,
Ты к черту выгнала бы кошку,
Подумала,
Поймала мышку,
Схватила булочную крошку,
И в клюв мне всунула насильно,
И досыта бы накормила,
И, повторив: «Как это мило!»,
Поцеловала бы губами.
Так мы становимся рабами...
Я никогда не буду птицей!

Атом

Мне кажется, я видел атом...
Сказал я: «Что ни говорят,

И где бы то ни повторять,
Тебе я буду только братом.
Я — брат тебе!»

«Ты только брат?»

И так блеснул ответный взгляд,
Как будто бы ударил град.
И листопад,
И снегопад —
Все было в нем — и тьма лампад.
И дрогнули колокола там,
И будто бы земля была там
Черна с кладбищенских лопат...

Я понял:
Вот он,
Этот атом,
Которому грозит распад!

* * *

О, я всегда желал тебе удачи!
Я никогда не зарился на дачи,
Я не ходил толпой по магазину,
Чтоб закупить и запихать в корзину,
Но сделала меня ты всех богаче!

Первый снег

Ушел он рано вечером,
Сказал:
— Не жди. Дела...

Шел первый снег.
И улица
Была белым-бела.

В киоске он у девушки
Спросил стакан вина.

«Дела... — твердил он мысленно, —
И не моя вина».

Но позвонил он с площади:
— Ты спишь?
— Нет, я не сплю.
— Не спишь? А что ты делаешь? —
Ответила:
— Люблю!

...Вернулся поздно утром он,
В двенадцатом часу,
И озираясь в комнате,
Как будто бы в лесу.

В лесу, где ветви черные
И черные стволы,
И все портьеры черные,
И черные углы,
И кресла черно-бурые,
Толпясь, молчат вокруг...

Она склонила голову,
И он увидел вдруг:
Быть может, и сама еще
Она не хочет знать,
Откуда в теплом золоте
Взялась такая прядь!

Он тронул это милое
Теперь ему навек
И понял,
Чьим он золотом
Платил за свой ночлег.

Она спросила:
— Что это? —
Сказал он:
— Первый снег!

Грусть

Ночь. Чужой вокзал.
И настоящая грусть.
Только теперь я узнал,
Как за тебя боюсь.
Грусть — это когда
Пресной станет вода,
Яблоки горчат,
Табачный дым как чад
И, как к затылку нож,
Холод клинка стальной, —
Мысль, что ты умрешь
Или будешь больной.

* * *

Я
Вас
Люблю!

Поэтому
Весь мир творю я заново.
Он стар. Мильоны лет ему.
В нем очень много странного,
Смешного, старомодного
И никуда не годного.

Вот
Горны
Разгораются,
И под блестящим молотом
Различие стирается
Меж оловом и золотом.
Окупится богато нам
Все, что рукой мы тронули.
Клянусь разъятым атомом
И всеми электронами!

Но
Вы
Не улыбаетесь!
Чему-то огорчаетесь.
Чему? Не знаю, право я.
А, хитрая-лукавая,
Зачем не превратил еще
Вот эти Ваши серьги я
В два крохотных вместилища
Космической энергии!

Терпение!
Терпение!
Сначала исцеление
Бедняги прокаженного,
Сначала превращение

Изгоя окаянного
В наследника законного,
Сначала воскрешение
Неправедно казненного...

Весь мир творю я заново!

Ольга Берггольц

1910

Стихи о любви

* * *

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом тягостным, с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

* * *

Я тайно и горько ревную,
Угрюмую думу тая:
тебе бы, наверно, другую —
светлей и отрадней, чем я.

За мною такие утраты
и столько любимых могил.
Пред ними я так виновата,
что если б ты знал — не простил.
Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить,
что люди со мною боятся
о счастье своем говорить.
Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далеко одна ухожу.
Туда, где ни мрака, ни света —
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: — Ну, где ты! —
О, знал бы, откуда зовешь!
Еще ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не откликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда.

Я тайно и горько ревную,
но ты погоди — не покинь.
Тебе бы меня, но иную,
не знавшую этих пустынь;
до этого смертного лета,
когда повстречались мы,
до горестной славы, до этой
полсердца отнявшей зимы.

Подумать — и точно осколок,
горя, шевельнется в груди...
...Я стану простой и веселой, —
тверди ж мне, что любишь, тверди!

Бабье лето

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.

Оно называется

бабье лето

и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...

Как звонко поют запоздалые птицы!

Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
все отдано тихой и темною нивой...

Все чаще от взгляда бываю счастливой,
все реже и горше бываю ревнивой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И все же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды все строже...

Вот видишь — проходит пора звездопада
и, кажется, время навек разлучаться...

...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться...

Из «Писем с дороги»

Я сердце свое никогда не щадила:

ни в песне, ни в горе, ни в дружбе, ни в страсти

Прости меня, милый. Что было — то было.
Мне горько.
И все-таки все это — счастье.

И то, что я страшно, горяче тоскую,
то, что, страшась неизбежной напасти,
на призрак, на малую тень негодую.
Мне страшно...
И все-таки все это — счастье.

О, пусть эти слезы и это удушье,
пусть хлещут упреки, как ветки в ненастье.
Страшней — всепрощенье. Страшней — равнодушие.
Любовь не прощает. И все это — счастье.

Я знаю теперь, что она убивает,
не ждет сострадания, не делится властью.
Покуда прекрасна, покуда живая.
Покуда она не утеха, а — счастье.

!

Листопад

Осенью в Москве на бульварах вывешивают
дощечки с надписью «Осторожно, листопад!»

Осень, осень! Над Москвою
Журавли, туман и дым.
Златосумрачной листвою
загораются сады,
и дощечки на бульварах
всем прохожим говорят,
одиночкам или парам:
— Осторожно, листопад!

О, как сердцу одиноко
в переулочке чужом!
Вечер бродит мимо окон,
вздрагивая под дождем.
Для кого же здесь одна я,
кто мне дорог, кто мне рад?
Почему припоминаю:
«Осторожно, листопад»?

Ничего не нужно было, —
значит, нечего терять:
даже близким, даже милым,
даже другом не назвать.
Почему же мне тоскливо,
что прощаемся навек,
невеселый, несчастливый,
одинокый человек?

Что усмешки, что небрежность?
Перетерпишь, переждешь...
Нет — всего страшнее нежность
на прощание, как дождь.
Темный ливень, теплый ливень,
весь — сверканье и дрожь!
Будь веселым, будь счастливым
на прощание, как дождь.

...Я одна пойду к вокзалу,
проводятым откажу.
Я не все тебе сказала,
но теперь уж не скажу.
Переулок полон ночью,
а дощечки говорят
проходящим одиночкам:
— Осторожно, листопад...

* * *

Ты у жизни мною добыт,
словно искра из кремня,
чтобы не расстаться, чтобы
ты всегда любил меня.

Ты прости, что я такая,
что который год подряд
то влюбляюсь, то скитаюсь,
только люди говорят...

Друг мой верный, в час тревоги,
в час раздумья о судьбе
все пути мои дороги
приведут меня к тебе,
                                все пути мои дороги
                                на твоём сошлись пороге...

Я ж сильней всего скучаю,
коль в глазах твоих порой
ласковой не замечаю
искры темно-золотой,
                                дорогой усмешки той —
                                искры темно-золотой.

Не ее ли я искала,
в очи каждому взглянув,
не ее ли высекала
в ту холодную весну...

* * *

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,

ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,
ее нетленно-чистый свет
всегда во мне,

всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,

начать весь путь,

и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

Перед разлукой

Я все оставляю тебе при уходе:
все лучшее

в каждом промчавшемся годе.

Всю нежность былую,

всю верность былую,

и краешек счастья, как знамя, целую:

военному, грозному

вновь присягаю,

с колена поднявшись, из рук отпускаю.

Уже не узнаем — ни ты и ни я —

такого же счастья, владевшего нами.

Но верю, что лучшая песня моя

навек сбережет отслужившее знамя...

Я ласточку тоже тебе оставляю

из первой, бесстрашно вернувшейся стаи, —

блокадную нашу, под бедственной крышей.

В свой час одинокий

ее ты услышишь...

А я забираю с собою все слезы,

все наши утраты,

удары,

угрозы,

все наши смятенья,

все наши дерзанья,

не легкое наше, большое мужанье,

не спетый над дочкой

напев колыбельный,

задуманный почью военной, метельной, —

неспетый напев, — ты его не услышишь,

он только со мною — ни громче, ни тише...

Прощай же, мой щедрый! Я крепко любила

Ты будешь богаче — я так поделила.

Иосиф Уткин

(1903—1944)

Песенка

одари мне
на прощанье

Пару

милых пустяков:

Папирос хороших,
чайник,

Томик

пушкинских стихов...

Жизнь

армейца

не балует,

Что ты там ни говори!..

Я б хотел

и поцелуи

Захватить,

как сухари.

Может,

очень заскучаю,

Так вот было бы
        в пути
И приятно
        вместо чаю
Губы теплые
        найти.
Или свалит
        смерть
                под дубом...
Все равно приятно,
                чтоб
Отогрели
        твои губы
Холодеющий
        мой лоб.
Подари...
        авось случайно
Пощадят еще
        в бою,
Я тогда
        тебе
                и чайник
И любовь
        верну
                свою!

Сердце

Ничего не пощадили —
Ни хорошее, ни хлам.
Все, что было, разделили,
Разломали пополам.
Отдал книги,
Отдал полки...

Не оставил ничего!
Даже мелкие осколки
Отдал сердца своего.

Все взяла.
Любую малость —
Серебро взяла и жечь.
А от сердца... отказалась.
Говорит — другое есть.

Философское

Мы с тобою станем старше.
Загрустим. Начнем сидеть.
На прудах на Патриарших
Не придется нам сидеть.

Потолчем водицу в ступе,
Надоест, глядишь, толочь —
Потеснимся и уступим
Молодым скамью и ночь.

И усядется другая
На скамью твою, глядишь...

Но пока что, дорогая,
Ты, по-моему, сидишь?

И, насколько мне известно,
Я! — не кто-нибудь другой —
Занимаю рядом место
С этой самой дорогой.

Так пока блестит водица
И не занята скамья,
Помоги мне убедиться
В том, что эта ночь — моя!

Типичный случай

Двое тихо говорили,
Расставались и корили:
«Ты такая...»
«Ты такой!..»
«Ты плохая...»
«Ты плохой!..»
«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!!»

Дело было на вокзале.
Дело было этим летом.
Все решили. Все сказали.
Были куплены билеты.

Паровоз в дыму по пояс
Бил копытом на пути:
Голубой курьерский поезд
Вот-вот думал отойти.

«Уезжаю в Ленинград... Как я рада!»
«Как я рад!!!»

Но когда...
Чудак в фуражке
Поднял маленький флажок,

Паровоз пустил барашки,
Семафор огонь зажег...

Но когда...
Двенадцать двадцать
Бьет звонок. Один. Другой.
Надо было расставаться...
«До-ро-гая!»
«До-ро-гой...»

«Я такая!»
«Я такой!»
«Я плохая!»
«Я плохой!»
«Я не еду в Ленинград... как я рада!»
«Как я рад!!!»

Александр Жаров

1904

Расставание

Мы с тобой расстанемся, не ссорясь
И друг другу не желая зла.
У меня перед тобою совесть,
Как звезда перед зарей, светла.

Осторожно, нежно, бережливо
Завтра в огневую полосу,
К побережью Кольского залива,
Я твой чистый образ унесу.

Под напев снарядной перебранки
Там, в глуши полярной, на войне,
Где-нибудь в заснеженной землянке,
Счастье, ты еще приснишься мне...

Не было и нет у нас разлада, —
Просто так сложился этот стих!

Мы с тобой решили, что не надо
Походить в разлуке на других.

Полнолуние

Ты прости, моя голуба,
Что нарушу отдых твой...
Встань с постели, полюбуйся
Полнолунием над Москвой!

Ну, расстанься на минуту
Со своим тревожным сном.
Ночь в серебряной оправе
Ты увидишь за окном.

Упоенную покоем
Ночь неслыханной красоты,
Чье молчанье прерывают
Лишь кремлевские часы.

Я стою под зимним небом
В эту полночь для того,
Чтобы издали отметить
День рожденья твоего...

Тихо, тихо льется в сердце
Белый, желтый, голубой
Свет, пронзивший расстояние
Между мною и тобой.

С губ моих слетает слово,
Что при встрече не сказал.

Пусть оно к тебе стремится —
За Савеловский вокзал.

Ты прочтешь его в зигзагах
Резкой тени на снегу...
Это все, что я сегодня
Подарить тебе могу.

Михаил Исаковский

(1900—1973)

Где ты, лето знойное?..

де ты, лето знойное,
Радость беспокойная,
Голова курчавая,
Рощи да сады?..
Белая метелица
За окошком стелется,
Белая метелица
Замела следы.

Были дни покосные,
Были ночи росные,
Гнулись ивы тонкие
К светлому ручью;
На лугу нескошенном,
На лугу заброшенном
Встретила я молодость,
Молодость свою.

Встретила нежданную,
Встретила желанную
Под густою липою,
Под копной волос.
Отчего горела я,
Отчего хмелела я, —
От зари малиновой
Аль до буйных рос?

Разожгла головушку,
Разбурлила кровушку,
Думы перепутала
Звездная пурга...
До сих пор все чудится —
Сбудется, не сбудется —
Белая рубашка,
Вечер и луга.

По тропе нехоженной
Дни ушли погожие,
Облетели рощи,
Стыннут зеленыя.
Саночки скрипучие
Да снега сыпучие
Разлучили с милым,
Девушку, меня.

Разлучили-бросили
До весны, до осени.
До весны ль, до осени ль,
Или навсегда
Закатилась, скрылась,
Скрылась, закатилась
Молодости девичьей
Первая звезда?

Ласковый да радостный,
Молодой да сладостный,
Напиши мне весточку —
Любишь или нет?..
А в ответ метелица
По дорогам стелется,
Белая метелица
Заметает след.

Девичья песня

Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай
И, когда по деревне идешь,
На окошко мое не поглядывай.

Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбились карие.

Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончается...
Вот вернется он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.

Я прижму его к сердцу, прижму
Молодыми руками, горячими.
И скажу я в тот вечер ему,
Что самую судьбой предназначено.

Я тебя об одном попрошу —
Понапрасну меня не испытывай.

Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай.

Лучше нету того цвету...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами, —
Словно пьяные, бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

Услышь меня, хорошая...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается,
Люби ж, куда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая, —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Мы с тобою не дружили...

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,

Но глаза твои большие
Не дают покоя мне.

Думал я, что позабуду,
Обойду их стороной,
Но они везде и всюду
Все стоят передо мной.

Словно мне без их привета
В жизни горек каждый час,
Словно мне дороги нету
На земле без этих глаз.

Может, ты сама не рада,
Но должна же ты понять:
С этим что-то делать надо,
Надо что-то предпринять.

Каким ты был, таким остался...

Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой...
Зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Зачем опять в своих утратах
Меня ты хочешь обвинить?
В одном я только виновата,
Что нету сил тебя забыть.

Свою судьбу с твоей судьбою
Пускай связать я не могла,

Но я жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала.

Ждала, когда наступят сроки,
Когда вернешься ты домой,
И горьки мне твои упреки,
Горячий мой, упрямый мой.

Твоя печаль, твоя обида,
Твои тревоги — ни к чему:
Смотри — душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

Но ты взглянуть не догадался,
Умчался вдаль, казак лихой...
Каким ты был, таким остался,
А ты и дорог мне такой.

Ой, цветет калина...

Ой, цветет калина
В поле у ручья.
Парня молодого
Полюбила я.

Парня полюбила
На свою беду:
Не могу открыться,
Слова не найду.

Он живет — не знает
Ничего о том,

Что одна дивчина
Думает о нем...

У ручья с калины
Облетает цвет,
А любовь девичья
Не проходит, нет.

А любовь девичья
С каждым днем сильней.
Как же мне решиться —
Рассказать о ней?

Я хожу, не смея
Волю дать словам...
Милый мой, хороший,
Догадайся сам!

Опять играют два баяна

Опять играют два баяна
В вечернем парке на кругу.
И про тебя, мой окаянный,
Опять забыть я не могу.

Уж лучше б мне на белом свете
Своим путем идти одной...
Зачем же ты меня приметил,
В тот вечер встретился со мной?

Зачем ты мне ночами снился,
Зачем любовь мою будил?

А сам так даже не простился,
Когда отсюда уходил.

Забыла б я свои тревоги,
Мне все бы стало ни к чему,
Но ты ушел не по дороге, —
Ты шел по сердцу моему.

Прошла весна, проходит лето,
А я тебя все жду и жду...
Не знаю — где, но только где-то
Я все равно тебя найду.

Николай Браун

(1902—1975)

---

*

Начинается оутру морозит, в полдень тает,
Голубеет небо за окном.
Мне тебя повсюду не хватает,
Где б я ни был, ночью или днем.

Вот деревья ждут весны и света,
Скоро птиц начнется перелет.
Вся земля, притихнув, жаждет лета,
Ну, а мне тебя недостает.

Рук твоих мне, что ли, не хватает,
Глаз твоих — и сам я не пойму.
Даже слово с губ не так слетает, —
Видно, не хватает и ему.

Не хватает, чтобы стать крылатым,
Ведь оно, тоскуя и любя,
Хочет выйти в мир таким богатым,
Чтоб весь мир услышал про тебя.

* * *

За окнами голуби стонут, воркуют.
За окнами — белая ночь, тишина.
А может, и птицы в разлуке тоскуют?
А может, им так же, как мне, не до сна?

А может быть, им и при встрече не спится,
И хочется сердцу стонать, ворковать?
И как мне, скажи, не завидовать птицам?
Каким воркованьем тебя не позвать?

Каким застонать человеческим словом,
Чтоб в тесные звуки вместились душа,
Чтоб замерли птицы от слова такого,
Чтоб люди внимали ему, не дыша?

Чтоб ты пробудилась, чтоб ты услышала:
Не голуби крыльями плещут, любя, —
Что это тоска моя в слове кричала,
Что ночи ослепли совсем без тебя!

* * *

Ты была моим дыханьем,
Чистым утренним лучом,
Полдня жарким полыханьем,
Тихой ивой над ручьем.

Ты меня дорогой счастья
Рядом за руку вела,

Ты была моею властью,
Пленницей моей была.

Но войны слепая сила
Мирный день грозой сожгла,
Наши руки разлучила,
Наши судьбы развела.

Я прошел дорог не мало,
День за днем я жил войной,
Гибель грудь мою искала,
Смерть летала надо мной.

Ты не раз меня спасала
Тем, что в сердце ты была,
Ты мне голос подавала,
К воле, к мужеству звала.

Через вражеские мины,
Сквозь огонь в морском бою
Будто чудом из пучины
Выносила жизнь мою.

Ты навек вошла мне в душу,
Без тебя же — все равно,
Как без воздуха — мне душно,
Как без света — мне темно.

* * *

Войди в мой сон, как в дом, заговори,
Заговори — не бойся, не разбудишь!

Войди в мой сон, как в ночь, и озари,
Стань светом тем, каким всю жизнь ты будешь!

Войди в мой сон, как в сад, и расцвети
Сама слепящим яблоневым цветом!
Войди в мой сон, как в стих, и возврати,
Верни себя строкам еще не спетым!

Войди в мой сон, как в явь, чтоб никогда
Не разлучаться нам перед рассветом!
Войди в мой сон, как в жизнь, чтоб навсегда
Дышать тобой, как яблоневым цветом!

* * *

Завидую ветру, что в далях безбрежных
Летает, не зная о том,
Что рук твоих юных, что щек твоих нежных
Коснется незримым крылом.

Завидую травам, что в самом цветеньи
По тем разбежались лугам,
Где ты проходила, чтоб хоть на мгновенье
К твоим прикоснуться ногам.

Завидую звездам с их легкой судьбою,
Их вечно бессонным лучам,
За то, что дано им, любуясь тобою,
Твой сон сохранять по ночам.

Завидую речке, когда ты качнешься
На синей, как небо, волне...
Но если всем сердцем ты мне отзовешься,
Весь мир позавидует мне.

* * *

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше травы весной,
Зачем они к солнцу стремятся
Так жадно, как будто расстаться
Готовы навеки с землей.

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше ты у ручья,
Зачем он, покоя не зная,
Бежит и бежит, пробивая
Дорогу в морские края.

За что я тебя полюбил?
Ты лучше спроси у орла,
Зачем не милы ему горы,
Зачем он так рвется в просторы,
Чтоб туча грозой обожгла.

За что я тебя полюбил?
Спроси лучше сердце мое,
Зачем, разрываясь на части,
В тебе оно видит все счастье
И только об этом поет!

* * *

Опять до тебя перегоны,
И ветер, над крышей гудя,
Роняет на стекла вагона
Холодные слезы дождя.

Опять я шепчу твое имя,
Как в первый тот памятный год.
Нет, нет, мы не стали чужими,
И сердце, как прежде, поет.

А если тебя я обидел
И словом своим не согрел,
Прости мне: я просто не видел,
Каким я богатством владел.

* * *

Когда я с тобой, я не знаю сомнений,
И день мой всегда голубой.
С тобой мое счастье, мое вдохновенье, —
Все только с тобой.

Когда я с тобой, я не знаю тревоги,
Одною мы дышим судьбой,
И в жизни иной не ищу я дороги,
Как только с тобой.

* * *

Что делать мне, когда ты в сердцеходишь,
Врываешься, рассудку вопреки?
Что делать мне, когда в крови ты бродишь,
Как бродят волны в глубине реки?

Но что река без волн? Пустое русло.
Что сердце без тебя? Глухая клеть.

И волны бьют и рвут его до хруста.
Как мне их плеск, их натиск одолеть?

Один стою, один перед стихией.
Где взять мне столько рук, и глаз, и уст,
Чтоб весь табун смятений ввел в стихи я,
Чтоб ожил в слове этот плеск и хруст?

Как мне сказать, чтоб стало ясно людям,
Чтоб стало видно зрячим и слепым,
Что всею сутью, всей поющей грудью
Я слепну перед заревом твоим?

* * *

Нас не сможет ничто никогда разлучить,
Навсегда разобщить, к жизни врозь приучить.

Как же так? Врозь шагать, врозь дышать? Как же
Если все в нашей сути корнями сплелось? врозь,

Разлучить — разорвать, разломать, разрубить —
Все равно что убить, все равно что не быть!

Если это стена, разводящая врозь, —
Жажда видеть пройдет эту стену насквозь.

Если даль расстояний, дорог разворот —
Жажда слышать услышит твой голос, найдет.

Если ночь, если мрак, если скопище туч —
Все прорежет любви несгорающий луч.

Никакая страда, никакая беда
Не затмит, не убьет этот луч никогда!

Ярослав Смеляков

(1913—1972)

Хорошая девочка Лида

доль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.

Ее золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, неплохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пылью веснушек
засыпал ей утром постель.

Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,

когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.

В оконном стекле отражаясь,
по миру идет не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем же
        она
        хороша?

Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида», —
в отчаянье он написал.

Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету:
смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.

На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
над снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

Милые красавицы России

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блёстках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На посылках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

Лев Ошанин

1912

✱

Ты ждешь любви всем существом своим...

А ждать-то каково? Ведь ты живая...

И ты идешь с чужим, недорогим,

Тоску свою любовью называя.

Один не тот, потом другой не тот,

Оглянешься — а сердце-то остыло.

Когда ж в толпе единственный мелькнет,

Его окликнуть не достанет силы.

* * *

Это будет вот так:

будут звезды бесчисленно падать.

Разбежится гроза,

а закат еще жив в полумгле...

Будешь ты повторять мне:

«Не надо, не надо, не надо...»

Я возьму тебя за руку

и поведу по земле.

И рука твоя станет доверчивой,

доброй, послушной.

А земля будет разной —

радушной, чужой, равнодушной...

Это что за река? Это Нил, Енисей или Волга?

Как дрожат под ногами тяжелые плиты моста...

Я люблю тебя, слышишь?

Всю жизнь. Беспощадно. Безмолвно.

Звезды тихо уходят домой.

Холодеет. Рассвет.

И в руках пустота.

* * *

В сердце разная боль и разный страх.

Мы идем, обнявшись, в разных мирах.

Ничего между нами с тобою нет,

Никого между нами с тобою нет,

Только лунный свет, только тридцать лет.

Видим мы под сводом одних небес

Я — приволжский плес,

ты — прибранский лес.

Две галактики наших встают из тьмы,

Скальпель памяти в них погружаем мы.

Ты вытаскиваешь его наугад,

Я дивлюсь, как твой маленький мир богат.

Я огни и вехи в моей судьбе

Достаю со дна, отдаю тебе.

Я азартней еще не видал игры —

Мы идем
и смешиваем миры.

Переулочек полон полночных снов.
Мы идем, понимая слова без слов.
Каждый шаг двойной, как эхо в горах.
Мы идем, обнявшись, в разных мирах.
Еще много в них неоткрытых звезд.
Нерожденных слов, непонятных слез...
Но встает уже новый рассвет, лучась.

...Видно, стоило столько пройти пути,
Чтобы в самый неожиданный на свете час
Через два поколения тебя найти.

* * *

Ты счастье со мною пережила,
Бездумна, бездомна и весела,
Покорная и облеченная властью.
Но главное — это не просто счастье.

Ты горе со мною пережила,
Бессонна, отгадлива и смела.
Жила ты, с молвой и болезнями споря.
Но главное — это еще не горе.

Если впрямь ты веришь любви,
Ты будни со мною переживи.
Ладиться будем или не будем,
Ссориться будем или не будем,
Но чтобы их не было вовсе, буден.

Зоя Павловна

Все уже в конторе этой новой
Знают, что над ней шутить нельзя,
Что у Зои Павловны Стрельцовой
Тихие и грустные глаза.
Серенькое платье в полдень летний,
Серенькая кофточка зимой...
Все старается понезаметней,
Все молчком, сутулясь, стороной.
Словно все, что в жизни ей осталось, —
Тоненько поскрипывать пером.
Словно села здесь и попрощалась
С тем, что в жизни радостью зовем.
А сегодня...

Нет, на самом деле,
Что случилось?

Плавен взмах руки,
Щеки у нее порозовели
И в глазах мелькнули огоньки.
Что случилось?

Просто к ним в контору,
На плечах неся веселый снег,
По пути зашел Иван Егорыч —
Мало ей знакомый человек.
Оказалось, что улыбкой можно
В женском сердце вдруг разрушить
мир.

Для чего же так неосторожно
Ты ей улыбнулся, бригадир?
Угадал в ней что-нибудь такое,
Что закрыто для других людей?
Или, полный радостью другою,
Невзначай ты подшутил над ней?

А она могла бы быть красивой,
Только надо посмелей глядеть,
Не бежать от радости пугливо,
Понарядней кофточку надеть.
И была-то Зоя не такой.
Помнишь юность над родной рекой?
Зоя, зайка, зайнышка, зайчонок!
Был ли кто звончей среди девчонок!
Счастье пело над лесистой Камой
В сочных травах, в блеске снеговом.
Закружило и помчало замуж
В солнечном году сороковом.
Как ловил он каждый взгляд невесты,
Как хмелел от робких ласк жены.
Вася, Вася...

Он погиб под Брестом
Хмурым летом в первый год войны.
Девочка еще наполовину,
Вся любовью полная живой,
В девятнадцать, в час рожденья сына,
Матерью ты стала и вдовой.
Так сломалась песня с полуслова.
Сколько вас, огнем обожжена,
Чуть не сразу из невест во вдовы
Записала горькая война!

В комнате, где все о нем шептало,
Сколько Зоя плакала сначала,
Недоцеловав, недолюбив.
Сколько лет, по-прежнему влюбленной,
Все ждала, не веря почтальону,
Все хранила думку, что он жив.
А когда однажды на закате
Поняла, что больше ждать нельзя, —
Смастерила серенькое платье,

Потушила карие глаза.

А сынок растёт, как ясень.

Можно

В материнстве обрести свой мир.

Для чего же так неосторожно

Ты ей улыбнулся, бригадир?

А быть может, угадаешь ты,

Что не встретишь сердца ты заветней

До ее высокой красоты

Далеко иной двадцатилетней.

Александр Яшин

(1913—1968)

крутит тебя любовь,
Пальцы сожмет на горле —
Не беспокой докторов:
Есть лечебные корни.

На волоках ищи,
В заводях незнакомых,
В хвойной грибной глуши,
В травах и буреломах.

С лайкой, с дробовиком
Рыскай вдали от дома,
Чтоб беспробудным сном
Спать потом на соломе.

Море переплыви,
Исколеси отроги,
Ноги в кровь изорви...

Дальние дороги
Вылечат от любви.

Но не болезнь любовь:
Плачут, когда болеют,
Губы кусают в кровь,
Вылечатся — жалеют.

Из цикла «Первые письма»

Елене Первенцевой

1

День ли, ночь ли — света нет без милой.
Вспоминать, как слезы лить о том,
Как она доверчиво любила,
Осуждала и боготворила.
Плакала,
Не покидала дом.

Как, знобя, выматывая душу,
Ветер выл,
А я пытался спать.
С неба, с моря шла вода на сушу...
День и ночь смотреть в окно и слушать:
Не вернется ль?
Дверь не закрывать.

2

Ни покоя тебе, ни просто.
Тишины —
Берега кипят,

И вода шестибалльного роста
Обдаёт с головы до пят.

Утром гребни белее мела.
Скрип камней прознобит насквозь,
Свет морской пронизает все тело,
Ветер выстудит каждую кость.

И уже никуда — угрюмый
Или радостный — не уйдёшь,
Никуда не уйдёшь от шума
Этих волн и прибрежных рощ —

Ни в ущелья Урала,
Ни в пади
Вологодских трущоб —
Никуда!

Так от самого первого взгляда,
Покорившего навсегда.

3

Шумит, деревья гнет гроза.
Засну, укурюсь —
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы приснятся, может, —
Так грозовые облака
На кудри темные похожи;

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молнии по краю

Глубинный блеск из-под ресниц
Мне иногда напоминают.

В грозу, как в детстве, спится мне.
Дождям и грому нет отбою.
Я засыпаю, и во сне
Встречаюсь с прежнею тобою.

И пробужденье хорошо:
Все стихнет,
В каплях засверкает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимешься,
Расправишь плечи,
И на душе легко, легко,
Как после настоящей встречи.

4

Ласточка, от ястреба спасаясь,
Занеслась неведомо куда.
И со свистом воздух рассекая,
Целый день вилась над полем стая,
Не могла найти ее следа.

Где она, куда она забилась?
Ночь настанет — ласточка одна.
Землю обволакивает сырость,
Черных туч кругом нагромоздилось...
Может, в темном ельнике она?

Тишина стоит предгрозовая,
Только в небе ласточки снуют...

А в каком краю моя родная?
Где ты, маленькая, молодая,
Приклонила голову свою?

И куда пойдешь в такую пору?
Грянет гром над лесом,
Хлынет дождь...
Не метнулась бы в чужую нору.
Почему моя тебе не впору?
Разве я на ястреба похож?

Сумерки.
Тоска в душе такая,
Что часы остановили ход.
Ласточек щебечущая стая
Над землей из края в край летает
И нигде покоя не найдет.

5

Тяжело остаться одному.
Сколько лет прошло — тебя все нету.
Как барсук в норе, сидел в дому,
Думал: не промолвлюсь никому!
Но печаль сама летит по свету.

Предо мной земля как на виду,
Сверстники везде и побратимы,
Даже с полюсом я речь веду...
А своей любимой не найду,
Не могу найти своей любимой.

Коль одна живешь в чужом краю,
Отзовись, я клятвы не нарушу,
В прах все расстоянья разобью...

Если ж не одна, тогда мою
Отпусти на покаянье душу.

* * *

Я тебя не хочу встречать.
Я тебя не хочу любить.
Легче воду всю жизнь качать,
На дороге камни дробить.

Лучше жить в глуши, в шалаше,
Там хоть знаешь наверняка,
Почему тяжело на душе,
Отчего находит тоска.

Буду лес вековой рубить,
В мозглой тундре топи гатить...
Я тебя не хочу любить.
Как же мне тебя позабыть?!

Извечное

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображение —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпением
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

О безответной любви

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить, в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем море,
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.

Давай безответную —
Так тому и быть.

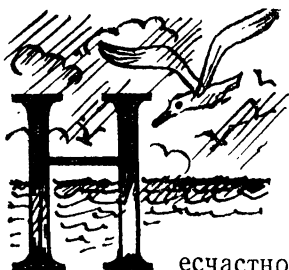
Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

Маргарита Алигер

1915

✱

Несчастной любви не бывает!
Ты только сумей полюбить!
Увидишь, как сила твоя прибывает,
узнаешь, как весело жить.
Ты станешь свободней и шире,
поймешь, что силен и богат,
и что-то внезапно изменится в мире,
он станет прекрасней стократ.
Войдешь ли ты в дом или выйдешь из дому,
не сдержишь сияния глаз...
Мне это хотелось сказать по-другому,
а вышло, как тысячу раз.
Ну что ж теперь делать? Смущаться не надо.
И нечего правду таить.
Как божьему дару, я рада, я рада
тому, что умею любить.
И сколько б, друзья, ни свершилось событий
и сколько б нам ни было лет,

любите, любите, любите,
таланта доступнее нет!

* * *

Прости мне этот голос телефонный.
Каким он был?

Пустым?

Надменным?

Злым?

Как будто бы не для меня законы,
предписанные женщинам другим.
Но ты не верь.

Я тоже знаю эти
провалы горя — не увидишь дна
бессонницы, — совсем одна на свете,
в отчаянье и в радости одна.
Я разве что не плачу, а немею
пред тем, кого мне суждено любить,
и, если он уходит, не умею
в чужих прихожих за руки ловить.
Ну, на минуту сжалится как будто,
а ты молчишь, послушна и нежна.
Я не хочу!

На что мне та минута,
когда мне вечность целая нужна.
Пускай уходит! Знаю, не забудет
заваленного хвостом огня.
Меня за гордость невзлюбили люди.
За эту гордость ты прости меня.
Мы поделились хлебом и ночлегом.
Тебе ведь было весело со мной?
Прости хоть за Сокольники под снегом,

за Троицкую улицу весной.
Прости меня хоть за скупую просинь
блокадой опоясанного дня.
Хотя б за ту ваганьковскую осень,
за клен измайловский прости меня.
Прости и верь, что если я не плачу, —
какая это гордость?! — все всерьез, —
я до поры до времени не трачу
отпущенного мне запаса слез.
Пускай они безжалостней прольются,
пускай на волю хлынет боль моя
в тот ясный день, когда домой вернутся
чужие, неубитые мужья.

Перед зарей

Ни с того ни с сего
ты сегодня приснился мне снова —
перед самой зарей,
когда дрогнула мгла, —
и негромко сказал мне
хорошее, доброе слово,
и от звука его
я проснулась
и больше уснуть не могла.

Чтоб его не забыть,
я почти без движенья лежала.
Занимался рассвет,
в петушины трубы трубя...
Вот и минула ночь!
А ведь я за нее возмужала.
До нее мне казалось,
что я разлюбила тебя.

Живая любовь

Один мой друг женился в тридцать лет
на девушке восемнадцатилетней.
Пошли осуды, пересуды, сплетни:
и что он в ней нашел, и ничего в ней нет.
На взгляд чужой, придирчивый и строгий,
она и впрямь была нехороша,
какой-то длиннорукий, длинноногий
утенок гадкий, робкая душа.
Что он, мой друг, в ней для себя открыл,
за что ее среди других заметил,
никто не знал.

Но он ее любил.

Нет таинства таинственней на свете.
Зачем? За что? Поди определи.
Людской удел в любви неодинаков.
Тут что-то от цветения земли,
от роста трав, от созреванья злаков.
Иной росток, пожалуй бы, зачах,
когда б не дождик и не солнце в небе,
но вот он крепнет в солнечных лучах —
такой ему счастливый выпал жребий!
Той девушке пришлось бы, верно, жить
тусклее, холоднее, неприметней,
когда б ее не вздумал полюбить
хороший человек тридцатилетний.
Он что-то в ней такое разглядел,
чего она б сама не разглядела.
Он на нее восторженно глядел,
она ему в награду хорошела.
Он доверял ей все свои дела,
он всем своим достатком с ней делился.

Она ему ребенка родила,
и он ей в ноги низко поклонился.
Но ей порой казалось: это сон.
Не может быть! Она гораздо хуже.
Она его не стоит... Почему же
случилось так?

Но вмешивался он.

Ему хватало силы и ума,
любви и сердца и на этот случай.
Он верил ей,

и вот она сама
поверила в себя — и стала лучше.
Он был на страже всюду и везде,
его любовь стояла с нею рядом,
в рабочий полдень, в счастье и в беде
он помогал ей восхищенным взглядом.
Она высоко голову несла
под этим взглядом...

Жизнь вперед бежала.

И девушка, как деревце, росла,
окорялась, крепла и мужала.
И словно в благодарность за покой,
за то, что не солгал и не обидел,
она и стала к зрелости такой,
какой ее он в юности увидел.
Дремавшая глубоко красота
вдруг развернулась пышно и богато,
и всем на свете вдруг открылась та,
которую он угадал когда-то...
И снова удивились все вокруг:
Что с ней случилось? Почему? Откуда?
Какое чудо!

Но молчал мой друг.
Упрямый труд и воля, что за чудо!

Он так хотел.

Не веря чудесам,
уверенно, решительно и властно
свою любовь он выпестовал сам,
и оказалось, что она прекрасна.

Яков
Хелемский

1914

---

*

то делать? Люблю, словно в юности
ранней,

С трудом дожидаясь коротких свиданий.

Стою под часами в условленном месте,

Целую тебя в полутемном подъезде.

В ночной электричке лечу, задыхаясь,

На сутки, как будто навеки, прощаюсь.

При встрече ликую, в разлуке тоскую.

За что обречен я на муку такую?

Не девочка ты, да и я уж не молод,

А все-таки душу не выстудил холод.

Как в прежние годы, горю — не сгораю,

Пылаю, подвластен то аду, то раю.

Тревожно и молодо я существую.

Как жадно я пью эту воду живую!

Люблю неустанно, не зная покоя.

За что же мне выпало счастье такое?

Я желанием томим
От тебя не отлучаться,
Обаянием твоим
Непрестанно облучаться.

Чтоб не таял и не гас
Тот запас рассветный, ранний,
Чтобы не было у нас
Даже кратких расставаний. .

Но тогда не будет встреч.
Без разлук — запомни это —
Трудно на́долго сберечь
Свежесть утреннего света.

Этот мягкий добрый свет
Животворности исполнен.
Этот ультрафиолет
Исчезает в блеске полдня.

И ленивые лучи
Вечного благополучья
То не слишком горячи,
То порой не в меру жгучи.

А еще грустней багрец
Потускневшего заката,
Означающий конец
Зорьки, вспыхнувшей когда-то.

И учусь я в час любой
Не страшиться расставанья.

И твое беру с собой
Утреннее обаянье.

* * *

Давай-ка назначим свидание
В аллеях Нескучного сада,
Где трепет и хруст увядания
И рос предвечерних прохлада.

Давай на скамейке незанятой
Усядемся осенью ранней.
Как много услышала за лето
Упреков она и признаний.

Ты скажешь, хоть время погожее,
Что в жизни испытано вдоволь
И в возрасте нашем негоже нам
Вздыхать на скамейках садовых.

Но здесь, как в дремучем урочище,
Безлюдно под сенью сквозною.
Проспект, приглушенно рокошущий,
Звучит, как рояль за стеною.

Скользят паутинки, поблескивая,
А воздух туманцем подернут —
Он влагой пропах москворецкою,
Сентябрьскою прелью и дерном.

Листва сердцевидная кружится,
На все нанося позолоту.
Ладони кленовые дружески
Ложатся нам на плечи с лету.

Средь этой прозрачной
пустынности
Друг другу признаемся снова,
Что так же, как в юности, вынести
Любую невзгуду готовы.

Что нами не все еще познано,
Что время разлук и свиданий,
Волнение, быть может и позднее,
Не прервано осенью ранней.

Возможно, безлюдье нарушивши,
Рассеяв жемчужную дымку,
Какой-нибудь парень с подружкой
Пройдет по дорожке в обнимку.

Куда от свидетелей денешься!
Но ты не смущайся, не надо.
Как будто с ровесницей, девушка
С тобой обменяется взглядом.

И парню шепнет на скамеечке
Соседней, под небом погожим:
— Взгляни-ка на тех, нестареющих,
Мы долго любить еще сможем!

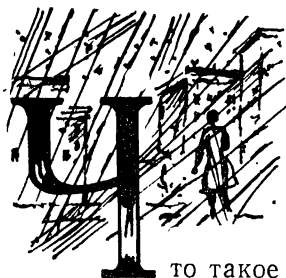

Елена
Рывина

1910

---

*

то такое со мной случилось?
Это просто смешно рассказывать.
Я вчера тебя только видела,
А сегодня бегу опять.
Но, ведь если опять прибегу я,
Засмеются кругом все люди,
Скажут:
— Что-то уж больно часто. —
И тогда покраснею я.

Как бы мне придумать такое,
Чтобы люди видели сами:
Я по очень спешному делу, —
А иначе бы не пришла!

Я приду к тебе, хлопну дверью
И скажу развязно и громко:

— Я пришла сказать тебе, знаешь,
Выпал первый сегодня снег. —
Ты мне взглянешь в глаза и скажешь:
— Я в окно его сам заметил. —
И тогда засмеются люди,
И тогда покраснею я.

Как бы мне придумать такое,
Чтобы люди видели сами:
Я по очень срочному делу, —
А иначе бы не пришла!

Я приду к тебе, хлопну дверью
И скажу с озабоченным видом:
— Возле львов залиты ступени,
На Неве поднялась вода! —
Ты мне взглянешь в глаза и скажешь:
— Я сейчас только сам оттуда. —
И тогда засмеются люди,
И тогда покраснею я.

Как бы мне придумать такое,
Чтобы люди видели сами:
Я по очень важному делу, —
А иначе бы не пришла!

Я приду к тебе; дверь чуть тронув,
И скажу несмело и тихо:
— Я пришла потому, что мне грустно,
И потом —
я люблю тебя! —
Ты мне взглянешь в глаза и скажешь:
— Что ж ты раньше не говорила? —

И тогда замолчат все люди,
Потому что —
а что им сказать?

* * *

Когда я уйду куда-нибудь из дома,
В любом часу и по любому делу, —
Мать вслед кричит мне:
— Будь поосторожней,
На перекрестках не пиши стихов! —
И долго вслед глядит потом, и долго
В окне седую голову я вижу.

И знаю я, что в жарком беспокойстве
Ей представляется большой бесстрастный
город,
Который поглотит меня, —
все крыши,
Готовящие разом черепицу
На голову мою,
и все трамваи,
И все авто, забывшие сигналы,

Бегущие, чтоб раздавить меня!
Вчера, прощаясь, я взглянула вслед
И ощутила сердцем всем, что мне
Хотелось крикнуть:
— Будь поосторожней! —
И мне представился большой
бесстрастный город,
Который поглотит тебя, —
все крыши,
Готовящие разом черепицу

На голову твою,
                                и все трамваи,
И все авто, забывшие сигналы,
Бегущие, чтоб раздавить тебя.
Тогда я поняла,
                                что я люблю!

Восьмистишия

* * *

Огонек твоей папиросы
То погаснет, то снова горит.
Мы проходим по улице Росси,
Где напрасно горят фонари.
Наша редкая встреча короче
Шага, мига, дыханья, глотка.
Почему, уважаемый зодчий,
Ваша улица так коротка?

* * *

Я хочу тебя увидеть
На мгновение, во сне,
Чтоб во сне тебя обидеть, —
В жизни это трудно мне.
А приснись же мне мгновенно
На знакомом берегу,
Не взглянув, пройду надменно,
Так, как в жизни не могу!

* * *

Стоял июль. Стоял июль.
Листва светилась вырезная.
Когда ты спрашивал: люблю ль? —
Я говорила, что не знаю.
Я знала, что тебе не лгу
Печальным медленным ответом.
Теперь ответить я могу,
Когда не спросишь ты об этом!

* * *

Дождь пошел, когда еще светало.
Он запрыгал, как горох по блюдцу.
Я проснулась. Мне печально стало.
Позже надо было мне проснуться.
Потому что если солнце будит,
То пустые мысли прогоняет,
А рассветный дождь напоминает:
— Нет его и, знаешь ли, не будет!

* * *

Январский неласковый иней
Покрыв и дома и сады.
Какое холодное солнце —
Оно совершенно как ты.
Вот так же оно пламенеет,
Глаза понапрасну слепя.

И светит оно — и не греет.
И есть ты — и нету тебя.

* * *

Спешу.

Не жди удара грома.
Пока он жив
и ты жива, —
Не медли говорить живому
Любви и нежности слова!

Не бойся,
торопись с признаньем
И не страшись непониманья, —
Живому можно объяснить.
Живой поймет.

Живому надо.
Пока последней нет преграды,
Пока дрожит земная нить.

Будь осуждений мелких шире,
Не бойся в чем-то прогадать,
Но бойся только в целом мире
Одной лишь вещи —
опоздать.

Но бойся губ,
сомкнутых силой,
Признаний, брошенных во тьму,
И поздних слов
перед могилой.

Совсем ненужных.
Никому!

За окном дожди лютуют,
А у нас с тобою — вьюга:
Говоришь,

        что не люблю я,
Что недобрая подруга,
Что такие не бывают,
Что ведут себя иначе,
Что любовь —
        она желает
Только счастья да удачи.

Я хочу тебе удачи,
А не пригородной дачи.

Не машину легковую,
Чтобы легче на дорогах, —
А дорогу ветровую,
Всю в рассветах и тревогах.
Все,
        что ты трудом заслужишь, —
Ты получишь по заслугам,
Не об этом, значит, нужно
Беспокоиться подругам.

Не хочу, чтобы погас ты,
Все мне боязно невольно,
Потому что слишком часто
Ты глядишь самодовольно.
Не пущу к тебе печали,
Но не дам тебе покою,
Чтобы был ты,
        как вначале,

Недоволен сам собою,
Чтобы мучился и рос ты
Трудно,
                радостно,
                        безмерно.
Потому все это, просто,
Что люблю тебя, наверно!

Любовь

Тому, кто томится от жажды,
Рассказ мой о давней вине:
Однажды, — послушай, — однажды
Любовь приходила ко мне.

Она попросила напиться,
Присев на крылечко мое,
Но я не дала ей водицы,
Я раньше спросила ее.

Я раньше ее расспросила,
Откуда она и куда.
Я раньше ответить просила,
Какая нужна ей вода.

И, глянув печально и косо,
Сидела любовь у огня,
Ответила мне на вопросы
И тихо ушла от меня.

И если — послушай, послушай!
Она постучит тебе в дом —
Ты раньше отдай ей всю душу,
А спрашивать будешь — потом!

Константин Симонов

1915

У огня

Кружится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.

Одержима яростною верой
В то, что он когда-нибудь придет,
Вечные слова: «Vo to guiero»*,
Пляшущая женщина поет.

В дымной, промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли,
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели.

У огня, где жарятся консервы,
Греет свои раны он сейчас,

---

* По-испански: «Я тебя люблю».

Под Мадридом продырявлен в первый,
И под Сталинградом — в пятый раз.

Он глаза устало закрывает,
Он да песня — больше никого...
Он тоскует? Может быть. Кто знает?
Кто спросить посмеет у него?

Проволоку молча прогрызая,
По снегу ползут его полки.
Южная пластинка, замерзая,
Делает последние круги.

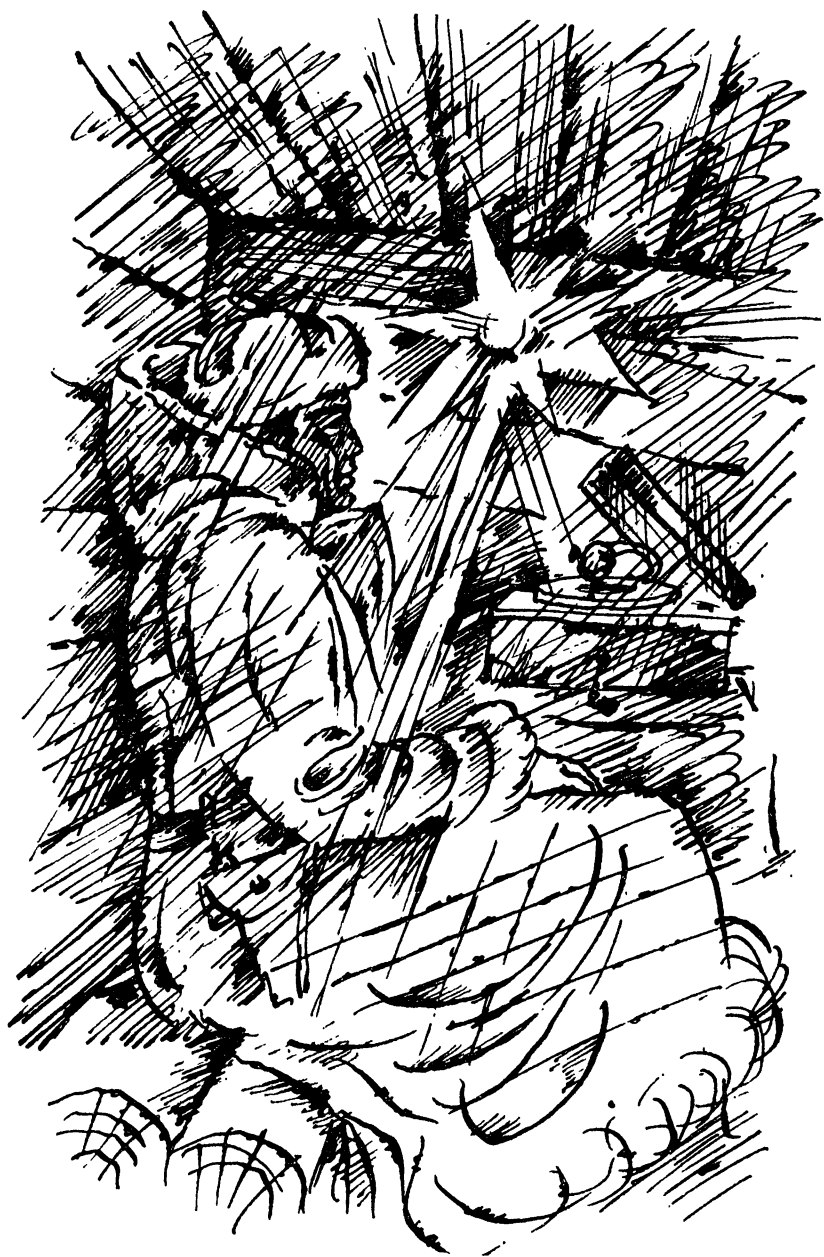
Светит догорающая лампа,
Выстрелы да снега синева...
На одной из улочек Дель-Кампо,
Если ты сейчас еще жива,

Если бы неведомою силой
Вдруг тебя в землянку залучить,
Где он, тот голубоглазый, милый,
Тот, кого любила ты, спросить?

Ты, подняв опущенные веки,
Не узнала б прежнего, того,
В грузном, поседевшем человеке,
В новом, грозном имени его.

Что ж, пора. Поправив автоматы,
Встанут все. Но, подходя к дверям,
Вдруг он вспомнит и мигнет солдату:
— Ну-ка, заведи вдогонку нам.

Тонкий луч за ним блеснет из двери,
И метель не сразу обовьет.

Но, как прежде, радуясь и веря,
Женщина вослед им запоет.

Потеряв в снегах его из вида,
Пусть она поет еще и ждет:
Генерал упрям, он до Мадрида
Все равно когда-нибудь дойдет.

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,

Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавши им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

* * *

Над черным носом нашей субмарины
Взошла Венера — странная звезда,
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пусть они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездою,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

* * *

В домотканом, деревянном городке,
Где гармоникой по улицам мостки,
Где мы с летчиком, сойдясь накоротке,
Пили спирт от непогоды и тоски;

Где, как черный хвост кошачий, не к добру,
Прямо в небо дым из печи над трубой,
Где всю ночь скрипучий флюгер на ветру
С петушиным криком крутит домовой;

Где с утра ветра, а к вечеру дожди,
Где и солнца-то не видно из-за туч,
Где, куда ты ни поедешь, так и жди —
На распутье встретишь камень бел-горюч, —

В этом городе пять дней я тосковал,
Как с тобой, хотел — не мог расстаться с ним,
В этом городе тебя я вспоминал
Очень редко добрым словом, чаще — злым,

Этот город весь, как твой большой портрет,
С суеверьем, с несчастливой ворожбой,

С переменчивой погодою чуть свет,
По ночам, как ты, с короной золотой.

Как тебя, его не видеть бы совсем,
А увидев, прочь уехать бы скорей,
Он, как ты, вчера не дорог был ничем,
Как тебя, сегодня нет его милей.

Этот город мне помог тебя понять,
С переменчивою северной душой,
С редкой прихотью неласково сиять
Зимним солнцем над моею головой.

Заметают деревянные дома,
Спят солдаты, снег валит через порог...
Где ты плачешь, где поешь, моя зима?
Кто опять тебе забыть меня помог?

* * *

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что так другие не назвали,
Что в старый дом мой, сломанный войной,
Ты снова гостьей явишься едва ли.

За то, что я желал тебе и зла,
За то, что редко ты меня жалела,
За то, что, просьб не ждя моих, пришла
Ко мне в ту ночь, когда сама хотела.

Мне хочется назвать тебя женой
Не для того, чтоб знали все об этом,
Не потому, что ты давно со мной,
По всем досужим сплетням и приметам.

Твоей я не тщеславлюсь красотой,
Ни громким именем, что ты носила,
С меня довольно нежной, тайной, той,
Что в дом ко мне неслышно приходила.

Сравнятся в славе смертью имена,
И красота, как станция, минует,
И, постарев, владелица одна
Себя к своим портретам приревнует.

Мне хочется назвать тебя женой
За то, что бесконечны дни разлуки,
Что слишком многим, кто сейчас со мной,
Должны глаза закрыть чужие руки.

За то, что ты правдивою была,
Любить мне не давала обещанья
И в первый раз, что любишь, — солгала,
В последний час солдатского прощанья.

Кем стала ты? Моей или чужой?
Отсюда сердцем мне не дотянуться...
Прости, что я зову тебя женой
По праву тех, кто может не вернуться.

* * *

Тринадцать лет. Кино в Рязани,
Тапер с жестокою душой,
И на заштопанном экране
Страданья женщины чужой;

Погоня в Западной пустыне,
Калифорнийская гроза,

И погибавшей героини
Невероятные глаза.

Но в детстве можно все на свете,
И за двугривенный, в кино,
Я мог, как могут только дети,
Из зала прыгнуть в полотно.

Убить врага из пистолета,
Догнать, спасти, прижать к груди.
И счастье было рядом где-то,
Там, за экраном, впереди.

Когда теперь я в темном зале
Увижу вдруг твои глаза,
В которых тайные печали
Не выдаст женская слеза,

Как я хочу придумать средство,
Чтоб счастье было впереди,
Чтоб хоть на час вернуться в детство,
Догнать, спасти, прижать к груди...

Сергей Васильев

1912

Девичья ласковая

(Из кинофильма «Первый эшелон»)

Й, подруженьки, что я делаю,
мне без милого нет житья.
Все зовут меня в жизни смелою,
а в любви оробела я.
Как увижу вдали любимого,
так навстречу к нему бегу.
А как встретимся — ни единого
слова вымолвить не могу.

Жавороночек, пташка малая,
ты любимому передай,
что любовь моя небывалая
переполнилась через край.
Ой, подруженьки, ой, родимые,
счастье — вот оно, под рукой!
Ах, зачем же порхаю мимо я
и теряю опять покой?

Что-то есть в тебе такое
жесткое, сердитое,
по характеру мужское,
с женственностью слитое.
Затиhaю почему же?
Уступаю что же я?
Будто ты меня, как мужа,
накрепко стреножила.
Как бы я ни рвался к бою —
в результате по полю,
покоренный, за тобою
молчаливо топаю.
Может, я тебя не стою?
Может, в этом истина?
Рядом с дерзкой красотою
выгляжу бессмысленно?
Сколько ты мне, золотая,
ран на сердце сделала!
Хоть бы ты их залатала
ниточками белыми.

Все говорят...

Все говорят, что мы разные с нею,
разница эта далеко видна.
Все говорят, что я выше, стройнее,
и веселей, и милей, чем она.

Все говорят, что ряжуся к лицу я,
все говорят про улыбку мою,

все говорят,
        что я легче танцую,
лучше ее на вечерках пою.

Все говорят мне открыто и честно,
что больше во мне красоты и огня.
И все-таки он, почему — неизвестно,
любит ее и не любит меня.

Сергей Островой

1911

А любовь остается жить

кеаны ломают сушу.
Ураганы сгибают небо.
Исчезают земные царства.
А любовь
остается
жить.

Погибают седые звезды.
Серый мамонт вмерзает в скалы.
Острова умирают в море.
А любовь
остается
жить.

Топчут войны живую зелень.
Пушки бьют по живому солнцу.
Днем и ночью горят дороги.

А любовь
    остается
        жить.

А к тому это все, что, если
Ты увидишь, как плачут звезды,
Пушки бьют по живому солнцу,
Ураганы ломают твердь, —

Есть на свете сильнее чудо:
Рафаэль написал Мадонну,
Незапятнанный свет зачатья
На прекрасном ее лице.

Значит, день не боится ночи.
Значит, сад не боится ветра.
Горы рушатся. Небо меркнет.
А любовь
    остается
        жить.

Живая вода

Шел пустыней знойной
Человек однажды.
Он под желтым небом
Умирал от жажды.

А ему всего-то,
Чтоб живым остаться,
До глотка воды бы
Поскорей добраться.

А воды все нету,
А жара все суше,
Умирают реки,
Высыхают души.

Так, в глухой пустыне,
На краю рассвета,
Вырос новый холмик
Пепельного цвета...

Если ты не хочешь,
Чтобы я однажды
С пересохшим сердцем
Умирал от жажды,

Если ты не хочешь,
Чтоб в песках разлуки
Я упал вот так же,
Простирая руки, —

Не суши мне сердце,
Не томи бедою,
Будь моей любовью,
Будь живой водою.

Евгений Долматовский

1915

---

*

Твоя святая красота
Не всем открыта и понятна:
То грусть опустит угол рта,
То на щеке проступят пятна.

То память горькая твоя
Вспоминаньем брови морщит.
Все знаю я, все вижу я
Вдвоем с тобой,
Как заговорщик.

И втайне горд и втайне рад,
Что, к непростой судьбе причастный,
Лишь я один
Читаю взгляд,
Для окружающих опасный.

И только фронт мой вечный тыл,
И мало нам семьи и дома,
Теперь тебе прическу взбил
Горячий ветер космодрома.

Устав от лжи и от прикрас,
Тая под безразличьем зависть,
Косятся издали на нас
Владельцы писанных красавиц.

Петр Комаров

(1911—1949)

---

*

Милые руки пожав до хруста,
Я отправился во мглу дорог
Не для того, чтобы наши чувства
Выдул нечаянный ветерок.

Время грохочет, как поезд скорый...
Я и сейчас забыть не могу,
Как под березкою белокорой
Ты стояла на берегу.

С томиком Горького под рукою
В час расставанья стояла ты,
И флейта иволги за рекою
Не умолкала до темноты.

Может, берёзку давно срубили...
Только и воздух напомним мне,

Где мы ходили и как любили,
Иволгу слушая в тишине.

Милые руки пожав до хруста,
Переступлю я родной порог.
Сразу поймешь ты, какие чувства
Я для тебя для одной берёг.

* * *

Когда к вам в сердце чистое,
Как в молодости, вновь
То нежно, то неистово
Вдруг постучит любовь —

Вы невзначай привыкнете
К докучливым ветрам,
К ночной звезде навывате,
К морозу по утрам, *

К полярному сиянию
Над самой головой
И даже к расстоянию
Меж Аткой* и Москвой.

Тогда и сопки голые,
И в дельтах камыши,
И крымские магнолии
Для сердца хороши.

---

* Рабочий посёлок на Колыме.

Куда бы вы ни ездили
В родимой стороне —
Для вас цветут созвездьями
Пионы по весне,

Для вас дугою-радугой
Сияют небеса,
Над Ангарой и Ладогой
Для вас шумят леса,

Над каждою рябиною
Дрозды хлопочут вновь...
Живи, неистребимая
И вечная любовь!

Степан Смоляков

(1916—1968)

Это я проходил

то я проходил мимо окон твоих,
Горевал, и смеялся, и пел за двоих,
Когда ветер рассветный дохнул и затих
В розоватых кустах чернотала...
За кого ты меня посчитала?

Это я приходил в твои девичьи сны
Вместе с буйным цветеньем приморской весны,
Когда яблоня пеной клубилась.
Почему ты в меня не влюбилась?

Почему ты не вышла навстречу судьбе?
Я бы лучшие песни сложил — о тебе,
Я бы звонкое сердце оставил — тебе,
Чтоб тебе никогда не грустилось.

Почему ты ушла, не простилась?

Что ж, счастливой дороги. Смотри, не забудь
Среди добрых друзей и меня помянуть.

Но какой ты мне правдой ответишь,
Если лучшего парня не встретишь?

Ранним вечером

Ранним вечером, с первой звездой,
Над прозрачной июньской водой
Синий воздух струится и тает...
Твой напев до звезды долетает.

Я всегда его слушать готов.
Твоего дожидаясь прихода,
Опьяненные запахом меда,
Ветви, полные теплых цветов,
Будут тихо склоняться у входа.

Возвращаясь домой поутру,
Я гармонь рукавом оботру
От росы, что на клавиши пала,
И украдкой калитку запру,
Чтоб чужая нога не ступала...

Одного я никак не пойму:
Я лишь сердцу сказал своему,
Почему ж это люди узнали?
И хожу я теперь сам не свой,
И подружки, встречаясь со мной,
Улыбаться почти перестали.

Знать, завидуют нашей любви.
Ты их в гости к себе позови —
Принесут они в хату цветов,
Занавесят углы рушниками,

За дубовыми сядут столами
И воскликнут: «Совет да любви!»

* * *

— Освободи мне сердце от любви,
И я забуду первую обиду.
Тебя простив, я в луг под солнцем выйду.
Освободи мне сердце от любви.

Так мог сказать я в девятнадцать лет,
Когда мы только встретились с тобой,
Когда не мог бы стать моей судьбою
Ни строгий твой, ни ласковый ответ.

— Освободи мне сердце от любви,
Ошиблись мы, и нет нам оправданья,
И не к чему удваивать страданья.
Освободи мне сердце от любви.

Так мог сказать я в двадцать девять лет,
Когда, возможно бы, другую встретил,
И не был бы несчастлив кто-то третий
От этих слов. Я не сказал их, нет.

Теперь прошу я: — Не освобождай,
Когда придет и тот, пятидесятый,
И луг под солнцем, с резедой и мятой,
По-прежнему мне видеть силу дай.

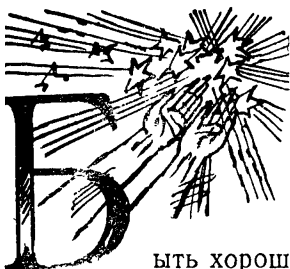
— Освободи, — я так и не сказал, —
Мне сердце от любви, от этой власти... —
И, может, в том и заключалось счастье,
Что этих слов я так и не сказал.

Вероника Тушнова

(1915—1965)

---

*

ыть хорошим другом обещался.

Звезды мне дарил и города.

И уехал,

И не попрощался,

И не возвратится никогда.

Я о нем потосковала в меру,

В меру слез горячих пролила.

Прижилась обида.

Присмирела,

Люди обступили

И дела...

Снова поднимаюсь на рассвете,

Пью с друзьями, к случаю, вино,

И никто не знает,

Что на свете

Нет меня уже давным-давно.

* * *

Надо верными оставаться,
До могилы любовь неся,
Надо вовремя расставаться,
Если верными быть нельзя.

Пусть вовек такого не будет,
Но кто знает, что суждено?
Так не будет, но все мы люди...
Все равно — запомни одно:

Я не буду тобою брошена,
Лгать не станешь мне, как врагу,
Мы расстанемся как положено, —
Я сама тебе помогу.

* * *

А знаешь, все еще будет!
Южный ветер еще подует,
и весну еще наколдует,
и память перелистает,
и встретиться нас заставит,
и еще меня на рассвете
губы твои разбудят.
Понимаешь, все еще будет!
В сто концов убегают рельсы,
самолеты уходят в рейсы,
корабли снимаются с якоря...
Если б помнили это люди,
чаще думали бы о чуде,

реже бы люди плакали.
Счастье — что оно? Та же птица:
пустишь — и не поймаетшь.
А в клетке ему томиться
тоже ведь не годится,
трудно с ним, понимаешь?
Я его не запру безжалостно,
крыльев не искалечу.
Улетаешь?
Лети, пожалуйста...
Знаешь, как отпразднуем
встречу!

* * *

Ну что же, можешь покинуть,
можешь со мной расстаться, —
из моего богатства
ничего другой не отдастся.
Не в твоей это власти,
как было, так все и будет.
От моего злосчастья
счастья ей не прибудет,
ни любви ей,
ни ласки
не добавится ни крупички!
Не удастся тебе,
не удастся
душой моей откупиться.
Напрасно стараться будешь:
нет любви — не добудешь,
есть любовь — не забудешь,
только счастье загубишь.

Рыжей глиной засыплешь,
за упокой выпьешь...
Домой воротишься — пусто,
из дому выйдешь — пусто,
в сердце заглянешь — пусто,
на веки веков — пусто!

* * *

Одна сижу на пригорке
посреди весенних трясин.
...Я люблю глаза твои горькие,
как кора молодых осин,
улыбку твою родную,
губы, высохшие на ветру...
Потому, куда ни иду я,
и тебя с собою беру.
Все я тебе рассказываю,
обо всем с тобой говорю,
первый ландыш тебе показываю,
шишку розовую дарю.
Для тебя на болотной ржави
ловлю отраженья звезд...
Ты все думаешь — я чужая,
от тебя за десятки верст?
Ты все думаешь — нет мне дела
до озябшей твоей души?
Потемнело, похолодело,
зашуршали в траве ежи...
Вот уже и тропы заросшей
не увидеть в ночи слепой...
Обними меня, мой хороший,
бесприютные мы с тобой.

* * *

Небо желтой зарей окрашено.
Недалеко до темноты...
Как тревожно, милый,
как страшно,
так боюсь твоей немоты.
Ты ведь где-то живешь, и дышишь,
улыбаешься, ешь и пьешь...
Неужели совсем не слышишь?
Не окликнешь? Не позовешь?
Я покорной и верной буду,
не заплачу, не укорю.
И за праздники,
и за будни,
и за все я благодарю.
А всего-то и есть:
крылечко,
да сквозной дымок над трубой,
да серебряное колечко,
пообещанное тобой.
Да на дне коробка картонного
два засохших с весны стебля,
да еще вот — сердце,
которое
мертвым было бы
без тебя.

Василий Федоров

1918

О ней

Н е вынес я тоски недель...
По улице, опять преградой,
Метет, метет, метет метель,
А мне тебя увидеть надо...

В сугробы снега и лога,
Косматой буре на рога
Бегу — навстречу вихрей стадо...
Заполонило белый путь,
Ударило... Что будет — будь.
Но мне тебя увидеть надо.

Вот клуба снежное крыльцо...
Увидеть, одолев преграды,
Глаза твои, твое лицо
Во что бы то ни стало надо.

А на висках две жилки бьются,
Две жилки бьются...

Любовь кричит: как поступить?
Переступить или вернуться?
Переступить или вернуться?
И решено — переступить!

* * *

Молодая береза совсем не белая,
Белой береза бывает зрелая.

Та не рябина, что днями поздними
Птиц не поманит красными гроздьями.

Та не девушка, не красавица,
Если никто на нее не зарится.

* * *

Как пламя яркого огня,
Не потухающего вечно,
Ты мне нужна не для меня,
Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
Я тайну о тебе подслушал.
Напев о красоте твоей
Запал в ребяческую душу.

Тогда к деревьям у пруда
Я обращался с горькой речью:
«О, неужели никогда
Я на земле ее не встречу?!»

Тогда с тревогою к воде
Я подходил как можно ближе.
«О, неужели же нигде
Ее лицо я не увижу?!»

Я в поисках провел года,
Переходя через утраты.
О, неужели никогда
И не поймешь ты,
Как нужна ты!

Нужна, как воздух для огня,
Чтоб не погас он скоротечно,
Нужна не просто для меня —
Ты истине нужна сердечной.

* * *

Любовь к тебе,
Стыдясь, не спрячу.
Что ж, если сможешь — отбери!
Своей поэзии незрячей
Я брал тебя в поводыри.

Но незаслуженной обиде
Теперь надолго в сердце тлеть.
Я так хотел тебя увидеть,
Что смог и без тебя прозреть.
Но долог путь,
Тоска сильнее —
Кто знает, может, до седин...
Мне будет без тебя труднее,
Пойми!..
Ведь я пойду один.

Иду с надеждою на встречу...
В мое лицо,
В глаза,
Как в цель,
Стреляя белою картечью,
Метет,
Метет,
Метет метель...

* * *

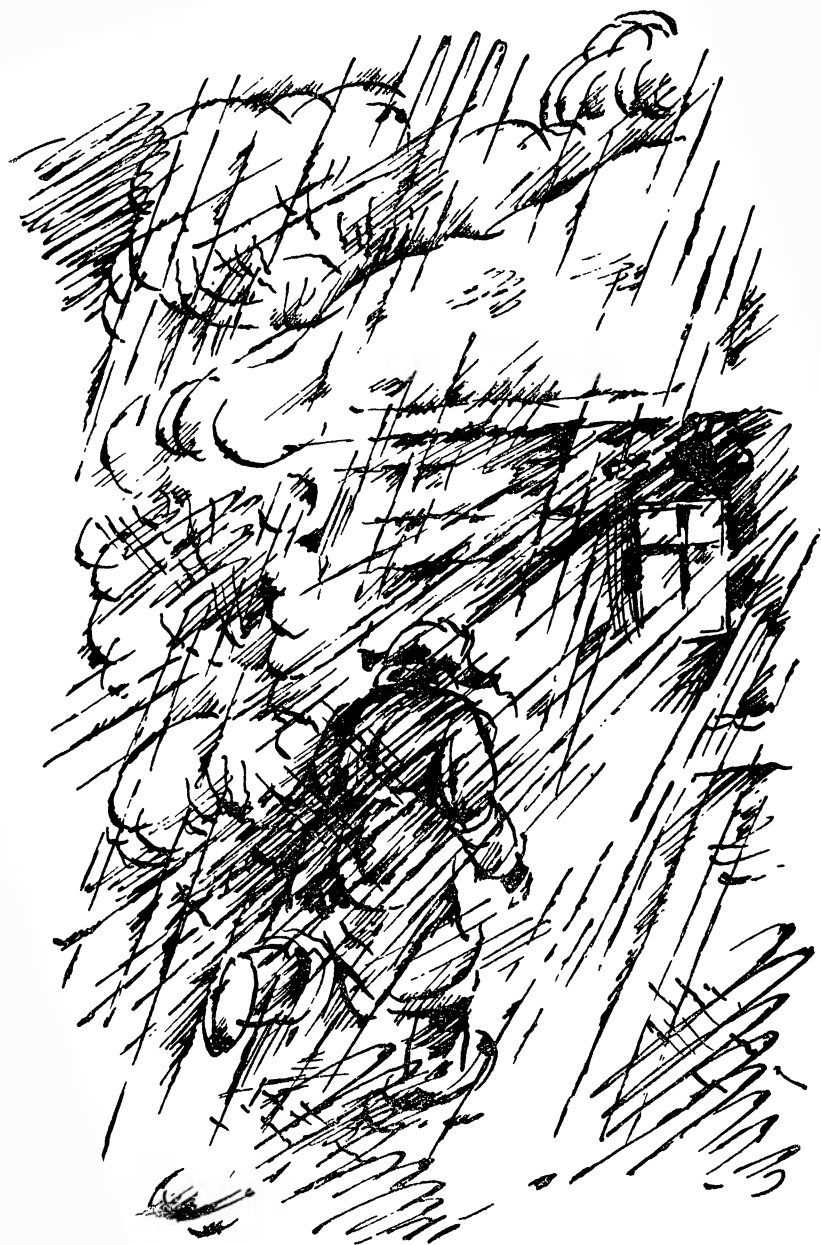
— Не изменяй! —
Ты говоришь любя.
— О, не волнуйся,
Я не изменяю.
Но, дорогая...
Как же я узнаю,
Что в мире нет
Прекраснее тебя?

* * *

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими, как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал: все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь с трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни пришло бы их, —
Пока приветливые руки
Касаться будут рук монахов.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,
Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истошный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мятеже,
Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал — и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты все-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила,
И голос твой
Меня увлек...
Разгоряченного от бега
Ты привела на огонек
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

* * *

Все речи да речи...
Молчи, фарисей!
Никто не поверит,
Имея понятие,
Что дети родятся
От жарких речей.
От жарких речей,
А не жарких объятий.

Душа да душа...
Замолчи ты, ханжа!
Мы тоже святые,
Но разве же худо,
Что к женам нас манит
Не только душа,
А женского тела
Горячее чудо.

Ты книжный,
Ты скучный,
Должно, не любя
Тебя зачинали,
Когда заскучалось.
Все люди как люди,
И кроме тебя,
Ошибок в природе
Еще не случалось.

* * *

Я не знаю сам,
Что делаю...
Красота твоя,
Спроси ее.
Ослепили груди белые,
До безумия красивые.

Ослепили
Белой жаждою.
Друг от друга с необидою
Отвернулись, будто каждая

Красоте другой
Завидует.

Я не знаю сам,
Что делаю...
И, быть может,
Не по праву я
То целую эту, левую...
То целую эту, правую...

* * *

О женщина,
Краса земная,
Родня по линии прямой
Той первой,
Изгнанной из рая,
Ты носишь рай
В себе самой.

Я говорю
Библейским стилем
И возглашаю горячо:
Не Петр-ключарь,
А я, Василий,
Заветным
Наделен ключом.

Мы любим
По земным законам,
И соблазняешь ты меня
Не яблочком одним,
Зеленым,

А сразу спелыми
Двумя.

О женщина,
Душа томится,
И жажда мучит
Все сильнее.
Пить!..
Пить!..
Мне пить
И не напиться
Бедовой радости твоей.

* * *

Измаянная тишиной,
Мысль за тобою гонится.
За радость ночи
Той,
Одной,
Плачу
Сплошной бессонницей.

За страсть,
Сжигавшую дотла,
Я б согласился с карою,
Что узаконена была
Царицею Тамарою.

Счастливец,
Много ли терял,
Когда от стона светлого
С ее груди

Летел в Дарьял
Уже ко стону
Смертному.

И знал он,
Брошенный на дно,
Что после расставания
Его убили б все равно
Потом
Воспоминания.

Не длил бы я
Постылых дней,
Когда бы не иллюзия,
Что ты нежней,
Что ты умней,
Добрей царицы Грузии.

* * *

Как случилось,
Не заметил,
Что в тебя я так влюбился.
Как случилось, что, целуя,
Оторваться не могу...

Как случилось, дорогая,
Что ты стала всех дороже,
Как случилось, что другая
Потеряла красоту...

Если сердце ошибется,
Пусть его затмит измена.

Но не верю я, чтоб разум
Был плохим поводом...

Почему, как Прометея,
И меня ты приковала.
Неужели я похитил
Пламя сердца твоего?..

* * *

Еще недавно нам вдвоем
Так хорошо и складно пелось.
Но вот гляжу в лицо твое
И думаю:
Куда все делось?

Но память прошлое хранит,
Душа моя к тебе стремится...
Так, вздрогнув,
Все еще летит
Убитая в полете птица.

* * *

Любовь мне,
Как блистание
Звезды
Над миром зла.
Любовь мне,
Как призвание
На добрые дела.

Чтоб мир
Отмылся
Дочиста,
Душа тревогу бьет.
Любовь мне,
Как пророчество,
Зовущее вперед.

Любовь,
Как жажда истины,
Как право
Есть и пить.
Я, может быть,
Единственный,
Умеющий любить.

Наталья Бурова

1918

---

*

Кукушечья мудрость — живи да живи,
Не надо ей дупел высоких,
Положит она свою тяжесть любви
В гнездо зазевавшейся сойки,
А птицы не спросят в шуршании сада:
«Чего тебе мало? Чего тебе надо?»

Мой предок отсчитывал годы по льдам
И прятался в норы от бури,
Искал по большим пятипалым следам
Красавицу в тигровой шкуре,
А реки вставали досадной преградой
И злобно рычали: «Чего тебе надо?»

Я думала раз, проходя через рожь:
Ходить по земле не так просто.
В большие минуты, когда устаешь,
Становятся длинными версты.

И, сидя потом на бревне до заката,
Себе говорила: «Чего тебе надо?»

Досадно, что мне даже ласка не впрок,
Противна весенняя слякоть,
И я не однажды, сжимаясь в комок,
Просила любви, чтоб заплакать.
А мне говорили: «Чему ты не рада?
Чего тебе мало? Чего тебе надо?»

Сегодня мне кажется легким пальто,
А ветер настойчиво дышит,
И все, что ты скажешь сегодня, — не то,
Что мне бы хотелось услышать.
А ты никогда не узнаешь по взгляду:
Чего же мне мало? Чего же мне надо?

* * *

Ждать ветра, ждать солнца, ждать теплой волны.
О чем умолять, когда нету вины?
Задиристой песней повсюду дерзать,
В обнимку с дождем на дороге плясать,

Терзаться догадкой, по степи кружить,
Без удержу думать, без удержу жить.
Все это знакомо. «Воистину так!» —
Любой улыбаясь ответит простак.

А если, все доводы эти круша,
Грустит втихомолку над прошлым душа,
Не хочет смеяться, не хочет любить,
Не может простить и не может забыть, —
Тогда как?

* * *

Я так жду тебя, добрая весть,
Так тревожно и тягостно жду,
Что и лилии могут расцвести
На сухом полированном льду.

По ночам, когда тихо вокруг
И простор яснолицей луне
Вдруг отчетливо стукнет: тук-тук!
Да ведь это же сердце во мне!

День за днем, год за годом идут,
Мимоходом листву теребя.
Никакого счастливца не ждут
Так, как я ожидаю тебя.

* * *

Август был бессолнечен и тих,
Тополя давно уж не шептали,
И на тонких прутиках своих
Листья металлическими стали.

Мне давно уж было все равно,
Сколько тишина такая длилась,
Но сегодня ночью за окном
Сразу все, шепча, зашевелилось.

Все стонало, двигалось, лилось,
Полное таинственного гула,
Что-то и во мне оборвалось
И горячим душу захлестнуло.

Я сидела, вглядываясь в тьму,
С думами бескрайними своими,
Вслух, не обращаясь ни к кому,
Тихо повторяла твоё имя.

И не потому, что в тишине
Я тебя как будто позабыла,
Просто в те минуты и во мне
Что-то металлическое было.

Ирина Снегова

1922

Любовь

нас говорят, что, мол, любит, и очень,
Мол, балует, холит, ревнует, лелеет...
А помню, старуха соседка — короче,
Как встарь в деревнях, говорила: жалеет.
И часто, платок затянувши потуже
И вечером в кухне усевшись погреться,
Она вспоминала сапожника-мужа,
Как век он не мог на нее насмотреться.

— Поедет он смолоду, помнится, в город,
Глядишь — уж летит, да с каким полушалком!
А спросишь: чего, мол, управился скоро?
Не скажет... Но знаю: меня ему жалко...

Зимой мой хозяин тачает, бывало,
А я уже лягу, я спать мастерица,
Он встанет, поправит на мне одеяло,
Да так, что не скрипнет под ним половица.

И сядет к огню в уголке своем тесном,
Не стукнет колодка, не звякнет гвоздочек...
Дай бог ему отдыха в царстве небесном! —
И тихо вздыхала: — Жалел меня очень.

В ту пору все это смешным мне казалось,
Казалось, любовь чем сильнее, тем злее, —
Трагедии, бури... Какая там жалость!
Но юность ушла. Что нам ссориться с нею?

Недавно, больная бессонницей зябкой,
Я встретила взгляд твой — тревога в нем стыла
И вспомнилась вдруг мне та старая бабка, —
Как верно она про любовь говорила!

* * *

О, господи! Все женщины мечтают,
Чтоб их любили так, как ты меня.
Об этом в книгах девочки читают,
Старухи плачут, греясь у огня.
И мать семьи, живущая как надо,
В надежном доме, где спокойный свет,
Вздохнет, следя, как меркнут туч армады:
И всё как надо, а чего-то нет.
Есть равновесье, складность, но всечасно
Никто минут, кромая дни, не ждет.
Никто тебя за счастье, за несчастье,
Как бред, как наважденье, не клянет.
Не довелось... Вздохнет, а тучи тают,
Горит закат на самой кромке дня...

О, господи! Все женщины мечтают,
Чтоб их любили так, как ты меня, —
Неотвратимо, с яростью, с бедою,
С желаньем мстить, как первому врагу.
...Должно быть, я любви такой не стою,
Коль броситься ей в ноги не могу.

* * *

Бывает так: живешь в неволе —
В безвыходной сердечной боли.
Потом, бывает, минет срок,
И боль уйдет, как дождь в песок.
И волен ты, как ветер в поле,
Но... жаль тебе ушедшей боли.

* * *

Жив-здоров. Не глядишь на другую.
Вот и всё. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.

Просто мне, чтоб по белому свету
Подыматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не любишь другой.

* * *

Не надо приходить на пепелища,
Не нужно ездить в прошлое, как я,
Искать в пустой золе, как кошки ищут
Напрасный след сгоревшего жилья.
Не надобно желать свиданий с теми,
Кого любили мы давным-давно,
Живое ощущение потери
Из этих встреч нам вынести дано.
Их час прошел. Они уже подобны
Волшебнику, утратившему власть,
Их проклинать смешно и неудобно,
Бессмысленно им вслед поклоны класть...
Не нужно приходить на пепелища
И так стоять, как я теперь стою.
Над пустырем холодный ветер свищет
И пыль метет на голову мою.

Николай Доризо

1923

---

*

как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины,
властвуем,
решаем.

Нет!

Только тех мы женщин выбираем,
Которые
нас выбрали
уже.

* * *

Все знаю смешинки лица твоего,
Когда же глаза закрываю,
Никак не могу я
Представить его,

Я как бы его
Забываю...
А лица совсем незнакомых людей
Отчетливо в памяти вижу.
Выходит,
Тебя
        разглядеть
Тем трудней,
Чем мне ты
        роднее и ближе.
Мы видим
        лишь то,
Что хоть чуть
        в стороне,
Хоть чуточку
        на расстояние.
Настолько со мной ты,
Настолько во мне,
Что видеть я не в состоянии!

* * *

Моя любовь —
Загадка века,
Как до сих пор
Каналы марсиан,
Как найденная флейта
Человека,
Который жил
        до древних египтян.
Как телепатия
Или язык дельфиний,

Что, может, совершеннее,
Чем наш,
Как тот,
                    возникший вдруг
На грани синей,
Корабль
                    с других планет
Или мираж.
Я так тоскую
                    по тебе
В разлуке.
И эта непонятная тоска,
Как ген,
Как область новая науки,
Которой
                    нет
                    названия пока.
Что ж,
                    может быть,
В далекий век тридцатый
В растворе человеческой крови,
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет
                    атом
Вещества любви.
Его прославят
                    летописцы века,

О нем
                    молва
                    пойдет
Во все края.
Природа,
                    сохрани от человека

Хотя бы
эту
Тайну бытия!

Любовь

Любовь,
когда одна она, —
любовь.
А если много,
как сказать —
любвей
Или любовей?..
Размышляю вновь
Над тонкостями слов и падежей.

Не любит множественного числа
Любовь на русском языке моем.
А почему?

Не думал я о том,
Пока она однажды не пришла.

Через века я понял вдруг того,
Кто это слово мудро сочинил, —
Быть может, верность предка моего
Родной язык навеки сохранил...

В земле далекий предок мой лежит,
А слово не стареет на земле.
И для меня оно теперь звучит
В твоём
одном, единственном числе!

Быть может, я с тобою оттого,
Что ты меня

мне

лишь по крошке даришь.

Я о себе не знаю ничего,

Ты обо мне

и наперед все знаешь.

Ты личность.

Личность жеста,

Личность глаз,

Ты личность тела,

Личность маленьких ладошек.

Во мне запела

Или запылась

Какая-то покойная хорошость.

Красива ты.

Но все же красота

Не ямочек лукавая мгновенность,

Спасибо,

что в тебе есть доброта

И высшая есть верность —

Достоверность.

Кем был я,

Кем я был без рук твоих?

Черновиком был,

Глиной был слепою,

Один мазок,

Один твой легкий штрих, —

И, наконец, я стал самим собою.

Все отошло,

что мне мутило кровь,

Нет от меня
вчерашнего
ни голоса,
ни жеста.

Спросите:

что такое есть любовь?

И вам отвечу:

жажда совершенства!

Владимир Солоухин

1924

---

*

так, любовь. Она ли не воспета,
Любви ль в веках не воздано свое!
Влюбленные великие поэты
«Сильна как смерть» твердили про нее.

К тому добавить можно очень мало,
Но я сказал бы, робость прогоня:
«Когда бы жить любовь не помогала,
Когда б сильней не делала меня,

Когда б любовь мне солнце с неба стерла,
Чтоб стали дни туманней и мрачней,
Хватило б силы взять ее за горло
И задушить. И не писать о ней!»

Давным-давно...

Давным-давно известно людям,
Что при разрыве двух людей
Сильнее тот, кто меньше любит,
Кто больше любит, тот слабей.

Но я могу сказать иначе,
Пройдя сквозь ужас этих дней:
Кто больше любит, тот богаче;
Кто меньше любит, тот бедней.

Средь ночи злой, средь ночи длинной
Вдруг возникает крик в крови:
О боже, смилуйся над милой,
Пошли ей капельку любви!

* * *

Ты за хмурость меня не вини,
Не вини, что грущу временами.
Это просто дождливые дни,
Это тучи проходят над нами.

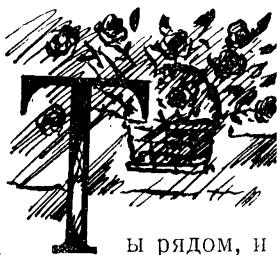
Ты ведь веришь, любимая, мне,
Я короткую хмурость осилю,
Где-то в очень большой глубине
Небо вечное, чистое, синее.

Юлия
Друнина

1925

Ты рядом

ы рядом, и все прекрасно:
И дождь и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любый,
За то, что ты есть на свете.

Мы рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете.

Сколько силы
В обыденном слове «милый»!
Как звучало оно на войне!..
Не красавцев
Война нас любить научила —
Угловатых суровых парней.

Тех, которые, мало заботясь о славе,
Были первыми в каждом бою.
Знали мы —
Тот, кто друга в беде не оставит,
Тот любовь не растопчет свою.

Как объяснить?

Как объяснить слепому,
Слепому, как ночь, с рожденья,
Буйство весенних красок,
Радуги наваждение?

Как объяснить глухому,
С рожденья, как ночь, глухому,
Нежность виолончели
Или угрозу грома?

Как объяснить бедняге,
Рожденному с рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,
Названного любовью?

Ждала тебя.

И верила.

И знала:

Мне нужно верить,

чтобы пережить

Бои,

походы,

вечную усталость,

Ознобные могилы-блиндажи.

Пережила.

И встреча под Полтавой.

Окопный май.

Солдатский неуют.

В уставах не записанное право

На поцелуй,

на пять моих минут.

Минуту счастья делим на двоих,

Пусть артналет,

пусть смерть от нас —

на волос.

Разрыв!

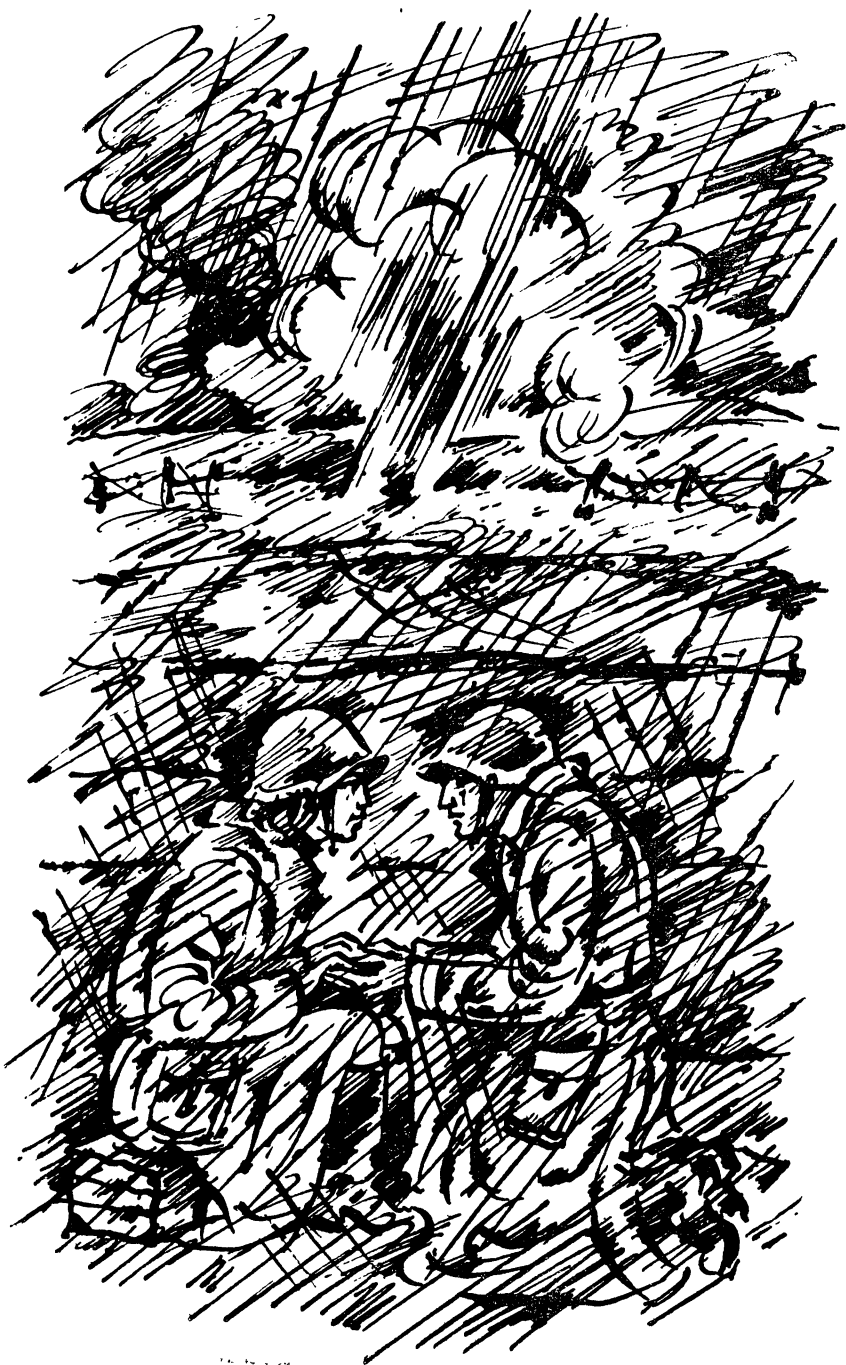
А рядом —

нежность глаз твоих

И ласковый

срывающийся голос.

Минуту счастья делим на двоих...

Позови меня

Позови меня! Я все заброшу!
Январем горячим, молодым
Заметет тяжелая пороша
Легкие следы.
Свежие пушистые поляны.
Губы. Тяжесть ослабевших рук.
Даже сосны, от метели пьяные,
Закружились с нами на ветру.
На моих губах снежинки тают,
Ноги разъезжаются на льду.
Бойкий ветер, тучи разметая,
Покачнул веселую звезду.
Хорошо, что звезды покачнулись,
Хорошо по жизни пронести
Счастье, не затронутое пулей,
Верность, не забытую в пути!

* * *

Жизнь, скажи, разве я виновата,
Что на черный запекшийся снег,
Как подкошенный, рухнул когда-то,
Уронив пистолет, человек?

Жизнь, куда мне от памяти деться,
Кто, скажи, мне сумеет помочь? —
И мое помертвевшее сердце
Погребли в ту далекую ночь...

Но сквозь лед пробиваются реки,
Половодье взрывает мосты:
Временами в другом человеке
Вдруг увижу родные черты.

Побледнею от чьей-то улыбки,
Обожжет чей-то медленный взгляд.
Загремят исступленные скрипки,
Загремит исступленный набат.

Но промчится он — ливень веселый
С новой болью я снова пойму,
Что тебя мне никто не заменит,
Что верна я тебе одному.

* * *

Не встречайтесь
С первой любовью,
Пусть она останется такой —
Острым счастьем,
Или острой болью,
Или песней,
Смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому,
Не стоит —
Все иным
Покажется сейчас.
Пусть навеки
Самое святое
Неизменным
Остается в нас.

* * *

Я люблю тебя злого,
В азарте работы,
В дни, когда ты
От грешного мира далек,
В дни, когда в наступленье
Бросаешь ты роты,
Батальоны,
Полки
И дивизии строк.

Я люблю тебя доброго,
В праздничный вечер,
Заводилой,
Душою стола,
Тамадой.
Так ты весел и щедр,
Так по-детски беспечен,
Словно впрямь никогда
Не брался с бедой.

Я люблю тебя
Вписанным в контур трибуны,
Словно в мостик
Попавшего в шторм корабля.
Поседевшим,
Уверенным,
Яростным,
Юным —
Боевым капитаном
Эскадры «Земля».

Ты — землянин.
Все сказано этим.

Не чудом —
Кровью, нервами
Мы побеждаем в борьбе.
Ты — земной человек.
И, конечно, не чужды
Никакие земные печали тебе.

И тебя не минуют
Плохие минуты —
Ты бываешь растерян,
Подавлен
И тих.
Я люблю тебя всякого.
Но почему-то
Тот — последний —
Мне чем-то дороже других...

* * *

Мне тебя позабыть пора,
Мне тебя позабыть, едва ли —
Снятся летчику прожектора,
Что в ловушке его держали.

До сих пор его те лучи
То отпустят, то снова ловят.
Умираю опять в ночи
Я в ловушке былой любви.

Эдуард Асадов

1923

Любовь и трусость

Ночему так нередко любовь непрочна?
Несхожесть характеров? Чья-то узость?
Причин всех нельзя перечислить точно,
Но главная все же, пожалуй, трусость.

Да, да, не раздор, не отсутствие страсти,
А именно трусость первопричина.
Она-то и есть та самая мина,
Что чаще всего подрывает счастье.

Неправда, что будто мы сами порою
Не ведаем качеств своей души.
Зачем нам лукавить перед собою,
В основе мы знаем и то и другое,
Когда мы плохи и когда хороши.

Пока человек потрясений не знает,
Не важно — хороший или плохой,

Он в жизни обычно себе разрешает
Быть тем, кто и есть он. Самим собой.

Но час наступил — человек влюбляется.
Нет, нет, на отказ не пойдет он никак.
Он счастлив. Он страстно хочет поправиться.
Вот тут-то, заметьте, и появляется
Трусость — двуличный и тихий враг.

Волнуясь, боясь за исход любви
И словно стараясь принарядиться,
Он спрятать свои недостатки стремится,
Она — стушевать недостатки свои.

Чтоб, нравясь, быть самыми лучшими, первыми,
Чтоб как-то «подкрасить» характер свой,
Скупые на время становятся щедрыми,
Неверные — сразу ужасно верными,
А лгуны — за правду стоят горой.

Стремясь, чтобы ярче зажглась звезда,
Влюбленные словно на цыпочки встали,
И вроде красивей и лучше стали.
— Ты любишь? — Конечно!
— А ты меня? — Да!

И все. Теперь они муж и жена.
А дальше — все так, как случиться и должно:
Ну сколько на цыпочках выдержать можно?!
Вот тут и ломается тишина...

Теперь, когда стали семейными дни,
Нет смысла играть в какие-то прятки.
И лезут, как черти, на свет недостатки,
Ну где только, право, и были они?

Эх, если б любить, ничего не скрывая,
Всю жизнь оставаясь самим собой,
Тогда б не пришлось говорить с тоской:
— А я и не думал, что ты такая!
— А я и не знала, что ты такой!

И может, чтоб счастье пришло сполна,
Не надо душу двоить свою.
Ведь храбрость, пожалуй, в любви нужна
Не меньше, чем в космосе или в бою!

Не клянись

Мне не надо высокой фразы.
Не клянись «ни концом, ни венцом»,
В том, что, став моей, ты ни разу
Не подумаешь ни о ком.

И в любви не клянись, не надо,
Ну, представь, что любовь прошла.
Значит, будешь сама не рада
Тем словам, что теперь дала.

Да и я б не позволил вновь,
Унижаясь, вослед стремиться,
И на клятве держать любовь,
Все равно как на нитке птицу.

Чепуха тут и лесть, и месть,
И давай согласимся смело:
Если есть любовь — значит, есть,
А все клятвы — пустое дело!

Только, видишь ли, вот беда!
Нету правил без исключенья,
И словесные заверенья
Все же надобны иногда.

Я прошу тебя вот о чем:
Как бы жизнь ни была сурова,
Быть лишь с правдой к лицу лицом,
Только правду всегда, во всем.
В этом, в этом ты дай мне слово!

Одно письмо

Как мало все же человеку надо!
Одно письмо! Всего-то лишь одно.
И нет уже дождя над мокрым садом,
И за окошком больше не темно...

Зажглись рябин веселые костры,
И всё вокруг вишнево-золотое...
И больше нет ни нервов, ни хандры,
А есть лишь сердце радостно-хмельное!

И я теперь богаче, чем банкир.
Мне подарили птиц, рассвет и реку,
Тайгу и звезды, море и Памир.
Твое письмо, в котором целый мир.
Как много все же надо человеку!

Аптека счастья

(Шутка)

Сегодня — кибернетика повсюду.
Вчерашняя фантастика — пустяк!
А в будущем какое будет чудо?
Конечно, точно утверждать не буду,
Но в будущем, наверно, будет так:

Исчезли все болезни человека.
А значит, и лекарства ни к чему!
А для духовных радостей ему
Открыт особый магазин-аптека.

Какая б ни была у вас потребность,
Он в тот же миг откликнуться готов:
— Скажите, есть у вас сегодня нежность?
— Да, с добавленьем самых теплых слов!

— А мне бы счастья, бьющего ключом!
— Какого вам: на месяц? На года?
— Нет, мне б хотелось счастья навсегда!
— Такого нет. Но через месяц ждем!

— А я для мужа верности прошу!
— Мужская верность? Это, право, сложно...
Но ничего. Я думаю, возможно.
Не огорчайтесь. Я вам подыщу!

— А мне бы капель трепета в крови.
Я — северянин, человек арктический.
— А мне — флакон пылающей любви
И полфлакона просто платонической!

— Мне против лжи нельзя ли витамин?
— Пожалуйста, и вкусен и активен!
— А есть для женщин «Антиговорин»?
— Есть. Но пока что малоэффективен...

— А есть «Антискандальная вакцина»?
— Есть, в комплексе для мужа и жены:
Жене — компресс с горчицей, а мужчине
За час до ссоры — два укола в спину,
Или один, простите, в низ спины...

— Мне «Томный взгляд» для глаз любого
цвета!

— Пожалуйста, по капле перед сном.
— А мне бы страсти...
— Страсти — по рецептам!
Страстей и ядов так не выдаем!

— А мне, вон в тех коробочках хотя бы,
«Признание в любви»! Едва нашла!
— Какое вам: со свадьбой иль без свадьбы?
— Конечно же, признание со свадьбой.
Без свадьбы хватит! Я уже брала!..

Пусть шутка раздувает паруса!
Но в жизни нынче всюду чудеса!
Как знать, а вдруг, еще при нашем веке,
Откроются такие вот аптеки?!

Елена
Николаевская

1923

---

*

безмолвни тропы,
Бегущей в травах рыжих,
В гудении толпы,
Как заклинанье, слышу:
«Будь счастлива — зимой,
И летом, и весною...
Будь счастлива — немой
Любуясь белизною...
Качаясь на волне
Над ширью неохватной...
Будь счастлива — во сне
И наяву, понятно...
За письменным столом
И под степною синью...
Будь счастлива — потом
Не менее, чем ныне...

Будь счастлива — в тоске
Минутной и нестойкой.
Будь счастлива — ни с кем
Другим — со мною только!..»

Владимир Туркин

1924

---

*

И не говори о женщинах поспешно
И не суди их строго без причин.
Они бы век свой прожили безгрешно,
Когда бы рядом не было мужчин.

И о мужчинах не суди неверно.
Без женщин и без нежного «люблю»
Кривая их греховности, наверно,
Была бы сведена почти к нулю.

Суди не торопясь о тех и этих
И взвешивай конкретно каждый «грех»...
А ты бы согласился жить на свете,
Коль не было б ни этих и ни тех?

Весеннее

Кто без любви не одинок?
И я свое припомнил.
Я не умел любить. Не мог.
И было нелегко мне.
А мне дыханье и тепло
Отдать любви хотелось...
Но от дыханья лишь стекло
Оконное потело.
Я ждал и думал, что вот-вот
Настанет срок, быть может,
Она сама ко мне придет —
Любовь свою предложит.
А получается не так —
Любовь берется с бою:
Узнаешь вдруг и грусть и страх,
Борьбу с самим собою,
И панику обид и зла,
И ревности мученье...
И это значит, что пришла
Любовь! Не увлечение.
И встанете тогда вдвоем
Вы, рук не разнимая...
И будет так нужна ее
Доверчивость немая.
И ты спроси себя в тот час,
Когда ты вместе с нею,
И подсчитай — во сколько раз
Ты сразу стал сильнее?
...Ты чувствуешь — в груди весна!
Другой любви не знаю.
Мне эта вот любовь нужна —
Горячая, земная!

Весна! Сползает снег с полей,
Идет канун апреля...
Не силой ли любви своей
Мы землю отогрели?..
И дышит паром снежный наст,
И молодеют люди...
Земля лишь тем любовь отдаст,
Кто эту землю любит!

* * *

Всего одно свидание,
Всего одно видение,
А в сердце — ожидание,
В груди — приобретение.
Во встрече необещанной,
Внезапной и божественной,
Я чуял — входит женщина,
Вся вылита из женского,
Из мягкого и нежного,
Из теплого и вкусного,
Из чистого и грешного,
Веселого и грустного.
Вся вылита из лучшего
Вина, что выпить надо бы...

Ах, черт тебя научивал
Сидеть с ногою на ногу,
Когда такие линии
Вычерчивались сами...
Приникните, прильните к ним
Глазами и губами,
Испейте это с рвением, —

Волнение не вечно:
Нам предстоит старение
И превращенье в нечто.
Уходишь в мир огромный
Не обнятая мною,
А я, как обворованный,
Над радостью земною.

* * *

Мне говорили, что не надо
Таких отчаянных любить.
Что после фронта и отряда
Хорошим девушкам не быть.

Мне говорили, что видали,
Как не за смелые дела
Давали девушкам медали —
За то, что ласковой была.

Мне говорили, что такие,
Какой явилась ты ко мне,
Для многих были «дорогие»,
Но быстро падали в цене.

А я пришел к тебе и слушал
Твои рассказы, песни, сны...
Какую солнечную душу
Ты принесла ко мне с войны!

Ты больше их устала, друг мой,
Не слушай лепет их тупой,
За эту раненую руку
Они в долгу перед тобой.

Маргарита Агашина

1924

Что было, то было

то было, то было:

Закат заалел...

Сама полюбила —

Никто не велел.

Подруг не ругаю,

Родных не корю,

В тепле замерзаю

И в стужу горю.

Что было, то было...

Скрывать не могла,

Я гордость забыла —

При всех подошла.

А он мне ответил:

— Не плачь, не велью.

Не ты виновата,

Другую люблю.

Что было, то было,
И — нет ничего!
Люблю, как любила,
Его одного.

Я плакать не плачу:
Мне он не велит.
А горе — не море.
Пройдет, отболит.

* * *

Тише, годы! Все-то в сердце свято.
Тяжело и радостно — двоим.
...Вы похожи на того солдата,
мною нареченного моим.

Все смешалось. Ландыш шевельнулся
на краю завьюженной земли.
Я не знаю: это он вернулся,
или это Вы ко мне пришли.

Вам на плечи руки поднимаю —
сами руки падают назад:
это я впервые понимаю,
до чего не дожил тот солдат.

Потому беспомощно и строго,
у кого хотите на виду,
я приду! И снова у порога,
как девчонка, губы отведу.

Потому стоим мы угловато,
даже руки не соединим.

Перед кем я больше виновата —
перед Вами или перед ним?

* * *

Я об этом не жалею
и потом жалеть не буду,
что пришла я первой к пруду,
что поверила тебе я.
Тонко-тонко, гибко-гибко
никнут ветлы над прудами...

Даже первая ошибка
забывается с годами.

Я об этом не жалела,
что, вчера тебя встречая,
ничего не замечая,
я в глаза твои смотрела
долго-долго, много-много.
А теперь — ресницы вниз.

Даже узкая дорога
может на две разойтись.

Сорок трав

Отпылал вчерашний зной.
Тучи черные — стеной.
И с рассвета по деревне
ходит дождик проливной.

Мокнет сено на возу,
ветер гнет к земле лозу,
две девчонки загоняют
голенастую козу.

Вымыт начисто плетень,
за окном, как ночью, темь.
Спокон веку не бывает
без грозы иванов день.

Даже бабка перестала
«Огонек» впотьмах читать,
посмотрела, полистала,
положила и сказала:

— Нынче в ночь мы шли, бывало,
сорок трав в лугах искать.

Как, бывало, я нарву —
под подушку ту траву!
Как, бывало, загадаю,
так и будет наяву!..

...Если б верить я могла,
я б сто сорок трав нашла!
Я б не только луг колхозный,
я б всю землю обошла.

Но не верю ничему.
Только сердцу своему.
Что творится в этом сердце!
А тебе и ни к чему.

А тебе и дела мало:
ты не пишешь, ты в Москве.

Коль уж я не удержала,
где ж тут справиться траве!

У тебя тяжелый прав —
не помогут сорок трав:
все по-твоему выходит,
ты всегда бываешь прав.

...Вот и дождь перестает,
и на улице народ,
и почтовая машина
через грязь к селу идет.

Замолкают тормоза.
Вдалеке шумит гроза.
На колодце сушит крылья
золотая стрекоза.

* * *

Но мне бывает в тягость дружба,
Когда порой услышу я,
Что я жила не так, как нужно, —
Мне говорят мои друзья.

Что мало песен написала,
Что не боролась, а ждала,
Что не жила, а угасала,
Что не горела, а жила.

Что я сама себя сгубила,
Сама себя не сберегла...
А я жила — тебя любила!
А я — счастливая жила!

Я не хочу начать сначала,
Ни изменить, ни повторить!
И разве это так уж мало:
Все время ждать,
Всю жизнь любить?

Константин Ваншенкин

1925

---

*

Ты добрая, конечно, а не злая,
И, только не подумавши сперва,
Меня обидеть вовсе не желая,
Ты говоришь обидные слова.

Но остается горестная метка, —
Так на тропинке узенькой, в лесу,
Товарищем оттянутая ветка,
Бывает, вдруг ударит по лицу.

Мимоходом

Где-то видел вас, а где — не знаю,
И припомнить сразу не могу.
Все же неуверенно киваю,
Даже улыбаюсь на бегу.

Сдержанно и чуть недоуменно
Вы мне отвечаете кивком,
Тоже вспоминая напряженно:
Вам знаком я или не знаком.

Пять минут тревожит эта тайна,
Да и то, конечно, не всерьез.
Просто где-то видел вас случайно,
Двух-трех слов при вас не произнес.

Никакая память не поможет,
Нет, не помню вашего лица...
А ведь кто-то вас забыть не может
И не позабудет до конца.

* * *

Меж бровями складка.
Шарфик голубой.
Трепетно и сладко
Быть всегда с тобой.

В час обыкновенный,
Посредине дня,
Вдруг пронзит мгновенной
Радостью меня.

Или ночью синей
Вдруг проснусь в тиши
От необъяснимой
Нежности души...

Надпись, высеченная на камне в горах

Упаси вас бог познать заботу —
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

Рыжая

Рыжая вышла, в мать.
Видно, уж так бывает:
Рыжая эта масть
Прочую забивает.

Только зима к концу,
Солнышко на опушке, —
Как по всему лицу
Яростные веснушки.

Нету других таких!
В прихоти неустанной
Долго сводила их
Сливками да сметаной.

Не пропадает знак —
Жгучих лучей награда.
Плюнула — мол, и так
Влюбится, если надо.

Ох, а язык остер.
Девка она такая.

Рыжих волос костер
Мечется, полыхая.

В этом огне дотла
Можешь сгореть, мальчишка.
Будет одна зола
От твоего сердчишка.

Рыжая благодать!
Что ж это впрямь за диво?
И ведь нельзя сказать,
Чтобы была красива.

Встретится на пути,
Сердце заставит биться.
Можно с ума сойти,
Если в нее влюбиться.

* * *

Качнулась и раскололась
Снов тоненькая гряда.
Меня разбудил твой голос,
Был свежий он, как вода.

И, счастлив невольным счастьем,
Что ты навсегда со мной,
Я слушал его с участием
Из комнатки за стеной.

В нем все меня занимало —
Был утренний, чистый он...

А я не любил, бывало,
Чтоб мой прерывали сон.

Еще я смотрю беспечно,
Шагаю густой травой...
Хочу одного: чтоб вечно
Будил меня голос твой.

Евгений Винокуров

1925

---

*

на жена моя,
Нет, не невеста,
Она жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенъе не находит места,
Когда меня с работы долго нет...

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она жена моя,
Нет, не подруга,
Она жена.
Рот молчаливо сжат.

Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...
Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

Любимые

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг грустят,
Отревновав, отмучившись, отплавав,
Они угомонятся и простят,

И зацелуют. Не дадут покою!
Руками шею крепко обовьют.
Взглянув в глаза, к щеке прильнут щекою.
Затормошат. Любимым — назовут!

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их мягких в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись, на руке у нас.

Любимые!
Когда мы уезжали,

Нас, юных, мешковатых и худых,
Они срёдь ночи провожали
По черным лужам в туфельках худых.

Мы строго шли вперед.

Что нам, героям,
Смятенье их, — дорога далека!
Они бежали за поющим строем,
Стирая слезы кончиком платка.

Они в ночи стояли вдоль перрона,
Рыдая,

с непокрытой головой,
Пока фонарь последнего вагона
Не потухал за хмарью дождевой.

И в час, когда на тротуарах наледь,
Возвышенных достойные судеб,
Они стояли, чтобы отоварить
Мукою серой карточки на хлеб.

И снилось нам в огне чужого края:
Их комнатка — два метра в ширину, —
Как, платья через голову снимая,
Они стоят, готовятся ко сну.

Любимых, как известно, не балуют —
Два-три письма за столько лет и зим!
Они прижмут к груди и зацелуют
Те десять строк, что мы напишем им.

Они в товарняках, по первопуткам
К нам добирались в тот далекий год.
С убогим узелком, они по суткам
Толкались у казарменных ворот.

А часовой глядел на них сурово.
Любимые,
    не зная про устав,
Молили их пустить и часового
В отчаянье хватали за рукав.

Они стоять могли бы так веками,
В платках тяжелых, в легких пальтецах,
От частых стирок с красными руками,
С любовью беспредельною в сердцах.

Женщины

Я грущу.
    Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
    их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
    глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
    пуговицу теребя...

Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

* * *

Нам имена их вспомнятся едва ли...
Обняв девчонок, мы в полночный час
Истории такие заливали,
Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит.
Молокососы и говоруны,
Мы рассуждали, что имеем опыт,
Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек
                                совсем не шла в расчет.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы.

                                Мы немало повидали.
Нам горько, что в оставшихся вдали,
В тех девочках тогда не угадали
Того, чего мы так и не нашли.

* * *

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,

Хохотуньей, а не плаксивой,
Быть любимой, а не вдовой.

Чтобы к перстню шло ожерелье,
Чтобы правиться без труда...
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.

И бывает, что вместо бала,
Дерзких взоров и алых щек,
Дождь стучится да вполнакала
Тлеет слабенький ночничок...

Громких подвигов не содея,
В жертву отданная мелочам,
Одиноко живет, седея,
Шорох слушая по ночам.

Она

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался. Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
уйдет — и я умру.

Женский голос

Вот живешь ты покоен, приличен,
Но случается так иногда:
Женский голос поманит, покличет —
И уйдешь, не спросивши куда.
Будет небо бездумно за кленом.
Поплывут облака наугад...
Назовут тебя люди влюбленным
За тяжелый опущенный взгляд.
А под вечер весенний, птичий,
Лишь осядет березовый дым,
Женский голос певучий покличет,
Позовет —
и уйдешь за ним.

Владимир Соколов

1928

Первый снег

отъ глазами памяти

Вновь тебя увижу.
Хоть во сне, непрошено,
Подойду поближе.

В переулке узеньком
Повстречаю снова.
Да опять, как некогда,
Не скажу ни слова.

Были беды школьные,
Детские печали.
Были танцы бальные
В физкультурном зале.

Были сборы, лагеря,
И мечты, и шалость.

Много снегом стаяло,
Много и осталось.

С первой парты девочка,
Как тебя забуду?!
Что бы ты ни делала,
Становилось чудом.

Станешь перед картою —
Не урок, а сказка.
Мне волшебной палочкой
Кажется указка.

Ты бежишь. И лестница
Отвечает пеньем.
Будто мчишь по клавишам,
А не по ступеням.

Я копил слова свои,
Собирал улыбки
И на русском письменном
Допускал ошибки.

Я молчал на чтении
В роковой печали.
И моих родителей
В школу вызывали.

Я решил забыть тебя,
Выносил решение,
Полное великого
Самоотречения.

Я его затверживал,
Взгляд косил на стены.

Только не выдерживал
С третьей перемены.

Помнишь детский утренник
Для четвертых классов?
Как на нем от ревности
Не было мне спасу.

Как сидела в сумраке
От меня налево
На последнем действии
«Снежной королевы».

Как потом на улице:
Снег летит, робея,
Смелый от отчаянья,
Подхожу к тебе я.

Снег морозный сыплется,
Руки обжигает,
Но, коснувшись щек моих,
Моментально тает.

Искорками инея
Вспыхивают косы.
Очи удивляются,
Задают вопросы.

Только что отвечу им,
Как все расскажу я?
Снег сгребаю валенком,
Слов не нахожу я.

Ах, не смог бы, чувствую,
Сочинить ответ свой,

Если б и оставили
На второе детство.

Если б и заставили,
Объяснить не в силе.
Ничего подобного
Мы не проходили.

В переулке кажется
Под пургой взметенной
Шубка горностаевой,
А берет — короной.

И бежишь ты в прошлое,
Не простясь со мною,
Королева снежная,
Сердце ледяное...

* * *

Как будто не было зимы,
Цветут деревья беззаботно.
И на ночь ливни льют охотно,
Как будто не было зимы.

И так, забыв про холода,
Июньский ветер ветки треплет,
Как будто листья никогда
Не истлевали в сером пепле.

И вот, случайно встретясь, мы
Опять стоим у поворота,
И все надеемся на что-то,
Как будто не было зимы.

* * *

Под черной липой, на исходе встречи,
Сядь ближе — на таком сыром ветру.
Я на твое молчанье не отвечу
Лишь оттого, что слов не подберу.

Каких-то слов... Простых, как это чудо
Листвы, бушующей с дождем в борьбе.
...Я никогда тебя не позабуду,
Не перестану думать о тебе...

Песок в листве. В вершинах ходит ветер.
Спешишь домой? Прощай.

Но шаг твой тих.

Зачем следы твои не листья эти,
Я б мог сберечь тогда хоть два из них!

Я полон весь приметами твоими.
Ты вся со мною, как ни уходи.

В ночи, в пути — искать я буду́ имя
Теснящемуся у меня в груди.

И как мне знать — слова придут откуда.
А ты откуда у меня в судьбе?
...Я никогда тебя не позабуду,
Не перестану думать о тебе...

* * *

На влажные планки ограды
Упав, золотые шары

Снопом намокают, не рады
Началу осенней поры.

— Ты любишь ли эту погоду,
Когда моросит, моросит...
И желтое око на воду
Фонарь из-за веток косит?

— Люблю. Что, как в юности, бредим,
Что дождем пахнет пальто.
Люблю. Но уедем, уедем
Туда, где не знает никто...

И долго еще у забора,
Где каплют секунды в ушат,
Обрывки того разговора,
Как листья, шуршат и шуршат.

* * *

Но как мы встретимся — чужими?
Так, что и нечего сказать,
Чем жили мы, о чем тужили,
Чем сердце занято опять?

Все это было очень просто,
Когда бы были мы одни.
Но берега, но дом у моста,
О чем подумают они?

Что скажут липы и заборы,
Булыжник и его трава,

Запомнившие наши ссоры,
И поцелуи, и слова?

Где словно в песне — строчка к строчке,
Твой след у моего следа,
Вдруг не вдвоем, поодишочке,
Как мы появимся тогда!

* * *

А я не помню ни первой любви,
Ни первого поцелуя.
Последние — помню (как губы в крови
От драки напропалую).

Не помню подушек, от плача сырых,
Ни слов о каких-то там нервах.
Как будто: что было тогда, во-вторых,
А то, что теперь, во-первых.

Но страх навещает меня иногда.
И я, искушая терпенье,
Ловлю тебя за руку, как навсегда
Упущенное мгновенье.

Роберт Рождественский

1932

---

*

удь, пожалуйста,
послабее.

Будь,
пожалуйста.
И тогда подарю тебе я
чудо
запросто.
И тогда я вымахну —
вырасту,
стану особенным.
Из горящего дома вынесу
тебя,
сонную.
Я решусь на все неизвестное,
на все безрассудное —

в море брошусь,
                    густое,
                            зловещее,
и спасу тебя!..
Это будет
                    сердцем велено мне,
сердцем
                    велено..
Но ведь ты же
                    сильнее меня,
                            сильней
и уверенней!
Ты сама
                    готова спасти других
от уныния тяжкого.
Ты сама не боишься
                    ни свиста пурги,
ни огня хрустящего.
Не заблудишься,
                    не утонешь,
зла
не накопишь.
Не заплачешь
                    и не застонешь,
если захочешь.
Станешь плавной
                    и станешь ветреной,
если захочешь...
Мне с тобою —
такой уверенной —
трудно
                    очень.
Хоть нарочно,
                    хоть на мгновение —

я прошу,
робея, —
помоги мне
в себя поверить,
стань
слабее.

Евгений Евтушенко

1933

Заклинание

Весенней ночью думай обо мне
и летней ночью думай обо мне,
осенней ночью думай обо мне
и зимней ночью думай обо мне.
Пусть я не там с тобой, а где-то вне,
такой далекий, как в другой стране, —
на длинной и прохладной простыне
покойся, словно в море на спине,
отдавшись мягкой медленной волне,
со мной, как с морем, вся наедине.

Я не хочу, чтоб думала ты днем.
Пусть день перевернет все кверху дном,
окурит дымом и зальет вином,
заставит думать о совсем ином.
О чем захочешь, можешь думать днем,
а ночью — только обо мне одном.

Услышь сквозь паровозные свистки,
сквозь ветер, тучи рвущий на куски,
как надо мне, попавшему в тиски,
чтоб в комнате, где стены так узки,
ты жмурилась от счастья и тоски,
до боли сжав ладонями виски.

Молю тебя — в тишайшей тишине,
или под дождь, шумящий в вышине,
или под снег, мерцающий в окне,
уже во сне и все же не во сне —
весенней ночью думай обо мне
и летней ночью думай обо мне,
осенней ночью думай обо мне
и зимней ночью думай обо мне.

* * *

Нет, мне ни в чем не надо половины!
Мне — дай все небо! Землю всю положи!
Моря и реки, горные лавины
мои — не соглашаюсь на дележ!

Нет, жизнь, меня ты не заластишь частью.
Все полностью! Мне это по плечу!
Я не хочу ни половины счастья,
ни половины горя не хочу!

Хочу лишь половину той подушки,
где, бережно прижатое к щеке,
беспомощной звездой, звездой падучей,
кольцо мерцает на твоей руке.

Б. Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в праздной суете
разнообразные не те.

И он

не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучаемся с ним.

Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.

А той —

скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?

Та,

у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
а будет жить с собой в борьбе
и неосознанно наметит
кого-то дальнего себе.

О, сколько

нервных

и недужных,

ненужных связей,

дружб ненужных!

Во мне уже осатанённость!

О, кто-нибудь,
приди,
нарушь
чужих людей соединенность
и разобщенность
близких душ!

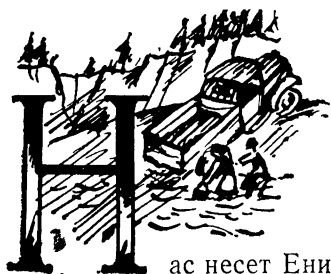

Андрей Вознесенский

1933

На плотях

Нас несет Енисей.

Как плоты над огромной

и черной водой.

Я — ничей!

Я — не твой, я — не твой, я — не твой!

Ненавижу провал

твоих губ, твои волосы,

платье, жилье.

Я плевал

На святое и лживое имя твое!

Ненавижу за ложь

телеграмм и открыток твоих,

Ненавижу, как нож

по ночам ненавидит живых.

Ненавижу твой шелк,

проливные нейлоны гардин.

Мне нужнее мешок, чем холстина картин!

Атаманша-тихоня
                                телефон-автоматной Москвы,
Я страшон, как Иона,
                                почернел и опух от мошки.
Блещет, точно сазан,
                                голубая щека рыбака.
«Нет» — слезам.
«Да» — мужским, продубленным рукам.
«Да» — девчатам разбойным,
                                купающим МАЗ, как коня,
«Да» — брандспойтам,
Сбивающим горе с меня.

Тайга

Твои зубы смелы,
В них усмешка ножа,
И гудят, как шмели,
Золотые глаза!

Мы бредем от избушки,
Нам трава до ушей,
Ты пророчишь мне взбучку
От родных и друзей.

Ты отнюдь не монахиня,
Хоть в округе — скиты,
Бродят пчелы мохнатые,
Нагибая цветы.

Я не знаю — тайги,
Я не знаю — семьи,
Знаю только зрачки,
Знаю зубы твои.

На ромашках роса,
Как в буддийских пиалах.
Как она хороша
В длинных мочках фиалок!

В каждой капельке-мочке,
Отражаясь, мигая,
Ты дрожишь, как Дюймовочка,
Только кверху ногами.

Ты — живая вода
На избах, на листке.
Ты себя раздала
Всю до капли — тайге.

Владимир Цыбин

1931

Нежность

усть не могу я быть нежнее,
ведь так короток встречи час.
Я даже нежностью свою
и то боюсь обидеть вас.
А звезды льются — не сорвутся,
и хоть озябли вы слегка,
но, чтобы ваших плеч коснуться,
не подымается рука.
И медлю я в апрельский вечер,
в озноб бросающий порой,
накрыть озябнувшие плечи
неосторожно полой.
И вы за то, что я робею,
меня простите.
В этот час
я даже нежностью свою
и то боюсь обидеть вас.

Когда я в тебя влюбился —
во мне кто-то другой родился!
И был он слабый, непрочный,
был хрупкой и чуткой почкой...
Я слышал, когда мы с тобою стояли,
как глаза его из глаз моих вырастали.
Он любил моими словами,
он обнимал моими руками...
Ты говорила — то ли мне, то ли сму:
— Какой-то ты странный стал... не пойму!
Вроде чужой и вроде родной... —
Когда ты стояла рядом со мной,
я слышал, чувствуя в жилах тепло, —
возле сердца второе сердце росло.
Как оно в бок мой окунем било!..
Оно еще никого не любило,
оно еще никого не забывало.
И второе сердце — первое забивало!
И ты говорила, слыша его толчки:
— Вот гляжу я, милый, в твои зрачки
и вижу, как там, утонув в синеву,
на донышке самом, маленькая, живу!
А вдруг я стану расти сосной,
что тогда будет с тобой, со мной?.. —
А звезды старели
и падали за лес,
и в соку у деревьев бродила завязь.
И чтоб веселей звенели леса —
из почек выпархивала листва!
И стал я знать и больше и дальше,
и стал я жить без позы, без фальши.
Стал видеть, что раньше сроду не видел,

любить, что раньше так ненавидел!..
Я был груб — ты слышала нежность,
я был глух, — ты слышала верность,
я злился — ты слышала робость,
я смеялся — ты слышала горечь..
Я сам как деталь, что послушна резцу, —
я слышу, как сам из себя я расту!
Наверно, вот так, сквозь хворост и снег
пробиваются травы на свет,
и гроза зреет так, может быть,
чтобы землю навывлет пробить!..
Я расту, чтобы всем тебе стать,
я расту, чтобы мне от тебя не отстать.
И слышу и чувствую наяву и во сне,
как прежнее «я» умирает во мне!

* * *

Ушла.
Мимо жизни моей промелькнула,
как версты, —
так вышло.
Мне трудно забыть.
Мне легче считать тебя просто
погибшей.
Что это не мы расставались,
что это не ты позабыла
навечно,
как будто совсем не была,
не жила,
по земле не ходила
беспечно.
• Как трудно б мне ни было,

что бы со мной ни случилось,
навек
не знаю, не помню тебя,
словно ты не родилась
на свете!

А если вернешься —
вернешься чужою, другою
обратно.

Но в память мою не вернешься,
чтоб упасть на бывшее
десантом.

Из давних годов
не посыплется дни,
как в тылы
парашюты.

Считаю погибшей тебя —
и в разлуке не так тяжелы
мне минуты.

А если увижу тебя,
отчаянно сбудется чудо
с тобою,

я буду считать —
ты приснилась к чему-то
такою,

я стану придумывать,
будто ты мной нелюбима,
и в дымке

при встрече пройдешь ты
в другом измерении мимо,
пройдешь
невидимкой...

В жизни немало у нас напечалено,
трудно, но веруешь.
Я за тебя отвечаю отчаянно, —
что тут поделаешь?
Я отвечаю перед свиданием
возле околицы,
я отвечаю перед молчанием
старенькой горницы,
где ты когда-то росла длинноногая,
в ссадинах искони,
и перед тою намокшей дорогою
сразу за избами.
Я перед всем отвечаю, что дорого
сказками,
играми,
и перед бором, засыпанным доверху
клейкими иглами.
Принял тебя я и горько, и пристально,
ждал тебя в горечи.
Я отвечаю пред давними письмами —
верными гончими.
Я отвечаю все время, немедленно —
весело ль, грустно,
перед прохожим,
который приветливо
вдруг улыбнулся.
И перед тою девчонкой, что весело
тянется на руки,
тою, что голову с рук твоих свесила, —
купишь ли яблоки?
Перед тобой отвечаю я издавна
силою,

нервностью.

Так получилось, так уже избрано, —
верю я нежностью.

Месяцы шли...

Снег сильнее нападывал
инеем,
сполохом.

Кем оказался, чем я нарадовал,
вороном,
соколом?

Все, что нагадано, все, что наверено,
нежно встречаю.

Чтобы жила ты легко и уверенно —
я отвечаю.

* * *

Я до конца продрог
в недавние года —
все началось врасплох:
и радость, и беда.

Все наспех, на распыл,
все словно во хмелю,
не знал, что я любил,
не знаю, что люблю.

Все выжжено дотла
в моем былом,
когда

ты по нему прошла
жестоко,
как орда.

Пусть грусти — ни следа
и пусть обид не счесть.

— Стой, время!
Ты куда?
Остановись вот здесь!
Ты выслушай меня,
повремени, — кричу, —
из этого вот дня
уйти я не хочу!
Чтобы всегда стоял
передо мной,
вот здесь,
тот день, когда узнал,
что ты на свете есть.
Жить незачем мне век, —
стой, время! — я молю.
Ведь я в мгновеньях тех
еще тебя люблю!
А прошлое?
Его
забыт последний след,
в нем нету никого,
если тебя в нем нет!

* * *

Я в прошлое твое
тебя верну,
чтобы оставить там тебя одну,
чтоб испытать и вспомнить ты могла
те дни, когда влюбленной не была.
Я душу твою
в прошлое впущу,
впущу — и за него тебя прощу.
Скажу тебе: — Ты, как жила, живи!

И вспомни, как живется без любви, —
На ту черту верну тебя опять,
где ты еще не научилась ждать.
И если ты захочешь, может быть,
путь к нашей встрече
снова повторить, —
тогда и я, тогда и я, клянусь,
в года былые
за тобой вернусь!

Люби

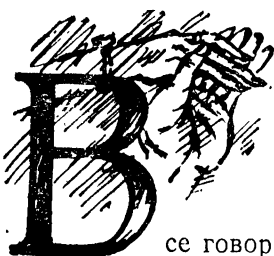
Чтобы у нас с тобой
все в жизни было равно,
люби меня тоской,
люби самодержавно.
Чтоб не убыть опять
душою —
все морока! —
люби меня прощать,
люби обидеть строго.
Не бойся, что вернусь
я к прежним подозрениям,
ведь боль моя и грусть
освещены прозреньем.
Люби, что я такой,
люби за невезучесть,
чтобы одной тобой
моя слагалась участь.
Люби, чтоб я плечом
прикрыл —
лишь бой наступит;
люби меня мечом,

ведь меч не только рубит.
Люби, чтоб лучшим был,
веди меня по краю,
как я тебя любил,
за что — и сам не знаю.
Люби меня легко,
отверженно и грустно,
и больше ничего
на свете мне не нужно.
В моих словах простых
Я жил, как в глухомани.
И ты, хотя бы миг,
люби меня заранее.
Попробуй доберись
в судьбе моей до сути —
как будто вниз
всю жизнь
лечу на парашюте,
и кажется: вот-вот
и приземлюсь я в поле,
и век,
как самолет,
летит со мною в штопоре.
Люби меня, скорбя,
люби до самовластья,
люби,
чтоб я себя
обрек навек
на счастье.

Римма
Казакова

1932

се говорят, что ты упрям и груб —
мужик, мол, от подметок до прически!
А мне не оторвать горящих губ
от губ твоих, насмешливых и жестких.

Пускай других разит subtilный шик
И жиденькая сладость лимонада...
Да, грубый.
Да, упрямый.
Да, мужик!
Мужик, мужик...
А что мне, бабу надо?!

* * *

Приснись мне! А то я уже забываю,
Что надо тебя мне любить и беречь.

Приснись, не сердись, я ведь тоже живая!
Приснись, прикоснись. Можешь рядом прилечь

Приснись мне усталым, покорным, тяжелым,
Приснись — как горячечным грезится лед,
Как снятся мужья своим брошенным женам,
Как матери — сын, как ребенку — полет.

Ну вот я ложусь, опускаю ресницы,
Считаю до сотни — и падаю вниз...
Скажи, почему ты не хочешь присниться?
А может, я сны забываю?
Приснись!

Отголосок

...Глуха душа его, глуха,
как ни ломись, ни грохай.
И, значит, в этом нет греха,
что и моя оглохла?

Давно оглохшие, давно
засохшие, как прутья,
немое, странное кино
все крутим, крутим, крутим.

Нема душа его, нема.
Я говорить умела,
но рядом с нею и сама
как камень онемела.

Забыты звуки и слова,
к тому же — как нелепо! —

слепа душа его, слепа,
вот и моя — ослепла.

Хочу прозреть, хочу опять
услышать звуки речи.
Хочу сказать, хочу обнять,
да только нечем, нечем!

Душа глуха, нема, слепа —
печальная личина!
Но все еще болит слегка
и, значит, излечима.

* * *

Пока еще не врем
запутанно и грубо,
давай с тобой умрем,
хотя бы друг для друга.

Пока еще не ложь —
фантазия, не боле, —
пока еще на грош
не накопилось боли,

пока еще глаза
беспомощно медовы,
пока еще нельзя
на свете без Мадонны,

пока еще, как гость,
ты добр и осторожен,
пока еще поврозь
хоть как-нибудь, да сможем...

* * *

Как же это мы не потерялись,
не ушли от встречи?
Добрый вечер, Ваша Нереальность,
добрый вечер!

Отступают суета и ложность,
дышится тревожно,
Вы со мною, Ваша Невозможность, —
невозможно!

Всех вещей сцепление и сущность,
вкус любви и смерти, —
что вам надо, Ваша Вездесущность?
Смейте!

Все отмерьте, горе и влюбленность,
встречи подвенечность.
Я люблю вас, Ваша Мимолетность,
миг, который — вечность.

* * *

Чувство любви — это все на пределе.
Что с меня ночь эта жгучая смысла?
Чувство любви — это чувство потери
краткого мига — целого мира.

Губы к губам — чем блаженство оплачено?
Чаша испита. Прочитана книга...
Губы к губам — и навеки утрачено
предошущенье этого мига.

Как меня скупю ты одаряешь,
как не скупись на обещанья!
Как это мудро, что отдаляешь
счастье свершенья — горе прощанья.

Мы еще дети, мы лишь попробовали
от этой доли, от этой чаши —
канатоходцы, двое на проволоке
над вечным шариком, в бездну летящим.

* * *

Кругами под глаза легли
все ночи снова.
Была единственность любви —
и нет иного.
Ни от чего не отступлюсь.
Я б и хотела,
но стал моим уже твой пульс —
дыханье тела.
Чем хочешь попрекай, кори, —
все вины — малость!
Любви единственность в крови
так и осталась.
Я — не моление, не упрек.
Гнев? О, при чем я?!
Я — то, на что меня обрек
так обреченно.
Куда мы шли, зачем сплели
слова и души?
Зачем, единственность любви,
любовью душишь?!
Но все приму, но все стерплю

я, вся — в начале,
я, пригвожденная к столбу
твоих печалей.
Я, оглушенная, — в глуби
всей боли женской,
твоя, единственность любви,
и казнь, и жертва.

* * *

Это — правда, что я зачастую
забывала, что будет расплата...
Это правда, что ты существуешь?
Это правда?!
Это правда, всех прочих прямее,
входит, недругов увеселяя.
Я готова платить, я умею.
Пусть судьба не трясет векселями!
Всей Вселенною в солнцах и лунах
я плачу за надежные руки,
за пожар твоих глаз близоруких
и за краешки губ твоих умных.
Я плачу. Я готова — рабою,
если сердце твое повелело.
И пускай мне всю жизнь будет больно
у тебя б ничего не болело!
Пленный город, обложенный данью,
твой близнец, сиротинка, подкидыш,
я плачу одиночеством, далью, —
все оплачиваю, что покинешь.
И прощающе, и жалеюще,
даже если тяжкого тяжче, —
я плачу уступкою женщине,

на груди тебя приютящей.
Ну а если все-таки мало, —
там, где отменяется плата,
на твое последнее «мама!»
прибегу я, и это — правда.

* * *

Постарею, побелею,
как земля зимой.
Я тобой переболею,
ненаглядный мой.

Я тобой перетоскую,
переворошу,
по тебе перетолкую,
что в себе ношу.

До небес и бездн достану,
время торопя.
И совсем твоею стану —
только без тебя.

Мой товарищ стародавний,
суд мой и судьба,
я тобой перестрадаю,
чтоб найти себя.

Я узнаю цену раю,
ад вкусив в раю.
Я тобой переиграю
молодость свою.

Переходы, перегрузки,
долгий путь домой...
Вспоминай меня без грусти,
ненаглядный мой.

* * *

Быть женщиной — что это значит?
Какою тайною владеть?
Вот женщина. Но ты незрячий.
Тебе ее не разглядеть.
Вот женщина. Но ты незрячий.
Ни в чем не виноват, незряч!
А женщина себе назначит,
Как хворому лекарство — врач.
И если женщина приходит,
себе единственно верна,
она приходит — как проходят
чума, блокада и война.
И если женщина приходит
и о себе заводит речь,
она, как провод, ток проводит,
чтоб над тобою свет зажечь.
И если женщина приходит,
чтоб оторвать тебя от дел,
она тебя к тебе приводит.
О, как ты этого хотел!
Но если женщина уходит,
побито голову неся,
то все равно с собой уводит
бесповоротно все и вся.
И ты, тот, истинный, тот, лучший,
ты тоже — там, в том далеке,

зажат, как бесполезный ключик
в ее печальном кулачке.
Она в улыбку слезы спрячет,
переиначит правду в ложь...
Как счастлив ты, что ты незрячий
и что потери не поймешь.

* * *

Приходит понимание любви,
Оплачено борьбою и бессонницей.
И я сама кажусь себе бессовестной
теперь без понимания любви.
Приходит понимание любви.
Взаимность тут совсем не обязательна.
Не говоришь о мире описательно,
Когда он просто у тебя в крови.
Приходит понимание любви...
Сомнамбула, шаман ли, пономарь ли я, —
не бойся! Ведь полна я понимания,
святого понимания любви.
А кто-то, как его ни назови,
моим не осчастливленный вниманием,
меня бы осчастливил пониманием,
когда б совпали резусы любви.
Ну так живи и небо не гневи!
Так и живем, средь прочих не обижены,
до жизни жизнью наконец возвышены
великим пониманием любви.
И надо мной, как небеса,
глаза весны, летящей в лето,
глаза, зеленые глаза
листвы, травы, твои, рассвета.

Леонид Завальнюк

1930

Первая любовь

1

Т о, что помню — со мной,
Что забыто — осталось за гранью.
Но пустыми ночами, когда мысли сойдутся в
кольцо,
Выплывают заботы, забытые окна в герани,
Две черешни в саду и невнятное чье-то лицо.
Что-то пелось, куда-то мы вместе бежали,
Что-то с нами случалось, дождями стучала весна...
Но укромность была не живой
И дожди не сближали,
Словно всюду меж нами стояла глухая стена.

...Так вдоль этой стены
И ушел я по узкой тропинке,
Ни о чем не жалеющий по незрелости лет.
Только божья коровка

По тонкой зеленой травинке
Вдруг сквозь стену прошла
И упала,
И долго летела вослед.

2

Была пора отлета птиц и поздней молотбы,
День догорал, по грудь в осоке стоя.
И чувство странного, до ужаса простое,
Вошло впервые в кровь моей судьбы.
И я увидел в дымке голубой
На дальнем берегу, куда мне не добраться,
Всю жизнь свою
С сиротской жаждой братства,
Последний вздох земли
И... первую любовь.
Необъяснимой простоты полна,
Как след неведомо чего,
Как одинокая волна,
Она прошла по берегу пустому.
Какой-то дом... Она подходит к дому,
Прислушалась. Прочь отошла,
Потом на старый пенёк присела
И что-то грустное запела
Так, словно сердцем умерла.
Века я песню вспоминал,
Потом века забыть старался.
Но где б с тех пор я ни скитался,
Каких бы дел ни начинал,
Как странный сон, что время стерло,
Она порой сжимает горло,
И раздаётся в тишине
Ее простой далекий голос
В том, как шумит ветла иль колос,

Осенней стужею клоним.
И сердцу так высокогорно,
Что беспечально и покорно
Я всюду следую за ним.
Дождинки слезные ловлю,
Беду и радость — все приемлю,
Рождаюсь заново и землю,
Любовью первую люблю.
И так мила мне даль сквозная,
И так я у всего в долгу,
Как будто тайну вечной жизни знаю,
Вот только вспомнить не могу.

3

Далеко-далеко, где носят чуни,
Где юбки шьют из маскхалатов и мешков,
Где юноши и старики в кругу
Сидят
И курят крепкую махорку,
Где сотню отдают за молока махотку, —
В краю войны и детства моего
Живет та девочка.
Она меня не знает.
Она Толстого вечером читает,
Не ходит на гулянку, не поет
И самогон со взрослыми не пьет.
Она красива. Черная коса
Чернее черной непроглядной ночи.
Огромные укромные глаза.
Я сплю и бормочу про эти очи...
Я не влюблен. Мне слишком мало лет.
Я плохо кормлен, чтоб влюбляться рано.
Но на нее смотрю я как-то странно,
Как на прекрасный призрачный балет.

В ней столько тихой грации, игры,
По-городскому кроткого кокетства,
Что так и тянет выйти за дворы
И, разбежавшись, выскочить из детства.
Сто лет прошло.
За жизнью жизнь сменялась...
Ни тени сходства я не уловил,
Но по тому, как шла,
Как засмеялась,
Я понял вдруг, что встреча состоялась,
И кинулся, и миг остановил.
Вечерний чай за полночь забредает.
Смотрю — и насмотреться не могу.
Вот скучно ей.
А вот она читает.
Вот туфли надевает на бегу.
Как просто все, легко необычайно!
Как молодо!
И что мне до того,
Что мы на свете встретились случайно
И что она не помнит ничего.

Майя Борисова

1932

---

*

ходят не тогда, когда уходят.
Совсем иначе это происходит.
Каким-то утром, праздничным ли, будним
Он встанет и умыться не забудет.
И зубы жесткой щеткою почистит.
И выключатель сломанный починит.
За завтраком газету почитает.
Прикинет, как идет футбольный счет.
И вдруг увидит:

женщина

чужая

Тарелку держит:

«Положить еще?»

А дальше все останется, как было:
Не вспыхнет стол малиновым огнем,
И в ванной не окаменеет мыло
(«Семейное» — написано на нем).
И станут годы скатываться в забыть.

Покой, густея,
                    зацветет в дому,
Но женщина начнет все время зябнуть,
Сама не понимая почему.
И муж непьющий, и достаток нажит,
А все как бы в предчувствии дождя...
А это он ушел.
                    Ушел однажды.
И двери не захлопнул уходя.

Лариса Васильева

1935

---

*

жимает горло, леденит запястья
великая и вечная тщета.

За два мгновенья горестного счастья
я отдавала долгие года,

и приходила вечная расплата
царапиной на встреченном стволе,
пустым пренебрежением заката,
пустым стаканом на пустом столе.

И все-таки откуда, неизвестно
брела весна в оборванных стихах,
и в тесной кадке восходило тесто,
замешанное как-то впопыхах.

И снова я разбрасывала годы,
в предвестье шла, не разобрав пути,
чтоб сквозь туман и ветер непогоды
твой взгляд найти и свой не отвести.

Я тебе снилась однажды
в самом расцвете весны.
Сны приключаются с каждым,
мы не в ответе за сны.

Часто приснится такое —
не разгадать — хоть умри:
нынче за мною толпою
с криком брели фонари.

Чьи-то топча огороды,
я убегала в зарю...
Это все шутки природы,
я о другом говорю:

я тебе снилась, спасибо,
знать, тосковал обо мне,
мы наяву не могли бы
так говорить, как во сне.

Вечно стояли б меж нами
совести злые права,
а не повитые снами
правды скупые слова.

Я тебе снилась, наверно,
в свете густой синевы
смутно, счастливо, неверно,
как не бывает, увы.

* * *

Видно, нет во мне силы такой,
чтоб тебя разлучила с тоской,
неуверенность смехом топя,
упоила бы светом тебя,
и, не помня о разнице лет,
ты бежал бы мальчишкою вслед.
Там, где ландыши спеют в лесу,
ты б сказал: — На руках донесу
до заветного дерева, там
я тебя никому не отдам! —
И другие пустые слова,
от которых смутна голова.

Видно, нет во мне силы, прости,
разреши лишь по следу идти.
Я себя, будто хлеб, раскрошу,
птиц голодных склевать приглашу
волю, гордость, отчаянье, грусть,
даже совесть и молодость — пусть!
Может, слушая их голоса,
ты воспрянешь — и вспыхнут глаза.

* * *

Когда бы я тебя забыла,
когда бы ты меня забыл,
все б в этом мире просто было
и мир вполне понятным был.

Как в лавке, на соседних полках
лежали б судьбы и права,

и в предсказаниях и толках
не заблуждалась голова.

Забыть! Не так уж это трудно:
заставь попробуй, прикажи!
Да память, к счастью, неподсудна
судам рассудка и души.

Ты защитил меня от пули,
я не спасла тебя от бед.
Мы на мгновенье утонули,
чтоб жить и помнить тот рассвет.

Встреча

Была нечаянною встреча,
которую давно ждала,
и дрожью охватило плечи,
и кругом голова пошла.

И закачалось светило,
и годы выпали из рук,
и время вспять поворотило
вспять не вращающийся круг.

И все смешалось, все смешалось:
весна бежала по зиме,
и лето снегу улыбалось,
и утро плавало во тьме.

Как прежде, мы стояли рядом,
как прежде, я была полна
твоей улыбкой, смехом, взглядом,
как прежде, я была верна.

Привычек мелкие детали,
обрывки позабытых фраз
над нами птицами летали,
ветрами обдавая нас.

Как прежде, предостереженья
не волновало нас ничуть,
а в небе облака скольжение
безоблачный сулило путь.

* * *

Все опустело, опостылело,
заметены твои следы,
Медведица на землю вылила
холодный ковш сырой воды.

И нет тебя. И будто не было
во мне тревожного огня,
и путь от были и до небыли
теперь зависит от меня.

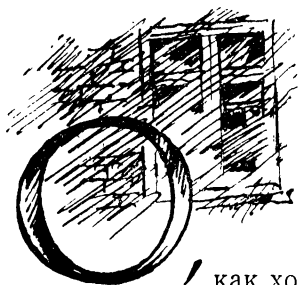
Когда случилось — не заметила,
покой, как враг, пришел ко мне.
Уж лучше б я тебя не встретила
ни наяву и ни во сне.

Лариса Румарчук

1935

---

*

как хотела я свободы,
Как ненавистен был мне дом,
Когда в те памятные годы
С тобою жили мы вдвоем!
Мне было все в тебе немило:
Что с лекций ты меня встречал.
Я даже песен не щадила,
Что для меня ты сочинял.
О, как тебя я презирала
За то, что путь у нас один!
За то, что по читальным залам
За мною следом ты ходил!
За то, что поезд слишком редко
Возил нас в дальние края,
За то, что стала тесной клеткой
Любовь и преданность твоя.
Но, став отчаянной и смелой,
Себя измучив и тебя,

Я вырвалась. Земля гудела,
Далеким поездом трубя.

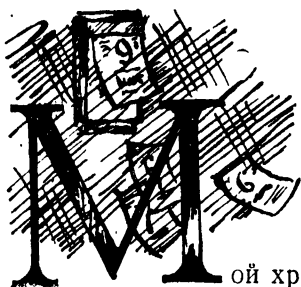
Я по дорогам зашагала,
От слез и радости слепа.
Меня теснила и толкала
Густая пестрая толпа.
Но дальше глуше год от года
Воспоминанье прежних дней.
Теперь богата я свободой.
Скажи мне, что мне делать с ней?
Зачем по улицам рассветным
Ее я гордо провожу?
Она — окно мое без света,
Когда я к дому подхожу.
Она — мой спутник неизменный,
С которым немые соловьи,
И наказание за измену
Неповторяемой любви.

Ольга
Фокина

1937

---

*

ой хрустальный апрель!
Календарь листается —
В сентябре ль, в декабре ль
След твой потеряется,
Смоет дождь, скроет снег,
Вытопчут прохожие?
Сколько зим, сколько лет
Между нами, боже мой!

Сколько зим, сколько лет!
И все больше копится:
Был — и нет. Был — и нет,
Как года торопятся!
А закрою глаза —
Это ж нынче вечером
Ты пришел, ты сказал,
Ты взглянул доверчиво.

Скроюсь в тень от берез —
И опять услышаны
Те же шорохи звезд.
В небесах приближенных,
Слышу звон под ногой
Льдинок разбиваемых
На дороге лесной,
Где с тобой шагаем мы.

Мой далекий апрель,
Сердце не меняется,
Даже сны о тебе
Все запоминаются,
И ответ мой таков,
Кто б когда ни спрашивал:
Мне июля шелков
Не кроить, не нашивать.

* * *

Мне холодно — знаешь?
Мне холодно — слышишь?
...Дорога лесная
В стенах, да без крыши.
А небо дыряво,
А с небушка каплет...
У мутной канавы
Я бросила грабли.
Холодные капли
Текут под рубашку,
Озябшие пальцы
Терзают ромашку.
Ромашка сказала:

— Не любит... Я знаю!
Ни фей, ни русалок —
Дорога лесная!
Мне все по плечу,
Я не думаю плакать,
Но снова кричу
В эту зыбкую слякоть,
Чтоб крик поднимался
Все дальше, все выше:
— Люблю тебя! Знаешь?
Люблю тебя, слышишь?!

* * *

Пой, вселенная! Я воскресаю!
Воскресаю, вселенная, пой!
Хлеб от целой буханки кусаю,
Из ведра запиваю водой.
От друзей, от подруг и знакомых
В глушь лесную на лыжах лечу,
Только тут я действительно дома,
Только тут я душой не молчу.
Пень почтительно скинет папаху,
Поприветствует молча сосна...
Только тут без тревоги и страха
Твоего начитаюсь письма.
Любишь! Любишь...
В восторге беспечно
Как я счастье боюсь рассорить!
Любишь. Любишь — надолго, навечно
Как назвать тебя? Чем отдарить?

Эх и хлещет! Ни тебе просвета,
Ни тебе надежды на просвет.
Кажется, размокла вся планета,
И к тебе пути-дороги нет.

Человече, милый человече,
Неужели так тому и быть —
Если небо против нашей встречи,
Значит, встречу надо отменить.

Если люди трезво рассудили,
Что тебе и мне — не по пути,
Значит, мы с тобою отлюбили,
Значит, нам друг друга не найти?

Человече, милый человече,
Неужели, если ты — женат,
Мне уже нельзя мечтать о встрече
Год, и два, и десять лет подряд?

Ну, а если все-таки мечтаю,
Ну, а если я не побоюсь:
Под дождем пройду — и не растаю,
Взгляды встречу — и не отвернусь, —

Неужели только пятна грязи
На плаще моем увидишь ты?
И, как раньше, мне навстречу разве
Не качнутся глаз твоих цветы?

Человече, милый человече,
Неужели сердце не право

В том, что счастьем ты не обеспечен?
У меня ж полсчастья твоего!

* * *

Песни у людей
Разные,
А моя — одна
На века:
Звездочка моя
Ясная,
Как ты от меня
Далека!

Поздно мы с тобой
Поняли,
Что вдвоем — вдвойне
Веселей
Даже проплывать
По небу,
А не то что жить
На земле.

...Облако тебя
Трогает,
Хочет от меня
Закрыть.
Чистая моя,
Строгая,
Как же я хочу
Рядом быть!
Знаю, для тебя
Я — не бог:

Крылья, говорят,
Не те...
Мне пельззя к тебе
На небо,
А-а-а-а-а,
Прилететь!

Бродят за тобой
Тученьки,
Около кружат
Они...
Протяни ж ко мне
Лучики,
Ясная моя,
Протяни!

1944

Как извест

522

«Люблю» — исток всех жертв и милосердий,
Рождение искусства и труда...
Он смерть остановил открытым сердцем,
В последний миг услышав чье-то «да».

Когда враги шли черною лавиной,
Все потускнело, кроме одного...
И четкий образ женщины любимой
Стал символом Отечества его.

Все это нитью связано одною:
И поцелуй, и клятва — мука рта...
Вот потому-то никакой ордою
Моя Россия не была взята!

Вот потому-то на моей планете
Узнали люди дальние миры
И потому улыбчивы, как дети,
И старики, и сверстники мои.

И потому всенный этот вечер
До утренней воздушной синевы
Неповторимо и тепло просвечен
Зарей заката и зарей любви.

...Я знаю, что далекие потомки
Воссоздают любовь, найдя весной
Вот этого пожатия обломки
И эхо слов, звучащих под луной.

И все еще грядущие свиданья
В веках продолжают молодость мою,
И вновь здесь прозвучит, как заклинанье,
Гимн человеку: «Я тебя люблю!»

Содержание

КОЖУХОВА О.

Стихи о любви	5
-------------------------	---

ДЕРЖАВИН Г.

Пламиде	17
Нине	19
Амур и Псишся	19
Цепи	20
Шуточное желание	21

ЖУКОВСКИЙ В.

Песня (Когда я был любим, в восторгах, в наслаждение) .	22
К ней	23
Песня (Птичкой певицсю) .	23
Новая любовь — новая жизнь	25
Песня (Кольцо души-девицы)	25
Песня (Минувших дней очарованье)	27

ПУШКИН А.

«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	28
Признание	29
Ты и вы	31
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	31
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	31
«Что в имени тебе моем?...» .	32
«Я помню чудное мгновенье...»	32
Сожженное письмо	33

Элегия	35
«В крови горит огонь желанья...»	35
«Для берегов отчизны дальней...»	36
БАРАТЫНСКИЙ Е.	
Разлука	37
Разуверение	37
Поцелуй	38
МЕРЗЛЯКОВ А.	
«Среди долины ровные...»	39
БАТЮШКОВ К.	
Элизий	41
Мой гений	43
ДАВЫДОВ Д.	
Романс	44
«О, кто, скажи ты мне, кто ты...»	45
На голос русской песни	45
КОЗЛОВ И.	
Романс	47
К неверной	48
ДЕЛЬВИГ А.	
Первая встреча	51
МЯТЛЕВ И.	
Розы	53
ВЯЗЕМСКИЙ П.	
Простоволосая головка	55
ЛЕРМОНТОВ М.	
«Слышу ли голос твой...»	57
«Как небеса твой взор блистает...»	58
«Она поет — и звуки тают...»	58
«Есть речи — значенье...»	59

Отчего	59
Благодарность	60
А. О. Смирновой	60
Завещание	60
«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	62
Нищий	62
«Она была прекрасна, как меч- та...»	63
«Поцелуями прежде считал...»	63
«Мой друг, напрасное стара- нье!...»	64
«Она не гордой красотою...» .	65

ТЮТЧЕВ Ф.

К. Б.	66
«О, как убийственно мы лю- бим...»	67
«Я очи знал, — о, эти очи!...» .	68
«Не говори: меня он, как и прежде, любит...»	69
Последняя любовь	71
«Весь день она лежала в за- быти...»	71
«В разлуке есть высокое зна- чение...»	72
«Люблю глаза твои, мой друг...»	72
«Она сидела на полу...» . . .	73
«Еще томлюсь тоской жела- ний...»	73

КОЛЬЦОВ А.

Не шуми ты, рожь	74
Последний поцелуй	75
Разлука	76
Песня (Если встречусь с то- бой)	77

НИКИТИН И.

«Уж не я ли тебя, милая, упра- шивал...»	79
---	----

«Пошутила я — и другу слово молвила...»	80
«День и ночь с тобой жду встречи...»	81
РОСТОПЧИНА Е.	
Разговор во время мазурки .	82
СОЛЛОГУБ В.	
Серенада (Накинув плащ, с ги- тарой под полою)	84
ОГАРЕВ Н.	
SERENADE (Песнь моя летит с мольбою)	86
ТУРГЕНЕВ И.	
В. Н. Б. (Когда в весенний день, о ангел мой послуш- ный)	88
Вариации: (Когда так радост- но, так нежно), (Ах, давно ли гулял я с тобой!), (В дороге) .	89
К (Через поля к холмам те- нистым)	92
ПОЛОНСКИЙ Я.	
Песня цыганки	94
ФЕТ А.	
«На заре ты ее не буди...» . .	96
«Какое счастье: и ночь, и мы одни!..»	97
«Сияла ночь. Луной был полон сад...»	97
«Я тебе ничего не скажу...» .	99
РАЗОРЕНОВ А.	
Песня (Не брани меня, родная)	100
МАЙКОВ А.	
«Скажи мне, ты любил на ро- дине своей?..»	102
«Истомленная горем, все вы- плакав слезы...»	104

«Порывы нежности обуздывать умея...»	104
Под дождем	105
«Я б тебя поцеловала .» . . .	106

ТОЛСТОЙ А. К.

«Средь шумного бала, случай- но...»	107
«Не ветер, вея с высоты...» .	108
«Не верь мне, друг, когда в избытке горя...»	108
«Ты клонишь лик, о нем упо- миная...»	109
«Острою секирой ранена бе- реза...»	109
«Слеза дрожит в твоём ревни- вом взоре...»	109
«То было раннею весной...» .	111
«Кабы знала я, кабы ведала...»	112
«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...»	113

ГРИГОРЬЕВ А.

«О, говори хоть ты со мной...»	114
--------------------------------	-----

МЕЙ Л.

«Не знаю, отчего так грустно мне при ней?...»	117
«Хотел бы в единое слово...» .	118

НЕКРАСОВ Н.

«Ты всегда хороша несправ- ленно...»	119
«Я не люблю иронии твоей...» .	121
«Пушай мечтатели осмеяны давно...»	121
«Мы с тобой бестолковые лю- ди...»	122
Зеленый Шум	122

АПУХТИН А.

«Ночи безумные, ночи бессон- ные...»	125
---	-----

ЖЕМЧУЖНИКОВ А.

«Странно! Мы почти что не- знакомы...»	126
---	-----

НАДСОН С.

В тени задумчивого сада . . .	127
Над свежей могилой	128
«Закралась в угол мой тай- ком...»	129
«Ты разбила мне сердце, как куклу ребенок...»	130
«Верь в великую силу любви!..»	131

ГОРЬКИЙ М.

Девушка и Смерть	132
О маленькой фее и молодом чабане	140

БЛОК А.

Незнакомка	142
Servus — reginae	145
«Май жестокий с белыми но- чами!..»	145
«Мы встречались с тобой на закате...»	146
«Ветер принес издалека...» . .	147
«Опустишь, занавеска линия- лая...»	147
«В густой траве пропадешь с головой...»	148
«О доблестях, о подвигах, о славе...»	149
«Пусть я и жил, не любя...» .	150
«Я и молод, и свеж, и влюб- лен...»	151
«Мы были вместе, помню я...» .	151
Девушка из Spoleto	152
На железной дороге	152
«О да, любовь вольна, как пти- ца...»	154
«Нет, никогда моей, и ты ни- чей не будешь...»	155

Перед судом	156
Демон	157

БРЮСОВ В.

Между двойною бездной . . .	159
-----------------------------	-----

БУНИН И.

«Звезды ночью весенней неж- исе...»	160
«Как светла, как нарядна весна!..»	161
«Нынче ночью кто-то долго пел...»	161
«В поздний час мы были с нею в поле...»	162
«Чашу с темным вином пода ла мне богиня печали...» . . .	163
Жена Азиса	163
Одиночество	164
Песня (Я — простая девка на баштане)	165
Рыбачка	165
Песня (Зацвела на воле) . . .	166

БАЛЬМОНТ К.

Беатриче (Сонет)	167
До последнего дня	168

АННЕНСКИЙ И.

Смычок и струны	169
Среди миров	170

АХМАТОВА А.

«Сжала руки под темной вуа- лью...»	171
Сероглазый король	172
«Безвольно пощады просят...» .	172
«Настоящую нежность не спут- аешь...»	173
«Углем наметил на левом бо- ку...»	173
«Я с тобой не стану пить ви- но...»	174

Смятение	174
«Не будем пить из одного ста- кана...»	175
«После ветра и мороза было...»	176
Гость	177
Н. В. Н.	177
«Широк и желт вечерний свет...»	178
«Первый луч — благословенье бога...»	178
«Я окошка не завесила...» . .	179
«Двадцать первое. Ночь. Поне- дельник...»	179
«И в тайную дружбу с высо- ким...»	181
«По твердому гребню сугроба...»	181
«Пока не свалюсь под забо- ром...»	182
«Долгим взглядом твоим истом- ленная...»	182
«Шепчет: «Я не пожалею...» .	183

ЕСЕНИН С.

«Заметался пожар голубой...» .	184
«Выткался на озере алый свет зари...»	185
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	186
«Какая ночь! Я не могу...» .	186
«Ты такая ж простая, как все...»	187
«Я помню, любимая, помню...»	188
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	189
«Пускай ты выпита другим...»	190
«Дорогая, сядем рядом...» . .	191
Сукин сын	193
«Я спросил сегодня у меня- лы...»	195
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...» .	196
«Ты сказала, что Саади...» .	197
Письмо к женщине	198
«Ну, целуй меня, целуй...» . .	201

«Голубая кофта. Синие глаза...»	202
«Не криви улыбку, руки тер- бя...»	203
«Ты меня не любишь, не жа- лешь...»	203

МАЯКОВСКИЙ В.

Послушайте!	205
Люблю	206
Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви .	209

АСЕЕВ Н.

Простые строки	215
Лирическое отступление . .	217
Не за силу, не за качество .	228

ЦВЕТАЕВА М.

«Вчера еще в глаза глядел...»	230
Любовь	231
Попытка ревности	232

СЕЛЬВИНСКИЙ И.

«Если умру я, если исчезну...»	234
Влюбленные не умирают . .	235

ТИХОНОВ Н.

«Я люблю тебя той — без при- чески...»	236
«Полюбила меня не любовью...»	237
«Ты не думай о том, как тос- кую я в городе зимнем...» . .	238

ПАСТЕРНАК Б.

Без названия	239
Свидание	241
«Любить иных тяжелый крест...»	242
«Никого не будет в доме...» .	243

ИНБЕР В.

«Месяцы нас разделили...» .	245
Иду на почту	245

СВЕТЛОВ М.

Любовь	248
«Все ювелирные магазины...»	249
«Какой это ужас, товарищи...»	249
Рабфаковке	250

ВАСИЛЬЕВ П.

«Не добраться к тебе! На чужом берегу...»	253
«Вся ситцевая, летняя приснись...»	254
«Дорогая, я к тебе приходил...»	255
«Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю...»	255
Стихи в честь Натальи	256
«Какой ты стала позабытой, строгой...»	259
Любимой	259
Лирические стихи	261

КАЗИН В.

Ожидание	264
«Тебе не ночь ли косы заплетала?..»	265
«Чу! Как сердце бьет горячим громом...»	265
«О сближение не было и речи...»	267
Твой образ	268

ПРОКОФЬЕВ А.

Что-то сердце...	269
Невеста	270
«Не боюсь, что даль затмилась...»	271
«Где ты? Облака чуть-чуть дымятся...»	273
«Ты мне что-то сказала...»	274
Вот какую я была...	275
«Как будто неба больше стало...»	275
«Мне дня не прожить без тебя не тоскуя...»	276

ЗАБОЛОЦКИЙ Н.

Признание	277
Некрасивая девочка	278

ТВАРДОВСКИЙ А.

«Не стареет твоя красота...» .	280
--------------------------------	-----

ЩИПАЧЕВ С.

«Любовью дорожить умеете...»	282
«Весенний дождь хлестал кусты...»	282
«Любовь пронес я через все разлуки...»	283
«Пусть пристально глядят мужчины...»	283
«Мне глаза твои забыть едва ли...»	283
«Бывает полно значенья...» .	284
Слезы	284
Жена	285

МАРТЫНОВ Л.

Любовь	286
«Ты без меня...»	287
Я знаю, какова любовь! . . .	288
Птицы	289
Атом	289
«О, я всегда желал тебе удачи!...»	290
Первый снег	290
Грусть	292
«Я вас люблю!...»	292

БЕРГГОЛЫЦ О.

Стихи о любви: «Взял неласковую, угрюмую...», «Я тайно и горько ревную...»	295
Бабье лето	297
Из «Писем с дороги»	297
Листопад	298
«Ты у жизни мною добыт...» .	300

«А я вам говорю, что нет...»	300
Перед разлукой	301

УТКИН И.

Песенка (Подари мне на про- щанье)	303
Сердце	304
Философское	305
Типичный случай	306

ЖАРОВ А.

Расставание	308
Полнолуние	309

ИСАКОВСКИЙ М.

Где ты, лето знойное?.. . . .	311
Девичья песня (Не тревожь ты себя, не тревожь)	313
Лучше нету того цвету... . . .	314
Услышь меня, хорошая.. . . .	315
Мы с тобою не дружили... . . .	315
Каким ты был, таким остался... .	317
Ой, цветет калина...	318
Опять играют два баяна	319

БРАУН Н.

«Поутру морозит, в полдень тает...»	321
«За окнами голуби стопут, вор- куют...»	322
«Ты была моим дыханьем...» . .	322
«Войди в мой сон, как в дом, заговори...»	323
«Завидую ветру, что в даях безбрежных...»	324
«За что я тебя полюбил?...» . .	325
«Опять до тебя перегоны...» . .	325
«Когда я с тобой, я не знаю сомнений...»	326
«Что делать мне, когда ты в сердце входишь...»	326
«Нас не сможет ничто никогда разлучить...»	327

СМЕЛЯКОВ Я.

Хорошая девочка Лида . . .	329
Милые красавицы России . . .	331

ОШАНИН Л.

«Ты ждешь любви всем существом своим...»	333
«Это будет вот так...»	333
«В сердце разная боль и разный страх...»	334
«Ты счастье со мною пережила...»	335
Зоя Павловна	336

ЯШИН А.

«Скрутит тебя любовь...» . . .	339
Из цикла «Первые письма» . . .	340
«Я тебя не хочу встречать...» . . .	345
Извечное	345
«Боюсь любви, а не любить — не жить...»	346
«Ты такое прощала...»	347
О безответной любви	347

АЛИГЕР М.

«Несчастной любви не бывает!..» . . .	350
«Прости мне этот голос телефонный...»	351
Перед зарей	352
Живая любовь	353

ХЕЛЕМСКИЙ Я.

«Что делать? Люблю, словно в юности рашей...»	356
«Я желанием томим...»	357
«Давай-ка назначим свидание...»	358

РЫВИНА Е.

«Что такое со мной случилось?..»	360
«Когда я уйду куда-нибудь из дома...»	362

Восьмистишия: «Огонек твоей папиросы...», «Я хочу тебя увидеть...», «Стоял июль...», «Дождь пошел, когда еще светало...», «Январский несласковый иней...»	363
«Спешу. Не жди удара грома...»	365
«За окном дожди лютуют...»	366
Любовь	367

СИМОНОВ К.

У огня	368
«Жди меня, и я вернусь...»	371
«Над черным носом нашей суб- марины...»	372
«В домотканом, деревянном городке...»	373
«Мне хочется назвать тебя же- ной...»	374
«Тринадцать лет. Кино в Ряза- ни...»	375

ВАСИЛЬЕВ С.

Девичья ласковая	377
«Что-то есть в тебе такое...»	378
Все говорят...	378

ОСТРОВИЙ С.

А любовь остается жить . . .	380
Живая вода	381

ДОЛМАТОВСКИЙ Е.

«Твоя святая красота...» . . .	383
--------------------------------	-----

КОМАРОВ П.

«Милые руки пожав до хру- ста...»	385
«Когда к вам в сердце чистое...»	386

СМОЛЯКОВ С.

Это я проходил	388
Ранним вечером	389
«— Освободи мне сердце от любви...»	390

ТУШНОВА В.

«Быть хорошим другом обещался...»	391
«Надо верными оставаться...»	392
«А знаешь, все еще будет!..»	392
«Ну что же, можешь покинуть...»	393
«Одна сижу на пригорке...»	394
«Небо желтой зарей окрашено...»	395

ФЕДОРОВ В.

О ней	396
«Молодая береза совсем не белая...»	397
«Как пламя яркого огня...»	397
«Любовь к тебе...»	398
«— Не изменяй! —...»	399
«В своей скитальческой судьбе...»	399
«Все речи да речи...»	402
«Я не знаю сам, что делаю...»	403
«О, женщина, краса земная...»	404
«Измаянная тишиной...»	405
«Как случилось, не заметил...»	406
«Еще недавно нам вдвоем...»	407
«Любовь мне...»	407

БУРОВА Н.

«Кукушечья мудрость — живи да живи...»	409
«Ждать ветра, ждать солнца, ждать теплой волны...»	410
«Я так жду тебя, добрая весть...»	411
«Август был бессолнечен и тих...»	411

СНЕГОВА И.

Любовь	413
«О, господи! Все женщины мечтают...»	414

«Бывает так: живешь в неволе...»	415
«Жив-здоров. Не глядишь на другую...»	415
«Не надо приходить на непелища...»	416

ДОРИЗО Н.

«О, как нам часто кажется в душе...»	417
«Все знаю смешинки лица твоего...»	417
«Моя любовь...»	418
Любовь	420
«Быть может, я с тобою оттого...»	421

СОЛОУХИН В.

«Итак, любовь. Она ли не воспета...»	423
Давным-давно...	424
«Ты за хмурость меня не вини...»	424

ДРУНИНА Ю.

Ты рядом	425
«Сколько силы в обыденном слове «милый»!..»	426
Как объяснить?	426
«Ждала тебя...»	427
Позови меня	429
«Жизнь, скажи, разве я виновата...»	429
«Не встречайтесь с первой любовью...»	430
«Я люблю тебя злого...»	431
«Мне тебя позабыть пора...»	432

АСАДОВ Э.

Любовь и трусость	433
Не клянись	435
Одно письмо	436
Аптека счастья	437

НИКОЛАЕВСКАЯ Е.

«В безмолвии тропы...» . . . 439

ТУРКИН В.

«Не говори о женщинах поспешно...» 441

Веселее 442

«Всего одно свидание...» . . . 443

«Мне говорили, что не надо...» 444

АГАШИНА М.

Что было, то было... . . . 445

«Тише, годы! Все-то в сердце свято...» 446

«Я об этом не жалею...» . . . 447

Сорок трав 447

«Но мне бывает в тягость дружба...» 450

ВАНШЕНКИН К.

«Ты добрая, конечно, а не злая...» 452

Мимоходом 452

«Меж бровями складка...» . . . 453

Надпись, высеченная на камне в горах 454

Рыжая 454

«Качнулась и раскололась...» . 455

ВИНОКУРОВ Е.

«Она жена моя...» 457

Любимые 458

Женщины 460

«Нам имена их вспомнятся едва ли...» 461

«Хочет женщина быть красивой...» 461

Она 462

Женский голос 463

СОКОЛОВ В.

Первый снег 464

«Как будто не было зимы...» .	467
«Под черной липой, на исходе встречи...»	468
«На влажные планки ограды...»	468
«Но как мы встретимся — чу- жими?...»	469
«А я не помню ни первой люб- ви...»	471
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р.	
«Будь, пожалуйста, посла- бее...»	472
ЕВТУШЕНКО Е.	
Заклинание	475
«Нет, мне ни в чем не надо половины!..»	477
«Со мною вот что происхо- дит!..»	478
ВОЗНЕСЕНСКИЙ А.	
На плотях	480
Тайга	481
ЦЫБИН В.	
Нежность	484
«Когда я в тебя влюбился...»	485
«Ушла. Мимо жизни про- мелькнула...»	486
«В жизни немало у нас напе- чено...»	488
«Я до конца продрог...» . .	489
«Я в прошлое твое тебя вер- ну...»	490
Люби	491
КАЗАКОВА Р.	
«Все говорят, что ты упрям и груб...»	493
«Приснись мне! А то я уже за- бываю...»	493
Отголосок	494
«Пока еще не врем...» . . .	495

«Как же это мы не потеря-	
лись...»	496
«Чувство любви — это все на	
пределе...»	496
«Кругами под глаза легли...» .	497
«Это — правда, что я зача-	
стую...»	498
«Постарею, побелею...» . .	499
«Быть женщиной — что это	
значит?..»	500
«Приходит понимание любви...»	501

ЗАВАЛЬНЮК Л.

Первая любовь	502
-------------------------	-----

БОРИСОВА М.

«Уходят не тогда, когда ухо-	
дят...»	506

ВАСИЛЬЕВА Л.

«Сжимает горло, леденит за-	
пястья...»	508
«Я тебе снилась однажды...» .	509
«Видно, нет во мне силы та-	
кой...»	510
«Когда бы я тебя забыла...» .	510
Встреча	511
«Все опустело, опостылело...» .	512

РУМАРЧУК Л.

«О, как хотела я свободы...» .	513
--------------------------------	-----

ФОКИНА О.

«Мой хрустальный апрель!..» .	515
«Мне холодно — знаешь?..» .	516
«Пой, вселенная! Я воскре-	
саю!..»	517
«Эх и хлещет! Ни тебе просве-	
та...»	519
«Песни у людей разные...» .	520

КАШЕЖЕВА И.

Первая любовь	522
История любви	523

Д 86   **Душа пълна тобой.** Стихи русских и советских поэтов о любви. Хабаровск, Кн. изд., 1975.

544 стр. 100 000 экз. 1 р. 63 к.

В книге собраны стихи о любви поэтов XIX и XX веков, от Державина до современных молодых поэтов.

Д   70400-39
      М160(03)-75

Р2

ДУША ПОЛНА ТОБОЙ

Редактор-составитель Л. С. Овечкина
Художник В. В. Вагин
Художественный редактор А. В. Колесов
Технический редактор Н. А. Лызова
Корректор В. М. Сосновская

Сдано в набор 26/VI 1975 г.
Подписано к печати 7/VII 1975 г.
Бумага типографская № 3.
Формат 84×108/32.
28,56 усл. печ. л. 20,11 уч.-изд. л.
Тираж 100 000 экз. (1—40 000 экз.). Заказ № 4332.
Цена 1 р. 63 к.

Хабаровское книжное издательство
Государственного комитета
Совета Министров РСФСР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1
краевого управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

1620

лр 63 к.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(январь 2015)